

БЛАГОСЛОВЕН
ПОСЛАВЪ ТЕБЯ

А. П. АБЗЕВЪ

МОСКОВСКОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ИЗДАВАЕТЪ

Annotation

Издаваемая книга профессора А. П. Лебедева посвящена очень важному периоду в истории Византии, в жизни Византийской и, в целом, Восточной церкви. Этот период связан с деятельностью выдающегося церковного деятеля византийской истории — константинопольского патриарха Фотия. Автор ставит задачу рассмотреть историю Константинопольских соборов середины IX в. на фоне борьбы Западной и Восточной церквей в эту эпоху и разворачивающейся в Византийской церкви борьбы сторонников свергнутого патриарха Игнатия и сторонников Фотия. Книга является составной частью исследования А. П. Лебедева о взаимоотношении двух Церквей в период их разделения в IX–XI вв. А. П. Лебедев строит свое изложение на основе строгого анализа источников.

Книга будет полезна не только специалистам в области византийской истории и истории Церкви, но и всем интересующимся этими проблемами. Издание снабжено комментариями, списком новейшей литературы, источников, именным указателем.

-
- [История Константинопольских соборов IX века](#)
 - [Предисловие](#)
 - [История Константинопольских соборов IX века \(861–880 гг.\)](#)
 - [I. Собор Перво-второй, или Двукратный \(861 г.\) \[154\]](#)
 - [II. Собор 869–870 годов, признаваемый на Западе Восьмым Вселенским Собором](#)
 - [III. Собор 879–880 годов, называемый Собором в храме Св. Софии](#)
 - [Библиография](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)

- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)

- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)

- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)

- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)

- [324](#)
 - [325](#)
 - [326](#)
 - [327](#)
 - [328](#)
 - [329](#)
 - [330](#)
 - [331](#)
 - [332](#)
 - [333](#)
 - [334](#)
 - [335](#)
 - [336](#)
 - [337](#)
 - [338](#)
 - [339](#)
 - [340](#)
 - [341](#)
 - [342](#)
 - [343](#)
 - [344](#)
 - [345](#)
 - [346](#)
-

История Константинопольских соборов IX века

Предисловие

Я ненавижу сам и учу ненавидеть других три порока: ложь, коварство и поддельную любовь.

Письмо патр. Фотия к патрикию Феофилакту (Ер. 119)

Издаваемая книга профессора А. П. Лебедева посвящена значимому периоду в истории Византии, в жизни Византийской и в целом Восточной Церкви. Этот период связан с деятельностью выдающегося церковного деятеля византийской истории — константинопольского патриарха Фотия. Эпоха патриаршества Фотия является во многих отношениях замечательной и в то же время сложной. В истории Византии она определяется крутыми переменами в общественной и церковной жизни. В политике этот период характерен переходом от частой смены императорских династий к признанию необходимости более постоянного и твердого правления, что выразилось прежде всего в утверждении Македонской династии. Теоретическим обоснованием этой идеи стало законодательство Василия I Македонского и его сына Льва VI Мудрого, в котором были ясно определены prerogatives верховной власти, основанной на божественном авторитете.^[1] Во внешней политике период отмечен началом византийской «реконкисты» — восстановлением власти императора в восточной Малой Азии, на территориях, захваченных арабами в VII–VIII вв.

В церковной жизни в середине IX в. в Византии наблюдается переход от бурных споров об иконопочитании к богословскому затишью, своеобразному консерватизму, охранению уже выясненных в предшествующие века догматов, их защите от разнообразных еретических учений (к

примеру — павликиан).^[2] Поэтому наиболее выдающимися церковными деятелями сознавалась необходимость установления твердых норм Православия. Эта необходимость подчеркивала стремление к воссозданию богословских школ. В истории интеллектуальной жизни — это эпоха развития науки и литературы, организации придворной школы кесарем Вардой при поддержке императора. Самое непосредственное участие в этом процессе принимал Фотий.^[3]

В истории Западной Церкви рассматриваемый период характерен развитием нового церковно-политического направления, связанного с утверждением системы папства. Это был период понтификатов Николая I Великого, Адриана II и Иоанна VIII, когда средневековая концепция папской власти утверждалась не только в теории, но и на практике. Особенно это было связано с именем Николая I. Хотя его политика подготавливалась идеями и действиями предшествующих пап с V и IX вв., тем не менее правление **этого** понтифика представляет не просто новый шаг в развитии папской доктрины. Николай I понимал примат Римской Церкви как ее супрематию. Причем в своих рассуждениях он идет дальше. **Руководствуясь** евангельским принципом «Ты еси Петр, и на сем камне я созижду Церковь Мою» (Мф. 16, 18), папа утверждал, что верховная власть над Церковью находится в руках римского первосвященника, а Римская Церковь является хранительницей чистого предания, образцом веры для **всего** христианского мира. Высокие привилегии дают папе право и налагают обязанность руководить **всею** Церковью в делах веры и дисциплины. Эти **принципы** папа старался обосновать ссылаясь на Св. Писание, творения отцов Церкви, постановления **соборов**,^[4] а

также на новоявленный в период понтификата Николая I особый источник — Лжеисидоровы декреталии.

Но в своей политике папа Николай I столкнулся с сопротивлением со стороны митрополитов, которые, согласно папской доктрине авторитета, теряли половину своей власти. Они нелегко отказывались от полномочного управления своими диоцезами, и когда папа вмешивался в дела их митрополий, требуя подчинения его власти, оказывали ему сопротивление.

[5] Естественно, против такой политики пап выступила Восточная Церковь со своими традициями церковного устройства, основанными на принципах соборности и совместного управления пятью патриархами. [6]

Выразителем этих традиций явился патриарх Фотий. В лице Николая I и Фотия история свела в борьбе две крупные личности, которым суждено было выступить представителями двух половин единой Церкви, каждая из которых отстаивала свой церковный идеал. Столкновение было принципиальным — столкновение различных сложившихся церковных традиций, воззрений, обычаев, которое затем перешло на личные отношения. Эти тенденции отчетливо проявляются в их переписке. [7]

Провозгласив примат Рима в делах Церкви за непреложный догмат, Николай в дальнейшем держался этого принципа неизменно. Поэтому, когда в Константинополе произошли события, в результате которых патриарх Игнатий лишился своей кафедры, а на его место был возведен Фотий, Николай I истолковал обращение по этому поводу византийского правительства в Рим как просьбу об утверждении нового патриарха. [8] Он решительно и открыто принял на себя роль верховного судьи и вершителя судеб Вселенской Церкви. Фотий же вовсе не стремился подчинять Восток папе и выступил с раскрытием своих

взглядов на каноническое устройство Церкви. Двум указанным традициям суждено было прийти в столкновение на Константинопольских соборах середины IX в.

Этой непростой проблеме борьбы Западной и Восточной Церквей в период правления Фотия и посвящена издаваемая книга А. П. Лебедева, в которой автор рассматривает историю Константинопольских соборов середины IX в. на фоне разворачивающейся в Византийской Церкви борьбы сторонников свергнутого патриарха Игнатия и сторонников Фотия. Книга является составной частью исследования А. П. Лебедева о взаимоотношении двух Церквей в период их разделения в IX—XI вв.

Как и в других своих концептуальных исследованиях, А. П. Лебедев строит свое изложение на основе анализа источников. Несомненно, он разделял мнение Ф. А. Курганова, что патриарх Фотий «бесспорно относится к тем крупным историческим личностям, о которых каждый исследователь должен составить то или иное определенное мнение, если он хочет провести цельный, точно выработанный взгляд на всю область истории Церкви».^[9] Такой взгляд может быть составлен только при комплексном изучении всех дошедших до нас источников. Но в то же время, в соответствии с задачами своего исследования, А. П. Лебедев не приводит их обзора. Поэтому следует кратко охарактеризовать основной круг этих источников.^[10] При критическом разборе источников по истории патриаршества Фотия и Константинопольских соборов 861, 867, 869–870 и 879–880 гг. важно оценить их историческое значение и выяснить взаимные отношения между более ранними и более поздними источниками.^[11]

Основным источником по истории Константинопольских соборов середины XII вв. являются акты этих соборов, а также акты Римских соборов того же периода, собиравшихся по поводу нестроений в Константинопольской Церкви. Мы не будем останавливаться на проблеме исторической достоверности этих актов, поскольку А. П. Лебедев достаточно подробно осветил этот вопрос.^[12] Следует только отметить, что до нас не дошли документы Константинопольских соборов первого патриаршества Фотия (858–867): собора 858 г. по поводу его избрания на кафедру, двух соборов 858–859 г., первый из которых состоялся в церкви Св. Ирины, где сторонники низложенного патриарха Игнатия впервые отделились от церковного общения с Фотием и его приверженцами, анафематствовав их; второй состоялся в храме Свв. Апостолов, на котором, в свою очередь, фотий предал отлучению игнатиан и формальным определением закрепил низложение Игнатия, именем которого действовали возмутители церковного порядка.^[13] На соборе 869–870 гг. были сожжены акты трех важнейших соборов — 861, 866 и 867 гг., которые были неприятны для папы. Об этом сохранились сведения в актах собора.^[14] На первом соборе (861 г.) в присутствии папских легатов было подтверждено низложение Игнатия, а на соборах 866 и 867 гг. были осуждены злоупотребления папства на Востоке и действия папских легатов в Болгарии. Об этих соборах имеется информация только в нарративных источниках, которые в основном были враждебны Фотию.

Акты собора 869–870 гг. дошли до нас не в полном объеме, хотя они сохранились в различных списках и изложениях.^[15] В издании Гардуина помещен латинский перевод актов, выполненный Анастасием Библиотекарем для папы Адриана II сразу после собора.

[16] Краткий греческий список с позднейшим латинским переводом и сокращенное изложение соборных деяний изданы также у Гардуина.^[17] Акты заседания, на котором обсуждался вопрос о Болгарской Церкви, не были включены в соборные деяния и стали известны из жития папы Адриана II.^[18] Наконец, соборные акты 879–880 г. сохранились в различных списках, хотя в последующем Римская Церковь не признала его деяний.^[19] Эти акты изданы Гардуином и Манси.^[20]

Переходим к нарративным источникам, освещающим эпоху Фотия. Их отличительной чертой является то, что их авторы принадлежали в целом к сторонникам Игнатия и уже поэтому их показания являются тенденциозными. К первой категории биографов Фотия относятся митрополиты, стоявшие во главе игнатиан. Феогност, архимандрит из Студийского монастыря, после низложения патриарха Игнатия и возведения на престол Фотия в 858 г. бежал в Рим и там представил от имени низложенного патриарха и его приверженцев донос на Фотия о его неправославии и незаконности возведения на кафедру, а также о гонениях, якобы устроенных новоизбранным патриархом в отношении игнатиан.^[21] В этом своем сочинении Феогност пытается обрисовать со своей точки зрения возведение Фотия на кафедру Константинополя и первые годы его патриаршества.

Другим биографом является Митрофан, митрополит Смирнский, оппонент Фотия на соборе 869 г. До нас дошло его письмо к некоему патрикию Мануилу, который спрашивал Митрофана о причинах низложения патриарха на соборе 869 г. Затем оно было представлено в Рим вместе с актами этого собора. В нем излагаются факты вступления на кафедру Фотия и первого периода его правления с точки зрения партии игнатиан.^[22]

Наконец, третьим биографом патриарха Фотия . является Стилиан, митрополит Неокесарийский. Вместе с Митрофаном Смирнским он выступил против патриарха в 858 г. и вел с ним борьбу до второго удаления Фотия с престола в 886 г. при Льве VI Мудром. По удалении Фотия Стилиан по поручению императора являлся посредником в деле восстановления отношений с Римской Церковью после разрыва в 882 г. По этому поводу он написал папе Стефану V письмо, в котором стремится во всем очернить Фотия. В этом письме Стилиан описывает период от собора 869—870 гг. до второго низложения патриарха.

Все три сочинения были предназначены для представления папе и поэтому в них усматривается тенденция к возвеличиванию авторитета Римской кафедры.^[23] В связи с этим они хотя и являются источниками для первого периода правления Фотия и истории соборов 50–60 гг. IX в. за неимением актов этих соборов, но к их показаниям следует относиться с максимальной осторожностью. Эти произведения помещены в изданиях соборных актов как приложение к греческому тексту деяний собора 869–870 гг.^[24]

Ко второй группе нарративных источников могут быть отнесены сочинения более поздних авторов (вторая пол. IX—X вв.), которые также выступают с антифотианских позиций. Прежде всего это «Житие патриарха Игнатия» Никиты Пафлагонского. Оно было составлено в 80-е годы IX в., во время или сразу после второго патриаршества Фотия. Но существует также мнение, что это «Житие» написано в 20-е годы X в.^[25] В своем труде Никита по законам жанра превозносит своего героя, причем делает это через унижение и очернение его оппонента — патриарха Фотия. Автор говорит о нем как об интригане, честолюбце, деспоте и обманщике, но в то же время проговаривается о его

положительных качествах, в частности отмечая его мудрость. Сочинение Никиты страдает намеренным извращением фактов и уже поэтому не может предоставить исследователю достоверные данные о действиях Фотия и его сторонников. «Житие Игнатия» опубликовано в предисловии к греческому тексту актов собора 869–870 гг.^[26] В XIX в. оно вошло в Патрологию Ж. — П. Миня.^[27] К этому же типу источников относится также панегирик монаха Михаила патриарху Игнатию в «Житии Николая Студита»,^[28] а также два анонимных трактата, написанные после 879 г.: «Крестопопратели» (Σταυροπάται), где излагается история церковных смут с точки зрения игнатиан,^[29] и «Сокращенное сказание о соборе», где речь идет о соборе 869–870 гг. Оба трактата помещены вместе с актами этого собора у Гардуина и Манси.^[30] В изложении событий и их трактовке они следуют Стилиану Неокесарийскому, но в своих выводах идут дальше, упрекая римский престол в снисхождении к Фотию и его сторонникам.

Третью группу нарративных источников составляют византийские хронисты, описывающие эпоху правления Македонской династии. Они также неблагоприятно относятся к патриарху Фотию, хотя и в меньшей степени, чем предыдущие авторы.^[31] Это император Константин VII Багрянородный, автор жития императора Василия I, Симеон Магистр, Продолжатель Феофана и Иосиф Генесий.^[32] Их объединяет то обстоятельство, что, стремясь восхвалить родоначальника Македонской династии и опозорить последнего представителя Аморийской династии — Михаила III, они, в целом, черными красками рисуют и период патриаршества Фотия, но в то же время отмечают и положительные стороны его патриаршества. К примеру, они положительно характеризуют его стремление к возрождению

богословского образования и участие в законодательных мероприятиях императора Василия I. Несколько особняком стоит хроника Продолжателя Георгия Амартола.^[33] Его сообщения имеют ту ценность, что он, по сравнению с другими хронистами, самый близкий к описываемым событиям писатель.^[34] Но в то же время он ограничивается кратким, сухим описанием событий.

К указанным хронистам примыкает латинский автор — Анастасий Библиотекарь. В качестве посла франкского императора Людовика II он прибыл в Константинополь и был свидетелем суда над Фотием в 869 г. Все сведения о соборе были собраны Анастасием непосредственно на месте. Их он и изложил в предисловии к соборным актам, переведенным им на латинский язык для папы Адриана II. Поскольку сам Анастасий являлся сторонником папы, то общий тон его повествования дышит ненавистью к сторонникам Фотия. Поэтому и к его показаниям следует подходить критически.

Важным источником для истории взаимоотношений Константинополя и Рима является официальная переписка между константинопольскими властями и римским апостольским престолом. Это письма пап Николая I, Адриана II, Иоанна VIII по поводу первого и второго вступлений Фотия на Константинопольскую кафедру, его низложения, а также по поводу созывов соборов. Исключительную важность приобретают письма императора Михаила III и Василия I римским первосвященникам по тем же вопросам. Письма пап к светской и церковной властям Востока, а также сохранившиеся письма императоров к папам изданы в соборных актах у Гардуина и Манси.^[35] Кроме того, письма пап на Восток по поводу раскола в Константинопольской Церкви собраны у Миня.^[36] Но

при обилии материала, содержащегося в этом источнике, он все же не может предоставить полную информацию о событиях. Во-первых, корреспонденция между Римом и Константинополем является далеко не равной по объему, поскольку если папских писем сохранилось много, то из писем византийских императоров до нас дошли только те, которые подтверждают претензии пап на господство в Восточной Церкви. В то же время, безусловно, были письма, в которых императоры защищали дело Фотия и о которых мы можем узнать из ответов римских пап.^[37] Сама же папская корреспонденция, естественно, страдает односторонностью и пристрастием. В ней выставляются на вид только те стороны, которые представляются важными для самих пап.^[38] В этих письмах речь идет о привилегиях престола св. Петра. Поэтому они интересны прежде всего с точки зрения характеристики самого папства в IX в., когда развивается система папской супрематии. Также эти письма могут дать характеристику политике каждого папы в отдельности.^[39]

По-видимому, наиболее достоверным и значимым источником для истории Фотия будут его письма, коих насчитывается более 260.^[40] Они имеют очень важное значение для обозрения рассматриваемой эпохи и разнообразны по содержанию, по составу лиц, которым они адресованы, по предметам, в них раскрываемым. Именно по этим письмам мы можем более объективно изучить личность патриарха, намерения, которыми он руководствовался в церковной политике и в пастырской деятельности. Для рассматриваемого периода в истории Церкви особую значимость представляет окружное послание к восточным патриархам (ер. № 4), письма к папе Николаю I (1 и 2 — ер. № 2-3), к князю Болгарскому Борису (ср. № 6), к митрополиту

Аквилейскому (ер. № 5), 1-е письмо из ссылки к императору Василию I (ер. № 218) и письмо к епископам, страждущим в ссылке (ер. № 146). Эти письма дают возможность исследователю более объективно, учитывая также мнения фотианской партии, изучить и оценить события, происходящие на Востоке в период Константинопольских соборов IX в.

Итак, мы видим, что источники в большинстве своем тенденциозно освещают рассматриваемый период, политику патриарха Фотия по отношению к игнатианам и его спор с Римом. Поэтому для историка необходимо осторожное отношение к их показаниям. Книга А. П. Лебедева как раз является примером добросовестного исследования периода Константинопольских соборов и раскола в Византийской Церкви середины IX в. Ученый не только знаком со всей предшествующей историографией, но и проверяет выводы исследователей данными источников, давая пример критического подхода к их свидетельствам. Книга будет полезна не только специалистам в области византийской истории и истории Церкви, но и всем интересующимся жизнью и судьбами выдающихся исторических деятелей, к коим безусловно можно причислить великого константинопольского патриарха Фотия, сыгравшего большую роль, в том числе в истории Русской Церкви.

Издание снабжено комментариями, списком новейшей литературы, источников, именным указателем.

М. А. Морозов

История Константинопольских соборов IX века (861–880 гг.)

Значение соборов древней Церкви вообще и соборов Константинопольских второй половины IX века в частности. — Партии игнатиан и фотиан — главный предмет деятельности этих последних соборов. — Происхождение партий игнатиан и фотиан: споры и разногласия при патриархе Тарасии, в чем они состояли и отчего возникли. — Споры и разногласия при патриархе Никифоре: условия их появления («ересь прелюбодейная»), деятельность партии большинства, или господствующей и, в особенности, партии меньшинства в это время. Церковные смуты и разделения при патриархе Мефодии. Отношение всех этих споров и смут к вопросу о происхождении партий игнатиан и фотиан. — Подробная характеристика партии игнатиан и такая же характеристика партии фотиан. — Собор Перво-второй, или Двукратный (861 г.), — замечание об источниках истории собора. — Деятельность его по вопросу о патриархе Игнатии и об иконоборчестве. — Правила собора и их содержание. — Отношение к собору Запада и Востока.

Один иностранный ученый в таких словах определяет характер древних соборов Восточной Церкви: «...соборы составляли как бы пульс, по которому можно судить относительно общецерковной жизни. На них заметнее, чем где-либо, проявлялся господствующий дух времени, мера здоровых сил века или характер его болезней».

Мнение справедливое. Многие древние соборы **Восточной** Церкви были действительно таковы. На них выражалось со всем блеском то богатство религиозно-

умственных сил, какими обладали представители Церкви; на них происходила многосторонняя, самая тщательная и беспощадная оценка болезней христианского общества данного века и указывались наилучшие средства ко врачеванию открывшихся болезней; но иногда, хотя и редко, сами соборы, к сожалению, самым характером своей деятельности показывали, какие болезни и недостатки внедрились и пустили корни в среде членов христианского общества. [\[41\]](#)

Это должно сказать не только о временах наибольшего развития соборной деятельности Восточной Церкви, от IV до конца VIII вв., когда происходили великие соборы, но и о второй половине IX в., о которой у нас будет речь. [\[42\]](#)

Если соборы Восточной Церкви второй половины IX века и не могут равняться по своему значению с соборами эпохи Вселенских соборов, то они все же чрезвычайно замечательны по своей деятельности, так как знакомят нас со светлыми и темными сторонами церковной жизни такого богатого событиями века, как IX в., и представляют немало поучительного.

Около середины IX в. возникают сильные движения в недрах Византийской Церкви, обнаруживаются многознаменательные смуты, создаются две церковных партии игнатиан и фотиан, так названных по имени двух константинопольских патриархов Игнатия и Фотия, по два раза вступавших на византийскую патриаршую кафедру, вступавших один за другим и имевших большой или меньший круг приверженцев как в Церкви, так и светском обществе — приверженцев, между которыми происходила упорная и продолжительная борьба. Вполне можно согласиться с воззрением одного русского писателя, сказавшего, что «Игнатий и Фотий были в Константинополе представителями двух

совершенно противных партий, чем только и объясняется взаимное ожесточение их последователей».^[43] Действительно, борьба между игнатианами и фотианами происходила не из случайных причин, не из пустых недоразумений — она имела глубокие основания. В чем состояли эти основания, куда клонились интересы той или другой из боровшихся византийских церковных партий, какие средства употреблялись в этой взаимной борьбе — со всем этим может в достаточной мере познакомить нас история замечательнейших соборов второй половины IX в. Временно торжествующая партия подвергала беспощадной критике стремления, цели и образ деятельности противников, что главным образом происходило на соборах; а так как той или другой партии удавалось торжествовать над противниками попеременно, то каждая из них имела возможность разоблачить другую и отдать ее на суд истории.

При каких обстоятельствах сложились те исторически знаменитые партии, которые по имени их главных вождей называются игнатианами и фотианами? Чтобы ответить на этот вопрос с достаточной ясностью, нам нужно начать нашу речь несколько издалека. Появление и организацию партий игнатиан и фотиан стоит в связи с теми спорами и разногласиями, какие имели место в истории Византийской Церкви за несколько десятков лет раньше, именно в правление Византийской Церковью патриархов: св. Тарасия, св. Никифора Исповедника и св. Мефодия.^[44]

Известно, какое значение в церковной истории имеет патриарх Тарасий (784–806 гг.). Его содействием созван был седьмой Вселенский собор, утвердивший почитание св. икон и низвергший иконоборчество;^[45] он имел руководящее положение на этом соборе.^[46] Но тем

не менее патриаршествование Тарасия не было временем полного церковного мира. При нем в Византийской Церкви происходили споры и разделения, грозившие возникновением раскола. Его церковные распоряжения подвергались в некоторых случаях осуждению или же встречались подозрительно; ему ставили в упрек даже обстоятельства, при которых произошло самое избрание его в архипастыри столицы.

[47] Главным образом, подвергались нареканию кроткие и осторожные меры Тарасия против епископов и прочих духовных лиц, хотя и запятнавших себя иконоборчеством, но потом принесших покаяние в своем грехе. Так как подобных лиц было много, то Тарасий не находил удобным этих бывших иконоборцев лишать церковных должностей; Тарасий оставил их в тех самых церковных степенях, какие они имели раньше, во времена иконоборческие. В этом случае Тарасий действовал не самовольно, а руководясь теми правилами, какие указаны седьмым Вселенским собором.

[48] Однако же такой образ действий Тарасия нашел порицателей, и сильных порицателей. К числу их принадлежали как некоторые государственные сановники, [49] так — что гораздо важнее — и некоторые знаменитые представители монашества, например Савва и Феоктист.

[50] Эти последние, усомнившись в правильности действий Тарасия, обращались за разрешением своих недоумений в Рим к римскому епископу, и когда папа склонился на сторону их воззрений, они стали открыто порицать патриарха за излишнее снисхождение к обратившимся из иконоборчества. **Порицатели** распоряжений Тарасия соблазнялись тем, что патриарх открыто служил с бывшими иконоборческими епископами по праздникам в константинопольских церквях. Вследствие указанной причины между «Саввою и единомышленными с ним, с

одной стороны, и патриархом — с другой, **возникло** разногласие». ^[51] К числу противников патриарха потом присоединились и монахи знаменитого Студийского монастыря **в** Константинополе. Между **ними** распространился и очень укоренился слух, что Тарасий посвящал в церковные должности за **деньги, т. е.** был подвержен симонии. По суждению студитов, Тарасий за это подлежал бы низвержению с патриаршей кафедры. Кстати, при этом студиты припомнили, хотя уже и слишком поздно, что Тарасий возведен в патриархи не из **лиц** духовных, **а из** мирян, а это они считали отступлением от церковных правил. Из всего этого возникло «разногласие с Тарасием». ^[52] Это происходило в правление Византийским государством Ирины и сына ее **Константина** VI. Этот император дал повод к новым и еще более важным разногласиям между патриархом и его порицателями. Константин VI, возненавидев свою жену Марию, решился, под различными предлогами, вовсе удалить ее от себя, заключить в монастырь и жениться на фрейлине своей матери Феодоте, родственнице знаменитого настоятеля Студийского монастыря Феодора Студита. Император поступил, как он захотел, женился на Феодоте и объявил ее императрицею. Тщетно патриарх Тарасий противился заключению незаконного брака императора; не помогло и то, что патриарх решительно отказался собственноручно венчать императора, что было в обычае в Византии. Константин стоял на своем и, в случае дальнейшего противодействия со стороны патриарха, грозил восстановлением иконоборческого заблуждения. Патриарх должен был замолчать. Брак царский совершен был пресвитером; и экономом по имени Иосиф. Это было в 795 году. ^[53] Рассказанный случай повел к новым разногласиям и нестроениям в Византийской Церкви. Во главе противников брака

царского, а вместе с тем и противников патриарха, стали опять студиты и настоятель Саккудианского монастыря старец Платон. Студиты называли императора Константина «вторым Иродом», разумея того Ирода, который некогда женился на жене брата своего Филиппа, а патриарху давали знать, что он при указанном случае не проявил той благочестивой ревности, которой прославился Иоанн Предтеча. Напрасно патриарх Тарасий, прямо или косвенно оправдываясь в допущении незаконного брака, говорил, что так как венчал царя не сам он, Тарасий, а пресвитер Иосиф, без патриаршего разрешения, то вина падает лишь на голову Иосифа. Такое оправдание патриарха студиты ставили ни во что и рассуждали так: «Обыкновенно патриархи сами венчают императоров, а не какой-нибудь священник; этого никогда не бывало. Очевидно, что ему угрожала опасность лишиться патриаршества и, значит, он, нашедши готового на такое дело, — ибо этот пресвитер обращался при дворе, — сложил опасность на голову последнего»; студиты, не внемля оправданиям патриарха, которые они считали неосновательными, «прервали общение с Тарасием».^[54] Сторонники патриарха внушили студитам, что они не имеют права самовольно отделяться от патриарха и брать на себя обязанность учителей по отношению к этому последнему; студитам внушалось: «...никому не следует вразумлять предстоятельствующего пастыреначальника (патриарха), даже когда он, по какой-либо оплошности, делает что-либо непозволительное». Но студиты не унимались в своей ревности и отвечали: «Нет, следует вразумлять». И в доказательство своего права прекословить с патриархом и делать ему замечания в нужных случаях они ссылались на церковные правила. Именно — на предписание Василия Великого в 20-м

слове о подвижничестве: «И предстоятелю, если преткнется, должны напомнить преимуществующие из братий»; или приводили слова того же Василия (из 34-го слова о подвижничестве): «Кто не принимает одобренного предстоятелем, тот должен открыто или наедине сделать ему свое возражение, если имеет какое-либо твердое основание, согласно со смыслом Писания, или молча исполнять приказанное; если же он сам постыдится, то пусть употребит на это посредниками других». ^[55] ^[56] Те же студиты брали себе в руководство при борьбе с патриархом указания Василия Великого, находящиеся в так называемых его «Нравственных правилах»: «Из слушателей наставленные в Писаниях должны испытывать, что говорят учителя». И еще: «Предстоятель слова должен все делать и говорить с осмотрительностью и по многом испытании, с целью благоугодить Богу, как подлежащий испытанию и от самих вверенных ему». ^[57] На этот раз разногласия в Византийской Церкви продолжались недолго. В 797 году император Константин умирает, и Византийской империей некоторое время управляет единолично его мать св. Ирина. Будучи благочестива и высоко ставя авторитет монашества, она первым долгом сочла прекратить раздоры в Церкви. И с этой целью она потребовала, чтобы патриарх Тарасий лишил духовного сана пресвитера Иосифа, венчавшего Константина. Патриарх исполнил волю царицы, и распря прекратилась. ^[58]

Что было при патриархе Тарасии, то же повторилось при его преемнике, св. Никифоре Исповеднике (806–815 гг.). Распри и несогласия в Византийской Церкви продолжались во все время правления этого патриарха. Никифор происходил из знаменитой византийской фамилии, заявившей себя ревностью в борьбе с иконоборчеством; ^[59] Никифор, в **качестве**

уполномоченного от императрицы Ирины, занимал видное место в деятельности седьмого **Вселенского** собора. Вообще, прошлое Никифора должно было возбуждать к нему чувство уважения. Тем не менее с самого вступления Никифора на Византийскую патриаршую кафедру **его** постигают **неприятности** и неудачи.^[60] Никифор до времени патриаршества не был духовным лицом, а проходил высокие светские должности.^[61] Лишь только Никифор был избран и посвящен в патриархи, студиты, с вышеупомянутым нами знаменитым Платоном, стали открыто заявлять о незаконности возведения **его** в патриархи, так как **они** находили, что не **следует** мирянину вдруг становиться епископом.^[62] Очевидно, студиты, не оставившие без внимания подобное же явление в жизни Тарасия, не могли и не хотели оставить без протеста новый случай возведения мирянина **в** архипастыри. Но **это** еще было не так важно, а гораздо важнее был следующий шаг патриарха. Во время поставления его в патриархи в Византии царствовал император Никифор;^[63] этот последний по какой-то причине пожелал, чтобы новый патриарх снял церковное запрещение, наложенное на известного пресвитера Иосифа прежним патриархом Тарасием. Патриарх уважил желание императора. Но это действие патриарха повело к прискорбным последствиям. Монахи Студийского монастыря и Платон сначала отделились от архипастыря, а потом и совсем отделились от власти патриарха. В Византии собран был Поместный собор, который подтвердил своим авторитетом распоряжение патриарха касательно Иосифа; но студиты, нимало не задумываясь, и собор объявили антиканоническим.^[64] Студиты провозглашали, что в Византии явилась новая ересь, которую они называли «прелюбодейной ересью». Поднялась борьба между патриархом и его

сторонниками, с одной стороны, и студитами и их приверженцами, с другой. Сами студиты самым тесным образом связывали свой новый протест против патриарха Никифора с тем протестом, каким они заявили себя против Тарасия; они смотрели на новое противодействие патриарху как на продолжение прежнего противодействия Тарасию. «Отсюда, т. е. из первоначальных отношений Тарасия к Иосифу, — говорили студиты, — получили начало и нынешние смятения».^[65] Значит, прежний пожар лишь снова разгорается.

Войдем в некоторые подробности касательно этих новых смут в Византийской Церкви. Патриарх Никифор и его сторонники — а на его стороне было большинство предстоятелей Византийской Церкви — заявляли, что, поступая так с пресвитером Иосифом, как поступили они, тем самым Церковь становится, ввиду исключительной потребности, на **путь** так называемой **οἰκονομία**. Нужно сказать, что в **Восточной** Церкви связывалось особое понятие с словом **οἰκονομία**, **которое** по буквальному значению обозначает «домостроительство». Термином этим в византийской практике назывался особый вид политики, когда допускалось послабление или временное прекращение действия некоторых точнейших законов; это делалось непременно по распоряжению государя, ради каких-либо высших интересов. Такого рода «икономия» не могла, однако же, быть распространяема на догматы веры. Теперь патриарх и его партия объявляли, что в своем поступке с Иосифом они, с согласия государя, лишь применили к делу правила так называемой «икономии». Для подтверждения правоты своих действий ссылались на исторические примеры. Нужно заметить, впрочем, что примеры эти приводились господствующей партией не всегда удачно.

Представители этой партии указывали на случай в жизни св. Кирилла Александрийского, когда он не велел считать еретиками тех из членов Антиохийской Церкви, которые никак не соглашались уничтожить имя Феодора Мопсуэстийского из диптихов, хотя они и мыслили по-православному. Это пример удачный. Но другой пример, которым хотели защитить свой образ действий приверженцы патриарха, был неудачен, ибо ссылка этих приверженцев на один исторический факт противоречила хронологии. Именно, они указывали на то, что будто тот же Кирилл Александрийский, ради мира церковного, поддерживал сношение с Диоскором. Такого факта не могло быть, так как Кирилл скончался раньше, чем Диоскор провозглашен был еретиком. Уже противники патриарха указывали на неправильность приведения этого примера.^[66] Впрочем, нужно сказать, что и противники патриарха в споре с ним не отвергали в принципе «икономию» и ее приложение к практике,^[67] но только они находили неуместным и невозможным применять правило «икономии» в деле пресвитера Иосифа. Патриарх не хотел скрывать своего гнева на противников, в особенности после того, как собор в Византии выразил свое осуждение на вождей рассматриваемого движения. Он за глаза и в глаза называл враждебную ему партию «отщепенцами от Церкви»,^[68] Правительство сослало в ссылку главных представителей протеста. Архиепископ Фессалоникийский Иосиф, брат Феодора Студита, лишен своей кафедры.^[69] ^[70] Некоторые из особенно жарких сторонников патриарха, признавая противников Никифора за опасных врагов Церкви, по своему почину провозглашали анафему главам противной партии.^[71] А другие из приверженцев патриарха поступили еще хуже. Современники рассказывают почти невероятные вещи. Например, новый архиепископ

Фессалоникийский, назначенный на место низверженного Иосифа, позволил себе следующую расправу с игуменом Евфимием, приверженцем студитов. Евфимию за упорство, какое он показывал в противлении патриарху, сначала «нанесено было двести шестьдесят шесть ударов, а потом, спустя немного, четыреста ударов ремнями по спине»; игумен после наказания остался чуть жив. Но самое главное в рассказе о бичевании Евфимия вот что; «местом Пилатова судилища был храм Божий, ибо в храме Архангела был бичуем этот мученик».^[72] В протесте студитов некоторые из членов господствующей партии видели не проявление ревности по благочестию, а низменных и коварных целей. Некоторые из сторонников патриарха разглашали, что студиты хотят добиться запрещения в церковном служении пресвитеру Иосифу лишь для того, чтобы потом низвергнуть патриарха, ибо если будет наложено запрещение на Иосифа, то это будет достаточным поводом к низложению патриарха, как позволившего себе служить вместе с виноватым против церковных законов Иосифом.^[73] Подобного рода клевету нелегко было переносить противникам патриарха.

Обращаемся к характеристике партии противников патриарха. Лишь только решили они прервать общение с Никифором, как после этого решения всякий поворот к примирению казался для них уже невозможным. В чувстве уверенности, что они правы, противники патриарха заявили; «Скорее мы перенесем все, даже до смерти, нежели войдем в общение с пресвитером Иосифом, с теми, которые служат вместе с ним и с самим патриархом, тем более что теперешний патриарх хуже Тарасия. Ибо Тарасий ни разу не служил вместе с Иосифом; и тогда войти в общение с патриархом было бы нелепо, но не было бы таким злом, как теперь».' Для

противников патриарха не составляло затруднения то обстоятельство, что на стороне патриарха «бесчисленное множество иерархов, священников и игуменов»; их пример казался неубедительным для студитов, потому что такое же большое число не стыдилось иметь общение даже с самим «прелюбодеем», т. е. императором Константином VI.^[74] По рассуждению противников патриарха, в Византийской Церкви перестала существовать истинная иерархия, как скоро принят в общение явный нарушитель церковных правил Иосиф. «У них, патриарха и его сторонников, — рассуждали протестующие, — нет священства, жертвы (евхаристической) и прочих средств врачевания душевных болезней человеческих».^[75] В Византийской Церкви, по словам протестующей партии, возник не только раскол, но и раскол великий.^[76] Противодействовать патриарху давали право врагам его те же правила, на какие они ссылались и в борьбе с Тарасием, по крайней мере, в этих правилах они видят основание для своего протеста. Противники патриарха не только сами хотели пребывать твердыми в своей борьбе с архипастырем, но к подобной же борьбе призывали и тех, в ком предполагали одинаковую ревность по благочестию. Одних они призывали «поревновать» в правом деле, других склоняли избегать «прелюбодейной ереси», как они называли снисхождение, оказанное Иосифу.^[77] Не удовлетворяясь тем, что они старались увеличить число своих приверженцев в Византийской Церкви, они пишут письма к римскому папе и просят его рассудить в их деле с патриархом и стать на их стороне, защитить самую Церковь Византийскую от разорения. Студиты так писали к тогдашнему папе Льву III: «Донося о происшедшем в Византии неложно, мы, смиренные,

возносим хриstopодобному блаженству твоему то же воззвание, которое верховный апостол с прочими апостолами произнес ко Христу, когда на море восстала буря: «спасины», архипастырь поднебесной Церкви, «погибаем» (Мф. 8, 25). Поступи по примеру Учителя твоего Христа и прости руку к нашей Церкви. Поревнуй, просим тебя, соименному тебе папе Льву I и, согласно со своим именем, возгласи божественно, или лучше возгреми понадлежащему противу настоящего лжеучения. Ибо, если они, присвоив себе власть, не поколебались составить еретический собор, между тем как не властны составить и православного собора без вашего ведения, по издревле принятому обычаю; то тем более справедливо было бы божественному первоначальству твоему составить законный собор, чтобы отразить еретическое учение». В конце письма просители заявляют: «Как нижайшие члены Церкви и повинующиеся вашему божественному пастыреначальству, мы, наконец, просим святую душу твою считать нас как бы собственными овцами твоими».

[78] В другом письме те же студиты писали папе Льву: «У нас состоялся открытый собор, собор к нарушению Евангелия Христа, которого ключи ты получил от Него через верховного из апостолов. Мы, смиренные, взываем к тебе: услышь, великая глава, и внемли тому, что устроил сатана». Затем просители умоляют уничтожить действие собора Константинопольского, как направленного к поруганию Евангелия.

[79] Если сторонники патриарха, не стесняясь, называли студитов «отщепенцами от Церкви», то и студиты нещадно порицали как византийских епископов вообще, так епископов — участников известного собора в особенности. Партия меньшинства в Византии называла собор, снявший запрещение с Иосифа, собором «еретическим»,

[80] «прелюбодейным», ибо

представители рассматриваемой партии прилагали к этому собору слова пророка о «соборище преступников и собрании любодействующих» (Иер. 9, 2).^[81] Членов собора те же протестующие признавали «богохульниками», заслуживающими «анафемы, как считающих прелюбодеяние мудрым делом Бога и святых»; называли их «врагами Божиими, так как они распоряжаются священными правилами по своему усмотрению и произволу, как господа слугами и рабами»; признавали их служителями «антихриста», а их учение об «икономии» самим «предтечею антихриста». Рассматривая деятельность участников собора, они задавали себе вопрос: «не открывается ли из случившегося, что антихрист уже при дверях», и отвечали: «в словах их уже выступает антихрист».^[82] Всех епископов Византийского государства за то, что они не выражали противодействия определению собора, сторонники партии меньшинства обзывали «новыми лжеапостолами».^[83] Они прилагают к епископам, показавшим уступчивость в разбираемом деле, именование юродивых; они рассуждали так: «Допуская такие дела, епископы называют самих себя Церковью, а не принимающих этого признали противниками ее; но поистине, как говорит пророк, «юрод юродивая изрекает и сердце его тщетная уразумевает, еже совершати незаконная и глаголати на Господа прелесть» (Ис. 32, 6)».^[84] Всех приверженцев патриаршего и соборного определения, старавшихся защитить так или иначе патриарха и собор, в особенности посредством рассуждений о спасительной «икономии», противники называли «змеями и говорящими змеиным голосом».^[85] Собору византийских епископов противники патриарха приписывали такие постановления, коих не могло быть на нем: то, что являлось в качестве отдаленных выводов из

постановлений собора, приписывалось собору, как будто бы это на самом деле сделано участниками его. Кроме превратного мнения о так называемой «икономии», в уста членов собора протестующие влагали такие узаконения: «божественные законы не простираются на царей»; «каждый епископ имеет власть над божественными правилами», почему епископы имеют власть достойных низвержения признавать незаслуживающими этого наказания.^[86] Мало того, протестующие, под влиянием увлечения, приписывали собору такие действия, которые в действительности ему не принадлежали, например, будто собор подверг анафеме всех несоглашающихся с его распоряжением относительно Иосифа или что будто сами члены собора определили своих противников подвергнуть ссылке или аресту.^[87] Приверженцы партии меньшинства в борьбе с партией большинства, или господствующей, старались в точности и подробности разрешить различные казуистические вопросы, возникавшие из того положения, в какое поставили себя члены первой партии по отношению к членам второй. Таких вопросов было немало. Например, возникал естественный вопрос: как смотреть на епископа, который поминает в церковных молитвах патриарха, в случае, если первый в то же время не одобряет деятельности своего верховного церковного начальника: может ли такой епископ совершать правильное рукоположение и можно ли рукоположенных от него считать истинными служителями Божиими? Ответ дается отрицательный. Игуменам монастырей внушалось даже не поминать в молитвах подобного епископа и не служить в той церкви, где служит этот епископ. Возбуждался и другой вопрос: признавать ли законным пастырем такого священника, который хотя и не сочувствует

«любодейной ереси», но из страха гонения поминает в церкви епископа-еретика, т. е. приверженца патриарха? Ответ дается положительный, но под условием, если такой священник не служил в церкви вместе со своим епископом-еретиком; впрочем, разрешалось общение с подобным священником ограниченное, ибо не разрешалось иметь с ним общение в таинстве евхаристии, а лишь в псалмопении и вкушении пищи. Поднимался и еще другой вопрос: можно ли служить в церкви, в которой священник поминает епископа-еретика? На этот вопрос отвечали уклончиво: не в виде правила, а в виде совета предписывалось лучше служить при указанных обстоятельствах в обыкновенном доме. Вопрос относительно известного храма и служения в нем решался прямо и решительно — в отрицательном смысле, как скоро было несомненно, что тот или другой храм построен после «прелюбодейного собора» и освящен епископом — сторонником этого собора. Возникали и другие мелочные вопросы, например, о том: можно ли без разбора, во время путешествия, останавливаться на ночлег где пришлось, а равно разделять при этом пищу с кем случится? Эти вопросы не были решены точно и определенно, но тем не менее рекомендовалось людям с чуткою совестью быть как можно осторожнее в обращении с лицами неизвестными. «Нужно исследовать и останавливаться у православного (т. е. непричастного «ереси прелюбодейной») и, если нужно, брать от него потребное для дороги», рассуждали люди осмотрительные.^[88] Замечательно, что для взаимных письменных сношений между членами партии меньшинства выдумана была шифрованная переписка. Так, имена императора Никифора и патриарха, а также общее обозначение некоторых приверженцев

патриарха заменены были теми буквами греческого алфавита, которые не принадлежали к числу двадцати четырех основных букв этого алфавита; именно «коппой» обозначался патриарх, буквой «сампи» — император, а «стигмой» — приверженцы патриарха из монахов.^[89] Разумеется, этот способ, делая переписку скрытной, избавлял корреспондентов от неприятности.

Из вышеизложенного открывается, что партия меньшинства^[90] и партия большинства, или господствующая, находились в очень напряженных взаимных отношениях.^[91] Можно задать себе вопрос: не проявили ли студиты излишней ревности в борьбе с патриархом? И напротив, не показал ли себя патриарх слишком уступчивым в отношении к императору, в ущерб для интересов Церкви, и строгим к своим противникам? Этот вопрос занимал уже одного ученика Феодора Студита, и этот последний, разрешая вопрос, нашел такой ответ: «Оставшись несогласными в суждениях, патриарх и студиты отделились друг от друга, как некогда Павел и Варнава при разногласии касательно Иоанна, называемого Марком (Деян. 15, 39—40), о чем Златоуст в своем толковании на Деяния говорит так: «Кто из них советовал лучше, не наше дело решать». Так точно, — продолжает тот же писатель, — нужно рассуждать и здесь, что патриарх Никифор поступил применительно к обстоятельствам, не желая, но был принужден царем, а студиты, быв подвигнуты Богом, имели в виду соблюдение Божиих заповедей, а не увлекались злой страстью. Так нужно рассуждать боголюбивым людям о свойстве этих дел и не осуждать какой-либо стороны достоуважаемых нами предстоятелей».^[92] Такой ответ дает ученик Феодора Студита. Конечно, можно отвечать на предложенный вопрос глубокомысленнее, но едва ли найдется ответ

успокоительнее того ответа, какой дан указанным писателем.^[93]

К счастью, раздор студитов с патриархом продолжался недолго. Через два года от начала споров умирает император Никифор, а новый император Михаил Рангаве (811–813) всеми мерами начал стараться прекратить смуты в Византийской Церкви, а для этого он потребовал, чтобы патриарх Никифор низверг из духовного сана пресвитера Иосифа. Патриарх согласился сделать это, и мир наступает.^[94] Нельзя сказать, однако ж, что с наступлением примирения патриарха с представителями студитов были позабыты споры с их причинами. Этого не случилось. По замечанию Гергенрётера, «этот раздор патриарха и студитов оставил по себе многие следы».^[95] Что это действительно так, в этом убеждает история патриаршествования Мефодия, одного из ближайших преемников патриарха Никифора на византийской церковной кафедре.

Кратковременное патриаршествование Мефодия (842—846)^[96] почти все проходит среди смут. Члены византийского церковного общества делятся на партии, очень похожие на те, которые создались при прежних византийских патриархах Тарасии и Никифоре. Патриарх Мефодий был предшественником известного патриарха Игнатия. Поэтому более или менее внимательное изучение состояния Византийской Церкви при нем важно для понимания партий, возникших вслед за временем этого патриарха. И действительно, изучение жизни, деятельности патриарха Мефодия и церковных явлений его времени может пролить значительный свет на то, при каких ближайших исторических обстоятельствах слагаются те две церковные партии, которые известны с именем игнатриан и фотиан. При жизни Мефодия ясно

обозначаются в Церкви среди иерархии две партии, которые очень напоминают церковные партии эпохи, уже обозренной нами, и стоят в близком родстве с игнатианами и фотианами.

Мефодий был муж высокообразованный, ревнующий о церковных делах, с похвальными нравственными качествами.^[97] Тем не менее все его церковные меры, какие он принимал по нуждам времени, находя себе одобрение со стороны одних лиц в среде духовенства, в то же время находили себе противников и порицателей в той же среде. А это показывает, что религиозно-умственное настроение духовенства не было одинаково. Ведя борьбу с остатками иконоборчества, Мефодий не без строгости относился к тем из духовных лиц, кто продолжал упорно держаться идей иконоборческих; такие упорные лишались своих кафедр, на которые вместо них возводились люди православного образа воззрений. Но эта строгость не переходила должных границ.^[98] Если кто-либо из духовенства, хотя и виновен был во временной принадлежности к иконоборческой партии, однако ж, в настоящее время исповедовал себя православным, таковых Мефодий наставлял на путь истинный и не лишал занимаемых ими кафедр.^[99] Меры патриарха были вполне благоразумны, но не все в духовенстве смотрели на них одобрительно. Антагонизм в отношении к иконоборчеству у некоторых был слишком силен, и потому снисходительные меры патриарха касательно духовных лиц, раскаявшихся в своем иконоборческом заблуждении, казались некоторым ревнителям из духовенства излишним послаблением, достойным порицания. Напротив, другие лица в среде духовенства совершенно соглашались с распоряжениями патриарха и одобряли их. С таким же одобрением или порицанием принимались и другие

меры патриарха. Желая сделать торжество православных наиболее обеспеченным, патриарх умножил число епископов, священников и архимандритов, доставляя эти места лицам православного образа мыслей; но так как в числе этих многих ново поставленных духовных лиц были и такие, которые не отвечали своему назначению по своим качествам или, что вероятнее, такими казались они людям, не расположенным к патриарху, то возникли новые неудовольствия на Мефодия.^[100] Но еще важнее было то, что патриарх нашел себе противников также и между монахами, именно монахами знаменитого в иконоборческих спорах Студийского монастыря. Вот по какому случаю это было. Патриарх торжественно перенес мощи св. Феодора Студита (826) и св. патриарха Никифора (828) в Константинополь; первого — в его монастырь, второго — в церковь Свв. Апостолов (это была усыпальница императоров и патриархов). Студиты были очень довольны подобным уважением патриарха к такому знаменитому мужу, вышедшему из их среды, как Феодор Студит. Но они в то же время остались недовольны Мефодием за прославление мощей патриарха Никифора. Они все еще продолжали питать нерасположение к Никифору как за то, что он был возведен в епископы прямо из мирян, так и за то, что он снимал церковное отлучение с известного пресвитера Иосифа. Особенно патриарх восстановил против себя студитов, когда потребовал, чтобы все написанное против Никифора было анафематствовано.^[101] Напрасно патриарх доказывал упорствующим монахам, что он требует осуждения не лица Феодора Студита, писавшего против Никифора, а только тех его сочинений, от которых он, Феодор, сам отказался, примирившись с Никифором. Монахи остались при своем. Патриарх вынужден был угрожать

своим противникам даже анафемой в случае неисполнения его требований. Возможно, что Мефодий и действительно привел в исполнение свою угрозу. По крайней мере, находят некоторые указания на то, что Мефодий наложил отлучение на непокорных монахов и запретил своим пасомым сношения с ними.^[102] Во всяком случае, должно относить к числу несомненных исторических фактов, что в правление Мефодия некоторые из студитов были и оставались противниками Мефодия и его приверженцев. Мефодий ни в чем не хотел потворствовать монахам, приобретшим во время иконоборческих споров больше влияния в Византийской Церкви. Таким образом, из истории жизни и церковной деятельности Мефодия видно, что в его время существовали две партии, более или менее ясно очерченные, из которых одна — многочисленнейшая — принимала одобрительно все его распоряжения, понимала благие цели, с какими они делались; другая — меньшая в числе приверженцев — напротив, везде и всегда противилась ему и старалась находить промахи и ошибки в его деятельности. Мы скоро увидим, что в возникновении и борьбе партий в ближайшее затем время имя Мефодия имело не последнее значение. То или другое отношение к памяти патриарха Мефодия при его преемниках было чертой, характеризующей дух церковных партий в Византии.^[103]

Ряд церковно-исторических явлений, случившихся при патриархах Тарасии, Никифоре и Мефодии и описанных нами выше, имеет более или менее близкое отношение к истории партий, возникших и действовавших при патриархах Игнатии и Фотии. Партия Игнатия по своим стремлениям, идеалам и самой деятельности довольно напоминает церковные партии, заявившие себя противодействием патриархам

Тарасию, Никифору и Мефодию; а партия Фотия представляет собой как бы продолжение деятельности и стремлений, какими одушевлены были Тарасий, Никифор и Мефодий в борьбе с лицами, протестовавшими против них. Партии игнатиан и фотиан тем удобнее и полнее могли выразить свои идеалы и стремления, что каждый из их вождей по два раза восходит на патриарший византийский престол, — и, таким образом, могли беспрепятственно и громко заявлять о своих желаниях и целях.

Охарактеризуем партии игнатиан и фотиан, в особенности поскольку типические черты этих партий были принадлежностью их главных вождей. Начнем с Игнатия и игнатиан.

Преемником патриарха Мефодия на патриаршем престоле был св. Игнатий. Как мы сказали, он патриаршествовал дважды (846–857 и 867–877). Молодость Игнатия прошла печально. Он был сын несчастного императора Михаила Рангаве (811–813), низвергнутого с престола иконоборцем Львом Армянином, того самого Михаила, который заставил патриарха Никифора второй раз лишиться сана пресвитера Иосифа, венчавшего известный брак Константина VI. Низвергнутый император Михаил со своим семейством был заключен в монастырь.^[104] Сын его Никита (в монашестве Игнатий) был оскотлен.^[105] **Четырнадцать** лет Никита сделался монахом. Целых **тридцать** три года остается он в монастырском уединении. Подвиги благочестия доставляют Игнатию высокое уважение в народе. Его монастырь, где он сделался впоследствии игуменом, был местом **убежища** для православных, гонимых иконоборцами.^[106] Это еще более придало славы его имени. Он был монахом и ревностным почитателем монахов. Он заботился о размножении монастырей и о **снабжении**

их всем нужным для обитавших в них монахов. В 846 году вдруг Игнатий по воле императрицы Феодоры (которой его указал благочестивый инок Иоанникий) призывается к высокому патриаршему служению. [\[107\]](#) [\[108\]](#)

Нелегкое и, может быть, непосильное бремя брал на себя Игнатий, не знавший людей, жизни, света. Чем выше тогда было положение патриарха в Византии, тем менее согласовывалось оно с воспитанием и навыками Игнатия. Игнатий не мог удовлетворять всем требованиям своего положения. Можно признавать значительную пастырскую ревность у Игнатия, но его ревность часто проявлялась слишком пылким и кипучим образом. Как много в этом отношении он напоминает лиц, составлявших оппозицию при Тарасии, Никифоре и Мефодии! Игнатия характеризуют как «отличнейшего монаха, но не как отличнейшего патриарха». [\[109\]](#) [\[110\]](#) Суровость характера доходила у Игнатия до неумеренной резкости и даже надменности, что отчасти признает и его панегирист Никита Пафлагонянин, как ни старается он прославить память этого уважаемого им патриарха. «Ко всякой лжи и несправедливости он относился весьма строго, — по словам Никиты, — и весьма сильно нападал на них». [\[111\]](#) Очевидно, ревностный патриарх не всегда различал, в каких случаях нужна была большая строгость и в каких строгость, растворенная снисходительностью. Игнатий не знал градаций в проявлении своей пастырской ревности. Известный католический историк Гергенрётер, вообще становящийся на сторону Игнатия, однако же считает делом справедливости заметить о церковно-правительственной деятельности этого патриарха, что он «не всегда и не везде обнаруживал необходимое благоразумие и осторожность и, таким образом, играл на руку своим врагам». [\[112\]](#) Расскажем

несколько случаев из церковной деятельности Игнатия, которые должны доказать, что пастырская деятельность Игнатия была не чужда крайностей, излишней строгости и вообще проявлений неумеренной ревности. Прежде всего, вот какой был случай при самом посвящении Игнатия. Между лицами, имевшими преподать хиротонию Игнатию, был епископ Сиракузский Григорий, по прозванию Асвеста. Неизвестно, почему этот Григорий, сиракузский епископ, проживал в Константинополе, потому ли, что его кафедральному городу грозило арабское завоевание, потому ли, что его вызвал сюда по какой-либо причине патриарх Мефодий, или по каким-либо другим обстоятельствам. Как бы то ни было, он должен был, как мы сказали, принять участие в посвящении Игнатия. Но к этому делу Игнатий не допустил Григория. Как скоро Игнатий увидел Григория Асвесту, готового принять участие в хиротонии, он приказал ему удалиться. И это сделано было публично, в церковном собрании, при таком торжественном случае, как посвящение его, Игнатия, в патриарха Константинопольского, было сделано с таким видным по своему значению епископом, как Григорий Асвеста (что это был епископ, выдающийся из ряда других, — скажем несколько слов впоследствии).^[113] А главное, Григорий не был каким-нибудь низложенным пастырем, а законным архиереем: уже после Игнатий хотел лишить Асвесту сана, но приговор патриарха не имел силы не только в Византии, где было много друзей у Григория, но и в Риме, где к Григорию были все очень равнодушны.^[114] Григорий, получив от Игнатия приказание удалиться, разгневался, бросил на землю свечи, которые он держал в руках, и вслух при всех назвал нового патриарха «волком» (поступок тоже непристойный, но все же до известной степени

естественный в положении человека, невинно оскорбленного); затем Григорий, а вместе с ним епископы Петр Сардийский и Евламбий Апамейский и другие некоторые клирики покинули церковь.^[115] Вот что произошло при самом посвящении Игнатия в патриархи вследствие того, что он следовал велениям своей воли, не сообразуясь с обстоятельствами. В лице Григория Асвесты Игнатий нашел себе сильного врага, который нашел себе много сочувствующих, причем Асвеста и его приверженцы сделались зерном той могущественной византийской иерархической партии, которая стала известна впоследствии под именем фотиан.^[116] И нет ничего удивительного в том, что Григорий нашел много лиц, сочувствующих ему и в то же время враждебно настроенных против Игнатия, ибо даже панегирист Игнатия Никита сознается, что случай с Асвестой произвел неприятное впечатление и что многие (епископы. — А. Л.) порицали за это не в меру ревностного патриарха.^[117] Другой случай, который мы хотим рассказать, не в том роде, как рассказанный сейчас. Относительно его возможны неодинаковые суждения. Но тем не менее едва ли можно отрицать, что и здесь ревность пастырская проявилась в слишком резкой форме. V кормила правления во время первого патриаршествования Игнатия стоял, между прочим, Варда, дядя легкомысленного императора Михаила III. **Варда** не был себялюбивым правителем, ищущим в своей власти удовлетворения своим страстям. Он **был** человек просвещенный **и** ревностно заботился о народном просвещении, что встречается не часто в истории Византийского государства. Но что касается нравственной жизни Варды, то она не стояла так высоко, как его образованность. В народе сложилось убеждение, что Варда был в незаконной **связи** со своей вдовой-невесткой.^[118] Допустим, что **это было**

справедливо. Можно **ли**, благоразумно ли **было** поступить так, как поступил в настоящем **случае** Игнатий? Игнатий сначала частным образом **увещевал** Варду разорвать незаконную связь; но последний не внимал голосу патриарха. Очень вероятно, что Варда на все увещания Игнатия отвечал **тем**, что отвергал самый факт преступления: ведь **в таких** вещах обвинять кого-либо на основании осязательных фактов большей частью невозможно, **и** бывает трудно решить, запирается или искренно говорит обвиняемый, если отвергает самый факт преступления. Как скоро увещания не действовали, патриарх решается сделать смелый шаг. Он лишает Варду св. причастия в день Богоявления. Это произошло публично^[119] и, может быть, в Софийском храме.^[120] Факт единственный в своем роде. Первое лицо после императора в государстве вынуждено перенести величайший срам. Какие толки на всем пространстве империи должен был возбудить этот скандал? Представим себе, что бы вышло, если бы подобное же случилось в одном из христианских государств в новейшее время? Как следовало бы поступить на месте Игнатия, чтобы избежать общественного волнения, подрывающего уважение к самому правительству, если бы факт преступления Варды и был несомненным, решать не беремся... Известно, что этот случай в значительной степени повел к тому, что император лишил Игнатия патриаршего места. Факт сам по себе не важен: мало ли патриархов в Византии было лишено кафедры — все примеры и пересчитать трудно. Но на этот раз низвержение патриарха было началом событий огромной важности. Патриарх проявил чрезмерную пастырскую ревность, а император захотел защитить честь самого правительства. Игнатий низложен... Но с этого-то и начинается история разделения Церквей,

последствия которого исчислить ни один историк не в состоянии, потому что ни один историк не может сказать, что было бы, если бы отпадение Запада от Востока в религиозном отношении не произошло. Патриарх лишился своего патриаршего места. Без сомнения, событие печальное, в особенности когда известно, что низложенный не запятнал себя никаким явно злым деянием. Но что важнее, патриаршее место в Церкви или сама Церковь? Ответ может быть один, и ответ совершенно верный. Но хорошо ли сознавал эту простую истину патриарх Игнатий, принужденный оставить свое высокое положение? История дает ответ отрицательный. Рассказывают, что Игнатий, впрочем, после колебаний в пользу лучших намерений, наложил беспримерное запрещение на Византийскую Церковь; именно, Анастасий Библиотекарь говорит, что когда Игнатия низложили, то он связал Церковь, воспретив своей архипастырской властью совершать в ней без него священнодействия.^[121] Если это свидетельство достоверно, то оно показывает, что Игнатий свои личные интересы ставил выше интересов Церкви, думал больше о своей чести, чем о спасении христианских душ. Его биограф Никита Пафлагонянин к этому еще прибавляет известие, что Игнатий решился претерпеть все мучения, лишь бы не сочли его добровольно отказавшимся от его патриаршего достоинства.^[122] Конечно, рядом с такими фактами, в которых обнаруживалось, что пастырская ревность Игнатия не всегда отличалась осторожностью и благоразумием, можно находить в его деятельности и факты иного, лучшего качества. Так, в полной яркости открывается духовная высота Игнатия по случаю полученного им от императора Михаила приказа посвящать его мать Феодору и сестер его в монахини насильственно.^[123] Для нас теперь неважно знать, почему император

захотел учинить такой насильственный поступок по отношению к кровным своим родным; но нельзя не отметить того факта, что Игнатий, решительно отказавшись исполнить царскую волю,^[124] тем самым заявил, что он до глубины души был проникнут сознанием своих пастырских обязанностей.

Партия Игнатия и игнатиан отличалась и некоторыми другими чертами, свидетельствовавшими о родстве ее с теми прежними партиями, которые заявляли себя протестом против распоряжений и действий церковной власти. Партия Игнатия наследовала от времен патриарха Мефодия нерасположение к этому патриарху.^[125] Образ действий Мефодия, круто поступавшего со студитами, по всей вероятности, нашел себе порицание в партии игнатиан, во главе которой стоял такой почитатель монахов, как Игнатий. По крайней мере, сам Игнатий считался среди кружков, ему враждебных, «хулителем» Мефодия,^[126] а таким лицом мог быть Игнатий только потому, что он сошелся со студитами,^[127] разделяя их воззрения и нерасположение к своему предшественнику. Правда, Анастасий Библиотекарь, бывший по своим симпатиям на стороне Игнатия, напротив, старается выставить этого патриарха почитателем Мефодиевой памяти,^[128] но известия его по этому вопросу не могут быть точны и не соответствуют действительному положению партий в Византии. С другой стороны, нужно сознаться, у историка нет твердых фактов, которые бы доказывали, что партия Игнатия в отношении к патриарху Мефодию шла по стопам студитов патриаршества Мефодия; но зато историки не лишены возможности указать на один факт, хотя и косвенный, но остающийся не без значения в отношении к занимающему нас вопросу. Разумею строгость, какую показывал Игнатий к Григорию Асвесте. Строгость эта будет для нас совершенно

непонятна, если мы не сбудем основания для нее искать в том, что Григорий был тесно связан многими отношениями с Мефодием: Мефодий и Григорий Асвеста — оба были земляки, сиракузцы; очень вероятно, что Григорий был возведен в архиепископа Сиракузского именно Мефодием;^[129] быть может, именно по желанию Мефодия проживал он не в своем кафедральном городе, а в восточной столице; наконец, сохранился панегирик, написанный Григорием в честь Мефодия.^[130] Все это, взятое вместе, показывает, что Григорий был очень близок к Мефодию, а потому если Игнатий выражает нерасположение к Григорию, то показывает его вследствие нерасположения к Мефодию. Других причин строгого отношения Игнатия к Григорию указать невозможно. Укажем еще черту, характеризующую игнатиан и сближающую их с теми прежними партиями в Византии, которые с известными промежутками выражали противодействие распоряжениям церковной патриаршей власти. Партии протеста в недавно прошедшие времена для достижения победы над противной партией любили обращаться за советом и содействием к римскому папе. Эти партии очень верили в авторитет римского епископа. Так было, как нами было указано, при патриархе Тарасии и еще более и решительнее при патриархе Никифоре. То же самое видим при патриархе Игнатии, когда его партия вступает в борьбу с противниками. Вот, например, с какими словами обращаются некоторые приверженные Игнатию духовные лица к папе Николаю от лица Игнатия (после собора 861 года): «Игнатий, тиранически преследуемый, испытавший много зол, и его товарищи по страданию, нашему господину, святейшему и блаженнейшему епископу, *патриарху всех кафедр*, наследнику князя-апостола, вселенскому папе

Николаю, со всей его высокоумной Церковью Римской, — спасение о Господе». Так начиналась апелляционная жалоба игнатиан к папе, а в заключение говорилось: «Ты, святейший господин, яви ко мне (Игнатию) любвеобильное милосердие и рцы с великим Павлом: есть ли кто изнемогающий, с кем бы я не изнемогал (2 Кор. 11, 29); вспомни о великих патриархах, твоих предшественниках: Фабиане, Юлии, Иннокентии, Льве, короче, о всех, кто боролся за истину против неправды, поревнуй им и явись мстителем за нас».^[131] На соборе Константинопольском 869 года, где руководство делами принадлежало партии игнатиан, было сделано много уступок папскому престолу, и папа получал здесь от них очень ясные выражения признательности (о соборе этом речь будет после). В кругах игнатиан ходили рассказы о страшных снах, какие беспокоили будто врагов Игнатия; но важны не самые сны, а то, что в них, по рассказам игнатиан, является мстителем за Игнатия не кто другой, как апостол Петр, наместником которого, как известно, считал себя папа, Петр — «обладающий ключами неба и служащий камнем, на котором Христос Бог утвердил Церковь Свою».^[132] Итак, связи партии игнатиан с папским престолом не подлежат сомнению. Есть еще одна черта, равно характеризующая византийские оппозиционные партии прежних времен и партию игнатиан: первые партии, по числу членов, были немногочисленны; также немногочисленна была и партия Игнатия. Апелляция на деятельность Константинопольского собора 861 года, где партия игнатиан потерпела поражение, представленная сторонниками Игнатия папе Николаю, подана лишь от имени 10 митрополитов и 15 епископов,^[133] — число маленькое, если возьмем во внимание, что в Византийском государстве была не одна сотня

архиереев. Собор 869 г., собранный для восстановления Игнатия на патриаршей кафедре, открылся буквально с десятком восточных епископов.

Обращаемся к характеристике противоположной партии Фотия и фотиан. Св. Фотий (правил Церковью дважды в 857–867 и 877–886 гг.) и его партия представляли во многом аналогичное явление с теми партиями большинства, или господствующими партиями, которые имели во главе патриархов Тарасия, Никифора и, наконец, Мефодия. Фотий занял византийскую патриаршую кафедру, вышедши из той же общественной среды, из какой вышли ранее Тарасий и Никифор. Он был светски воспитанным человеком и прямо от высоких государственных должностей перешел к должности патриаршей, подобно тому, как то же было с двумя вышеназванными патриархами. Он, Фотий, и его партия держались того примирительного образа действия в Церкви, какого ранее держались и Тарасий, и Никифор, и Мефодий. Не идти против течения, а управлять течением во имя благоденствия Церкви и государства — было стремление Фотия и фотиан. Фотий, вступая на патриаршую кафедру при тех обстоятельствах, при каких он взошел, одушевлен был желанием водворить спокойствие во взволнованном обществе и обуреваемой смутами Церкви. Он захотел принять в свои руки жезл патриарший только тогда, когда узнал, что низверженный патриарх дал формальное согласие избрать на место него другого патриарха.^[134]* Правда, это свое решение, под влиянием некоторых из слишком рьяных сторонников, Игнатий вскоре изменил, но этого предвидеть было невозможно.^[135] Он, Фотий, позволил посвятить себя только тогда, когда его избрание в патриархи прошло на Константинопольском соборе блистательным образом, когда лишь пятеро епископов

подали отрицательные голоса, т. е. высказались против Фотия.^[136] При таких условиях решается Фотий принять бремя управления Церковью Византийской.^[137] Это было действительно бремя, потому что все и каждый ожидали от нового патриарха исполнения своих надежд. И все показывает, что Фотий в самом деле желал умиротворить всех, насколько **это в** силах был сделать один человек с недюжинным **умом**. Он не хотел ставить себя в какие-либо враждебные отношения к партии игнатиан. Чтобы успокоить ее, утешить и заставить забыть печали, он **дал** Игнатию письменное уверение, что он будет почитать бывшего патриарха, как отца.^[138] Игнатиане впоследствии жаловались, что это была не больше как хитрость и лицемерие со стороны Фотия. Но говорить так — значит клеветать на знаменитого патриарха. Удостоверение, выданное Фотием Игнатию, это параграф его программы примирительной церковной политики. Если же скоро установились между Фотием и Игнатием натянутые отношения и даже более, — то в этом не виновен Фотий, так как игнатиане под влиянием честолюбивых стремлений сделали первый шаг к уничтожению мира между бывшим и новым патриархами: они собрали небольшой, но публичный собор в Константинополе и предали Фотия.^[139] ^[140] Мог ли предвидеть подобный случай новый патриарх? В примирительном духе действовал Фотий и в отношении к светскому правительству, столь недовольному Игнатием. С императором Михаилом III, несмотря на его легкомыслие и дурные качества, Фотий все время находился в наилучших отношениях. Правда, не видно, чтобы новый патриарх обличал Михаила за дурную жизнь, который за беспорядочное поведение прозван был нелестным именем «Пьяного»; но если не обличал публично, во избежание скандала, то, как

предполагают некоторые исследователи, действовал на него путем кротких внушений и, по-видимому, не без успеха.^[141] С Вардой Фотий был и остался на дружеской ноге и, без сомнения, не лишал его причастия, несмотря на слухи, будь они верны или неверны, относительно зазорной связи Варды со вдовой-невесткой. Когда правительство, из ненависти к Игнатию, подняло гонения на Игнатия и его жарких приверженцев, то Фотий хотя и знал, что всякое заступничество за преследуемых будет принято неблагоприятно, однако же писал письма с просьбой смягчить строгости, но не считал делом благоразумным слишком настаивать на этом и становиться в неприязненные отношения к правительству.^[142] К самому папе Николаю Фотий на первых порах хотел поставить себя так, чтобы римскому епископу не на что было жаловаться; он ясно давал знать папе, что всякая помощь со стороны Рима, направленная к упорядочению византийских церковных дел, будет принята с благодарностью, но и только.^[143] Идея церковного братства, на началах независимости Церкви, была руководителем Фотия в сношениях с Римом. Мира и взаимного уважения, а не споров желал он. Вот программа миротворческой деятельности, какую начертал себе Фотий. И если эта программа лишь в малой части осуществилась, в этом виноват не Фотий, а стечение самых непредвиденных исторических обстоятельств. В том, что мы сказали о примирительных намерениях Фотия, нельзя не видеть, что этот патриарх желал управлять Церковью, руководясь правилами той церковной «икономии», которая некоторых прежних патриархов, именно Тарасия и Никифора, побуждала быть осторожными и снисходительными в церковной деятельности. И в других отношениях Фотий и его партия напоминали характерные черты прежних партий большинства. Фотий заметно сближается с этими

последними. Он в защиту своего собственного посвящения прямо из мирян ссылается нередко на примеры Тарасия и Никифора. А что касается Мефодия, то этот в партии фотиан всегда ставился высоко и считался человеком образцовым. Фотий был явным и признательным почитателем памяти Мефодия; он готов был признать «отцеубийцею» того, кто непочтительно относился к имени и деятельности этого патриарха.^[144] В этом случае с Фотием сходится и Григорий Асвеста, — можно сказать, душа партии фотиан. Этого Григория Фотий глубоко чтит и называл его, как и все фотиане, «великим Божиим человеком».^[145] Почему Фотий так чтит Григория? На этот вопрос ответ может быть только такой: Григорий был искренним почитателем Мефодия и за свою привязанность к этому патриарху много пострадал от игнатиан. Это вело к тому, что фотиане прониклись глубоким уважением к Григорию Асвесте. Можно сказать, что фотиане жили преданиями, дошедшими до них от времен церковной деятельности Мефодия, а в чем они заключались, мы уже знаем. По своим отношениям к Мефодию партии игнатиан и фотиан сильно отличались одна от другой. Церковные партии, представляемые Тарасием и Никифором с их приверженцами, не любили льстить и угождать римским епископам. Эти партии стояли на стороне самостоятельности и независимости Византийской Церкви. Лишь партия меньшинства при них ждала какого-то «спасения» из Рима. То же было при Фотии. Фотий и фотиане холодно относились к папам, — они не заискивали перед римским первосвященником. Впрочем, это черта столь известная, что достаточно о ней лишь напомнить. В этом отношении какое громадное различие между игнатианами и фотианами! Не следует упускать из внимания и еще одну черту, отличающую фотиан от игнатиан. Фотий был человек

замечательно образованный, а потому он горячо стоял за просвещение. **Если** сравним в этом отношении партии Игнатия и Фотия, то увидим, что разница между ними простиралась очень далеко. Игнатий часто оставался равнодушен к просвещению, частью даже преследовал его. Сторонник Игнатия Анастасий Библиотекарь не скрывает того, что Игнатий даже преследовал образование, прикрываясь побуждениями благочестивыми.^[146] Стоя на такой точке зрения, игнатиане даже ставили в упрек Фотию его ученость. **Этим** они, с одной стороны, свидетельствовали о **том** духе, какой господствовал у них, а с другой, ясно показывали, как много фотиане в этом случае отличались от игнатиан. Никита Пафлагонянин писал о Фотии: «Он не знал и не желал знать, что **кто** хочет сделаться в этом веке мудрым, должен сделаться юродивым, чтобы быть мудрым; он утвердил свой ум на нетвердом основании, на мирской мудрости и надменном разуме, воспитанном не во Христе». «Его образование сделалось для него руководителем ко всякому нечестию и всему соблазнительному».^[147] Много возникло известий относительно Фотия, в которых его ученость и образование рисуются в чертах крайне непривлекательных и которые сочинены лицами, враждебно расположенными к этому знаменитому патриарху.^[148] Едва ли можно сомневаться, что разность точек зрения на пользу и важность образования служила к обострению вражды между двумя партиями — игнатиан и фотиан.^[149] Наконец, кажется, следует сделать замечание и еще об одной черте, правда, не особенно важной, отличающей изучаемые нами партии. Игнатий находился в самых дружественных отношениях к византийским монахам, в частности к студитам; монахи, со своей стороны, платили благочестивому патриарху преданностью и

готовностью ему служить.^[150] Далеко не в таких отношениях к монахам был Фотий. Было бы слишком много сказать, что он неприязненно смотрел на монахов, но он, во всяком случае, не был почитателем современного ему монашества и думал о необходимости разных реформ в монашестве, а о реформах может помышлять тот, кто сознает в известном учреждении недостатки, требующие исправления и врачевания.^[151] Монахи очень скоро поняли существенное различие Игнатия и Фотия в отношении к монашеству и отторглись от власти последнего, становясь на сторону первого. Это в особенности должно сказать о студитах — современниках Фотия — с их архимандритом Николаем. В среде студитов стали слышаться те же возражения против законности патриаршей власти Фотия, какие здесь же выставлялись некогда и против Тарасия и Никифора; студиты ставили в упрек Фотию то, что он возведен в сан епископский непосредственно из мирского звания.^[152] Гергенрётер замечает, что во времена патриарха Фотия «среди студитов живы были традиции, перешедшие еще от времен Платона и Феодора. И не одни студиты стали в натянутые отношения к патриарху Фотию».^[153] Мы сказали выше, что партия фотиан представляет собой возобновление, хотя и не совсем в чистом виде, тех партий, которые прежде составляли большинство, противодействовавшее меньшинству, под главенством Тарасия, Никифора и Мефодия. Одним из доказательств этого мнения служит то, что партия фотиан была всегда сильна и могуча по численности ее членов в сравнении с партией Игнатия. Как увидим впоследствии, Фотий без всякого усилия собирал многочисленные по количеству членов соборы в защиту своего дела, столь многочисленные, что они напоминали самые блестящие из Вселенских соборов.

Так можно представлять себе характерные черты двух известных в истории IX в. партий — игнатиан и фотиан.

Обращаемся к изучению замечательнейших Константинопольских соборов того же IX в., служащих показателями тех степеней развития, каких достигала в то или другое время каждая из указанных церковных византийских партий.

I. Собор Перво-второй, или Двукратный (861 г.) [\[154\]](#)

Собор Константинопольский 861 г., происходивший в константинопольской церкви Свв. Апостолов, служит выражением того значения, каким пользовался Фотий в свое время, и того могущества, каким обладала партия фотиан.

К сожалению, актов этого собора не сохранилось; [\[155\]](#) они уничтожены были, когда у кормила церковной власти появились на некоторое время снова игнатиане, постаравшиеся о том, чтобы сгладить **следы** бывшего торжества противоположной партии. [\[156\]](#)

Ввиду этого историю собора 861 г. приходится восстанавливать на основании второстепенных документов. Но и здесь историка ожидает разочарование. **Главнейшие** документы, помогающие разъяснению истории собора, написаны явными врагами Фотия, которые не в состоянии были рассказать ход соборных Дел беспристрастно. Говорим о биографии Игнатия, составленной Никитой Пафлагонянином, и записке Феогноста. Авторы этих творений уже нам известны: имена их встречались на предыдущих страницах. По известиям Никиты и Феогноста невозможно начертать полный образ деятельности собора 861 года, а можно обозначить лишь некоторые контуры, которые дают понятие об общем ходе соборной деятельности.

Целью собора было, с одной стороны, доказать авторитет и значение партии фотиан, так как против церковного авторитета и значения этой партии стали вооружаться игнатиане, лишившиеся власти и

старались смущать Церковь, а с другой — ввести в границы и усмирить игнатианскую партию.

Все благоприятствовало тому, чтобы выполнить эти задачи с должным успехом. Император Михаил III, несмотря на то, что мало входил в дела правительственные, заинтересован был поднятием авторитета Фотия, ибо он сильно был недоволен прежним патриархом Игнатием; кесарь Варда — правая рука Михаила, будучи человеком просвещенным, высоко ставил ученого Фотия и готов был сделать все для возвеличения нового патриарха; епископы Византийского государства были в большинстве на стороне Фотия и съехались на собор в количестве 318 отцов (число, равное числу отцов первого Никейского собора, — число, нужно полагать, случайное, а не рассчитанное на эффект, как утверждают католические писатели вслед за папой Николаем); в заседаниях собора приняли участие два легата папы Николая епископы Родоальд Портский и Захария Ананьиский,^[157] которые приняли на соборе открыто сторону Фотия, чем и разгневали римского первосвященника.^{[158] [159]} Кроме многих иерархов, на соборе **присутствовали** как император Михаил, так и кесарь Варда с высшими государственными сановниками, что придает этому собору особенный внешний блеск.

Собор открылся в мае 861 года. На открытие его прибыл император с блестящей свитой. Весь город пришел в движение; улицы наполнились любопытными;^[160] вероятно, многие хотели посмотреть на шествие отставленного патриарха на собор. При каких более частных подробностях произошло открытие собора, неизвестно. Но, по всей вероятности, дело происходило так же, как и на других соборах, т. е. читались различные документы, имеющие отношение к созванию самого собора; может быть, говорились речи от лица

императора и кем-либо из первенствующих епископов. По-видимому, на первом же заседании собора определено было призвать сюда отставленного патриарха Игнатия, без сомнения, для того, чтобы доказать его виновность в порождении смут в Византийской Церкви. С целью пригласить патриарха Игнатия на собор были отправлены к нему препозит [\[161\]](#) Ваанис и несколько низших чиновников. Игнатий сначала отказывался прибыть на собор под тем предлогом, что он требует над собой суда папского; но его заявлению не было придано значения. Вторично потребованный на собор, Игнатий наконец решается идти. Но прежде чем отправиться, он захотел узнать, в каком одеянии он должен прийти на собор, в епископском ли облачении или в монашеской одежде, т. е. как судимый еще или уже осужденный. Но приглашавшие его лица не могли разрешить вопрос. [\[162\]](#) Дальнейшие действия происходят уже на другой день, когда приглашавшие (в третий раз) Игнатия на собор объявили ему от лица папских легатов, что он может прийти на собор в таком одеянии, какое он сам найдет наиболее приличным. Пользуясь этим позволением, Игнатий пошел на собор в полном патриаршем облачении в сопровождении некоторых епископов, священников и толпы народа. Но на дороге, близ церкви Григория Богослова, где среди улицы был поставлен крест на мраморном столбе, Игнатия встретил патриций Иоанн Кокс и от лица императора объявил ему, чтобы он пришел на собор в простом монашеском одеянии. Игнатий переоделся и в сопровождении Кокса отправился на собор; свита Игнатия принуждена была покинуть его. При вступлении Игнатия в заседание собора несколько духовных лиц и один мирянин, которые доселе показывали себя приверженцами Игнатия, осыпали его упреками за то, что он, будучи

отставлен от своей должности, однако же, осмелился надеть на себя епископское облачение. Наконец Игнатий в худой монашеской одежде предстал на соборе.^[163] Лишь только император Михаил увидел Игнатия, как осыпал его бранью, — так, по крайней мере, утверждают игнатианские описатели собора.^[164] На эту брань Игнатий будто бы смело заметил, что ругательства все-таки легче перенести, чем мучения, указывая этим на те суровые меры, какие правительство принимало против Игнатия после его низложения. **Император** приказал ему сесть на простую деревянную **скамью**. Затем после некоторых переговоров Игнатию было дано право обратиться с несколькими словами к папским легатам. Игнатий спросил легатов: с какой целью они прибыли и заседают на **соборе**? Получив в ответ, что они прибыли для исследования его дела и будут поступать сообразно с церковными правилами, Игнатий заметил им: «Если так, то прежде всего вам следует удалить отсюда прелюбодея (т. е. Фотия, который назван прелюбодеем в том смысле, что он сделался пастырем Церкви **при** жизни своего предшественника. — **А. Л.**); а **если** вы этого не сделаете, то вас нельзя считать действительными судьями». Легаты будто ничего не нашли ответить на это, а только указали на императора и сказали: «На это пусть будет воля государя».^{[165] [166]} Затем, по рассказу описателей истории **собора**, некоторые митрополиты осмелились было потребовать на соборе, чтобы Игнатий был снова утвержден на патриаршей кафедре. Но на это им было замечено со стороны сановников, присутствовавших на соборе: «Зачем же они согласились на низложение Игнатия?» Митрополиты дали ответ уклончивый. После этого, по словам рассказчиков, сановники неоднократно обращались к Игнатию с требованием, чтобы он заявил

о своем отречении от патриаршей кафедры;^[167] но трудно представить, для какой цели могло бы служить такое отречение, когда фактически он уже не был патриархом четыре года, да и притом, как было замечено нами прежде, Игнатий в свое время дал согласие на избрание нового патриарха, следовательно, перестал считать себя действительным патриархом. Судя по известиям наших документов, происходит некоторый перерыв в заседаниях собора, и они возобновляются только через несколько дней. Следующее заседание собора открывается тем, что решено было снова пригласить Игнатия на собор. Представляется не совсем понятным или, лучше сказать, не выясненным в источниках, зачем именно приглашался Игнатий на собор? Не желали ли от Игнатия того, чтобы он сам осудил свое поведение после лишения кафедры, которое выражалось в противодействии управлению Церковью Фотием, что, конечно, грозило расколом. Во всяком случае, на соборе никаким образом не мог быть поставлен вопрос: быть ли патриархом Фотию или восстановить в патриаршем достоинстве Игнатия? Но продолжаем рассказ, руководясь нашими бедными источниками. На новое требование явиться на собор Игнатий ответил отказом, потому что собор и легаты, по его словам, не соблюдают церковных правил, ибо легаты не только не прервали общения с узурпатором, т. е. Фотием, но ели-пили с ним и даже во время дороги в Константинополь принимали от него подарки; таких подкупных судей, заметил Игнатий, он не признает, он будет апеллировать к папе и только его суду он готов подчиниться. Окружавшие Игнатия духовные лица, ему преданные, рассуждали в том же духе; здесь для ободрения Игнатия припоминалась деятельность папы Иннокентия I в защиту Златоуста, **без** суда

низложенного с кафедры, а также припоминалось правило 4-е Сардикийского собора, **которым** требовалось, чтобы не считалась вакантной та кафедра, епископ которой апеллирует к папе, **прежде** чем рассмотрено его, епископа, дело в Риме. ^[168] **Впрочем,** Игнатий не решился отвечать отказом на дальнейшее приглашение прибыть на собор. Он **только** счел долгом сделать то замечание, что отцы собора не знают правил церковных, ибо епископа должно приглашать на собор при посредстве тоже **двух** епископов, а за ним прислали одного иподиакона, а другого просто мирянина. Когда он узнал **при этом**, что против него хотят выставить **свидетелей**, которые готовы клятвенно заверить, что он, Игнатий, незаконным образом избран и посвящен, то он стал говорить: «Какие это свидетели? Кто им **поверит?** Какое правило повелевает, чтобы царь создавал свидетелей? Если я не епископ, то и Михаил не царь; нет здесь (в столице. — **А. Л.**) и действительно епископов, и сам Фотий не епископ (при **чем** тут Фотий, которого Игнатий не посвящал — непонятно. — **А. Л.**)». К этому Игнатий еще **прибавил** будто, что Фотий не только не пастырь, но даже и находится вне общения с Церковью. В поставлении Фотия в патриархи он находил тот важный недостаток, что Фотий сделался епископом прямо из мирян. ^[169] Без сомнения, все эти порицания на собор, епископов, императора Игнатий мог высказывать не на самом соборе, где не потерпели бы таких оскорблений, а перед теми лицами, которые являлись от собора приглашать Игнатия сюда, а также перед людьми, составлявшими его свиту. Когда прибыл Игнатий на собор, то, по рассказу описателей собора, его опять заставляли дать отречение от патриаршей кафедры ^[170] (что, впрочем, как мы сказали выше, едва ли могло иметь какое-либо значение и смысл). Между этим

соборным заседанием, действительная деятельность которого остается неопределенной вследствие односторонности показаний источников, и дальнейшим заседанием проходит десять дней. Затем наступает последнее заседание по делу Игнатия. Он вызван на собор, и против него представлено семьдесят два свидетеля. Такое число свидетелей в основе своей имело некоторые канонические основания.^[171] Свидетели принадлежали к лицам разных сословий; между ними были люди и низшего сословия — ремесленники, торговцы рыбой и т. д., но были и сенаторы, и придворные лица. Во главе свидетелей из высшего сословия были патрикии Лев Критик и Феодотакій. Все эти свидетели клялись и подтверждали свою клятву подписью, что Игнатий противоканоническим образом возведен в патриархи.^[172] Смысл этого обвинения был тот, что Игнатий возведен в патриархи волей императрицы Феодоры без участия собора, которому, по правилам, принадлежит право избрания епископов.^[173] На основании показаний этих **свидетелей** к Игнатию приложено было 30-е правило апостольское, по которому епископ, мирской властью введенный в обладание Церковью, отставляется и отлучается.^[174] Подробности неизвестны. Игнатий после этого был объявлен осужденным и лишенным патриаршего достоинства. По известиям наших источников, на самом же соборе будто произошел акт расстрижения Игнатия. На Игнатия будто бы надеты были разорванные и грязные архиерейские одежды с включением омофора; затем один иподиакон по имени Прокопий снял с него архиерейское одеяние и потом воскликнул: «'Ανάξιος!»^[175] Папские легаты Родоальд и Захария и члены собора будто бы повторили это слово.^[176] Так

произошло осуждение Игнатия по рассказу игнатианских описателей.^[177]

В начале IX века, как известно, снова было началось иконоборческое движение; встречаем в это время несколько императоров, заявивших себя иконоборчеством, как, например, Лев Армянин, Феофил, а также несколько патриархов Константинопольских, которые высказали большое сочувствие иконоборческим императорам, как, например, Феодот Касситера, Антоний, Иоанн VII. Вследствие этого и после восстановления иконопочитания при св. Феодоре (842 г.)^[178] в Византийской Церкви находились люди, приверженные иконоборчеству. С остатками иконоборчества пришлось вести борьбу собору 861 г.;^[179] но в чем заключалась деятельность собора в этом случае, ничего неизвестно.

Достойно сожаления, что акты собора 861 года не сохранились до нас.^[180]

Этим собором составлено было 17 правил, которые имеют каноническо-руководственное значение в греческой и нашей Церкви. Сделаем краткий обзор более замечательных из этих правил.^[181] Они могут служить к пополнению наших скудных сведений о соборе 861 года, так как большая часть их вызвана была обстоятельствами борьбы двух церковных партий — игнатиан и фотиан. Большинство правил имеет в виду благоустройство монастырей и монашеской жизни. Это объясняется тем, что монастыри и монашеская жизнь в Византийской Церкви во время слабого правления ею Игнатия расшатались и заявляли себя бросающимися в глаза недостатками, что, впрочем, началось еще ранее патриаршества Игнатия. Ввиду этого Фотий, по суждению о. Герасима, «старался ограничить слишком большое влияние монашества, очистить это сословие от

злоупотреблений, вкравшихся в его быт, и, таким образом, поставить монастырскую жизнь на высоте, соответствующей понятиям православных о монашестве и его значении».^[182] Действительно, правила, составленные на соборе 861 года, без сомнения, под особым влиянием Фотия, заключают немало жалоб на упадок и беспорядки монашеской жизни и ставят целью врачевать их. В правилах говорится, что «столь высокое дело, как монашество, оказывалось в пренебрежении» (пр. 1); указывается, что «некоторые принимают на себя наружный образ монашеской жизни не с тем, чтобы в чистоте служить Богу, но для того, чтобы видимой чистотой и безукоризненностью стяжать себе славу людей благочестивых и через то приобрести беспрепятственное удовольствие своим пожеланиям» (пр. 2); замечается, что среди монахов появилось много таких, которые не сидят на одном месте, а любят бродяжничать. «Много путей изобрел лукавый, — написано в 4-м пр., — чтобы нанести как можно более поношения монашескому образу, много в этом ему помогло время предыдущей ереси (иконоборчества), потому что угнетаемые ересью монахи оставляли свои обители и переселялись в другие, а некоторые и в жилища мирских людей. Но что делали тогда монашествующие ради благочестия, то, перешедши в безрассудный обычай, являет их достойными посмеяния; потому что еще и теперь некоторые из них уходят из своих монастырей и, подобно неудержимому потоку, переселяясь и переливаясь то туда, то сюда, лишают обители благообразия, вносят в них большой беспорядок, расстраивают и разрушают благолепие послушания». Правилами в числе недостатков, требующих исправления, указывается слишком большое, но своекорыстное тяготение некоторых епископов к устройению новых монастырей. Так в

правиле 7-м говорится: «Видим, что многие епископии (т. е. епископские подворья с их финансовой и хозяйственной частью. — **А. Л.**) приходят в упадок и подвергаются опасности совершенного запустения, оттого что предстоятели их свои заботы и попечения обращают вместо старых на созидание новых монастырей и, ухищряясь на подрыв епископий доходы с этих монастырей присваивать себе, заботятся об умножении последних». Собор принимает надлежащие меры против указанных беспорядков. Между правилами, касающимися монашеской жизни, особенно обращает на себя внимание 4-е правило. Им, как мы видели, запрещается монахам менять по своему произволу местопребывание. Быть может, этим правилом собор хотел предотвратить на будущее время путешествие в Рим тех из монахов, которые, будучи сторонниками Игнатия, отправлялись к римскому епископу для жалоб на Фотия. Путешествия такого рода несомненно случались.^[183] На подобных монахов, по-видимому, намекается и в одном письме Фотия, где говорится о людях, которые «под предлогом богомолия» отправляются в Рим, доходят до самого папы, но имеют «злые намерения».^[184] Но еще более имеют значения для уяснения борьбы партий фотиан с игнатианами правила 13, 14 и 15. Они направляются против «безумия раскольников» (μᾶνια τῶν σχισματικῶν). В правиле 13-м говорится: «Посеяв в Церкви Христовой семена еретических плевел и видя, что они с корнем посекаются мечом Духа, лукавый вступил на иной путь козней и покушается рассекать тело Христово при посредстве безумия раскольников». Ясное дело, что собор при этом имеет в виду тех лиц духовных, которые не хотели признавать Фотия патриархом. Собор определяет те наказания, которым будут подвергнуты пресвитеры, епископы,

митрополиты, повинные в схизматических стремлениях, не признающие и не поминающие за богослужением своих духовных начальников. Что назначение этих правил именно таково, как мы сейчас указали, видно из того же письма Фотия, на которое мы сейчас ссылались.

Здесь говорится, что кроме иконоборцев в Византии «появились лисицы, выходящие из своих логовищ для уловления птичек, — это раскольники, более опасные, нежели явные враги»; Фотий при этом прибавляет, что они «усмирены правилами», составленными на соборе 861 года.^[185] Замечательно также 17-е правило этого собора, которое воспрещало **впредь** возводить кого-либо прямо из мирского состояния в епископское достоинство. «Мы определили, чтобы впредь никому из мирян или монахов не быть возводиму на высоту епископства, но каждому рукоположению во епископы принимать не иначе как по предварительном испытании его в прохождении (низших. — **А. Л.**) церковных должностей». Как известно, Фотий был посвящен в епископы **прямо** из мирян. В шесть дней он прошел все церковные должности, подготовляющие к епископству. Этим недоволен был, между прочим, и папа Николай, как это выразил он во время сношений Византии с ним по делу о низвержении Игнатия. Но Фотий, как мы знаем, вступая на византийскую кафедру, желал руководиться примирительной церковной политикой, а потому собор 861 года и постановляет правило, которое должно было свидетельствовать о готовности Востока отклонять поводы к соблазнам.^[186] Нет надобности распространяться о прочих правилах собора. Заметим одно: все правила составлены обстоятельно и характерно, — это дает новый повод сожалеть о потере актов собора, на которых, как и на правилах, конечно, лежал отпечаток ума главного лица на соборе — Фотия.

Собор 861 года папа Николай назвал «разбойничьим», т. е. подобным собору Диоскора Александрийского в Эфесе,^[187] а канонист патриарх Антиохийский Вальсамон именует его «Вселенским собором» .^[188] Первое название указывает на то, что собор был в высшей степени неприятен папе Николаю: он не удовлетворил его честолюбивых желаний. А второе наименование указывает на то значение, каким и впоследствии пользовался на Востоке Фотий, восторжествовавший на соборе 861 года над своими противниками.

II. Собор 869–870 годов, признаваемый на Западе Восьмым Вселенским Собором

Новая династия на константинопольском императорском престоле (Василий Македонянин). — Низвержение патриарха Фотия и восстановление патриарха Игнатия; побуждения, по каким это произошло. — Сношения нового императора и Игнатия с папой римским. — Прибытие папских легатов для собора в Константинополе (869–870 годов). — Замечания об актах этого собора. — Место заседаний собора. — Крайняя малочисленность членов **первого** его заседания; чтение речи императора; требование, выраженное императорскими сановниками о том, чтобы засвидетельствовали и удостоверили свои полномочия легаты и представители двух патриарших кафедр; как принято было это требование легатами. — Можно ли считать представителей двух восточных патриархов лицами действительно уполномоченными от этих патриархов? — Притязательная папская формула, подписание которой требовалось для участия в соборе; ее содержание. Особое заявление (мнимых) уполномоченных от двух патриархов. — Внешне формальный вопрос об осуждении Фотия. — **Второе** заседание: как произошло воссоединение на нем некоторых епископов Византийского государства с Игнатием, а также некоторых пресвитеров и других клириков. — Епитимия, на них наложенная. — **Третье** заседание: чтение некоторых документов и неудачная попытка собора привлечь еще нескольких епископов к союзу с Игнатием. — **Четвертое** заседание: неприятный для собора ответ некоторых епископов, приверженных

Фотию; продолжительные переговоры собора с этими епископами, их нежелание последовать требованиям собора и изгнание их из места соборных заседаний. — Вопрос о том, был ли признаваем Фотий в патриаршем достоинстве римским папой и восточными патриархами. — **Пятое** заседание: Фотий перед лицом собора: недобровольное появление Фотия на соборе, глумление над Фотием, требования, предъявленные Фотию, переговоры с ним важнейших соборных представителей, достойное поведение Фотия на соборе, анафема Фотию. — Дальнейшее (**шестое**) заседание собора в присутствии императора Василия; приглашение на собор, по воле царя, но вопреки желанию римских легатов, фотианских епископов, их стойкость. — Защитительные речи фотиан, в особенности Захарии Халкидонского. — Ответ на речь Захарии со стороны игнатианина Митрофана Смирнского. — Чтение речи императора. — Фотианам дается семидневный срок на размышление. — **Седьмое** заседание тоже в присутствии императора: появление Фотия и с ним Григория Асвесты на соборе; порицания на Фотия; новый опыт стойкости фотианских епископов; чтение речи Игнатия; анафематствование Фотия и его приверженцев; ямбические стихи против Фотия; известие Никиты Пафлагонянина, что приговор над Фотием был подписан членами собора не чернилами, а евхаристической кровью. — **Восьмое** заседание, опять в присутствии императора: сожжение документов, относящихся ко времени патриаршествования Фотия; разные обвинения на Фотия. — Деятельность собора против последних иконоборцев. — Трехмесячный перерыв в заседаниях собора, причины этого явления. — **Девятое** заседание: появление на соборе представителя от лица патриарха Александрийского; осторожное письмо этого патриарха к собору (императору). — Суд над свидетелями, показывавшими

против Игнатия на соборе 861 года; церковное наказание, наложенное на них. — Суд над участниками в кощунственных религиозных церемониях при императоре Михаиле III и пр. — Последнее (**десятое**) торжественное заседание собора: участники заседания; провозглашение правил, составленных на этом соборе; отношение их к событиям и явлениям того времени. — Чтение соборного определения; речь императора; изготовление актов собора и их подписание. — Приключение с папскими легатами при возвращении их в Рим. — Уважение собора 869–870 годов на Западе (VIII Вселенский собор). — Отзыв патриарха Фотия о соборе.

Судьбы человеческие изменчивы. И никто так хорошо не доказывает этой истины, как история византийских императоров. В Византии было не редкостью, что крестьянин, солдат и конюх, при благоприятных обстоятельствах, достигали высшего земного величия — императорского престола, а истинные венценосцы, при несчастном стечении обстоятельств, неожиданно подвергались казни, как последние из преступников, или бывали искалечиваемы, или насильственно становились монахами и заточались в монастырь.

История византийских патриархов, со своей стороны, тоже с очевидностью доказывает истину, как переменчивы судьбы людей. Нет надобности ходить далеко за примерами. Пример перед глазами. Это история патриархов Игнатия и Фотия. Игнатий низвергается с патриаршей кафедры для того, чтобы уступить свое место Фотию, но вот и Фотий низвергается, чтобы уступить место прежнему патриарху... Но на этом не кончается, как известно, история этих двух патриархов.

В 866 и 867 годах происходят очень важные события в истории Византийского государства. В 866 году был убит, по приказанию императора Михаила III, от

которого всего можно было ожидать, кесарь Варда, его родной дядя, ревностный покровитель просвещения и дружественно расположенный к патриарху Фотию. В том же году возведен был, по желанию Михаила III, в достоинство кесаря Василий Македонянин, которому пришлось получить первенствующее значение в ближайших событиях Византийской Церкви. Но кто этот Василий? История его жизни напоминает скорее сказку, чем историю, и, однако же, она составляет действительный эпизод в исторических летописях Византии. Василий происходил из низшего сословия и родился в местечке близ Адрианополя, почему и носил имя Македонянина.^[189] Главные его достоинства заключались в необыкновенной физической силе и в умении править и обуздывать лошадей; этим последним он обратил на себя внимание Михаила, страстного любителя лошадей; из простого конюха Василий, по **воле** императора, становится шталмейстером, а потом очень скоро восходит и в другие высшие должности.^[190] В знак особенного благоволения Михаил ясенит его на своей бывшей фаворитке — Ингерине.^[191] В 866 году, после смерти Варды, Василий, как мы сказали, сделан был кесарем.^[192] Вскоре **Василий** становится императором Византии. Как кажется, своенравному Михаилу начал прискучивать Василий, — он стал наносить разного рода оскорбления последнему; император отыскал себе нового любимца в лице лодочного гребца Василикиона **и** сделал его вторым кесарем. Положение Василия стало непрочным. Он начал бояться той же участи, какой незадолго перед тем подвергся кесарь Варда, и, чтобы предупредить опасность, решился на убийство императора. Несколько преданных Василию лиц исполнили то, чего желал последний. И вот Василий сделался императором по смерти бездетного Михаила III. Вслед за тем происходят

очень важные и быстрые перемены в делах церковных. 23 сентября 867 года последовала смерть Михаила; на другой день Василий провозглашен императором, а 25 сентября патриарх Фотий низвергается с патриаршей кафедры.

События идут быстро, и, конечно, каждое из них имеет свою историческую причину. Нам нет дела до того, какие пружины заправляли столь неожиданными переменами в политическом отношении. Но нельзя оставить без разъяснения вопрос: почему император Василий низвергает Фотия? Сказать просто, потому что новый император пожелал восстановить прежнего патриарха Игнатия, не значит еще решить вопрос. То правда, что Василий захотел очистить патриаршее место для прежнего патриарха; но почему же этот прежний патриарх снискал такое неожиданное благоволение в глазах нового императора?

Древние византийские историки [\[193\]](#) для объяснения дела рассказывали о таком поступке Фотия, который навлек на него гнев Василия; именно, они утверждали, что Фотий лишил императора св. причастия, когда этот последний пришел в Софийский храм по убиении Михаила. Но по новейшим исследованиям, основанным на самых точных данных, оказывается, что такого факта совсем не было. [\[194\]](#) [\[195\]](#) Рассказ принадлежит к области вымыслов. Чем же, спрашивается, руководился император, низвергая Фотия с престола и возводя на него вместо Фотия — Игнатия? Побуждений к подобному образу действий могло быть несколько. Прежде всего, новому императору, достигшему царской власти путем узурпации и преступления, для приобретения себе популярности в народе нужно было ознаменовать себя таким действием, которое произвело бы приятное впечатление в большей части византийского общества.

А таким действием и было восстановление Игнатия на место Фотия. Нет никакого сомнения, что имя Игнатия было почитаемо в массах простого народа: Игнатий был царского рода, был страдальцем за веру при иконоборце Льве Армянине, отличался действительным благочестием, стоял во главе монашества того времени, монашества, которое пользовалось уважением в низших классах народа; наконец, недавние страдания Игнатия в царствование Михаила III у всех еще были в свежей памяти. Все это вместе окружало личность Игнатия в глазах народа особым ореолом истинной святости и мученичества. Что Игнатий пользовался большим почтением в народе, этого не мог не знать Василий Македонянин. Даже Михаил III, который недостаточно вникал в ход государственных дел, отдаваясь своим страстям и прихотям, — и тот знал, что Игнатий популярен в массах народа. Никита Пафлагонянин приписывает следующие слова Михаилу, сказанные им под шум винных паров: «Мой патриарх — это Феофил, [\[196\]](#) патриарх Варды — Фотий, патриарх верующих (т. е. простого народа. — **А. Л.**) — Игнатий». [\[197\]](#) Это значит, что как Фотий, человек в высшей степени ученый, друг просвещения, обладавший тонким политическим умом, был в большом почтении в высших слоях общества (например, у Варды), был любим образованным духовенством и учеными мужами, так, напротив, Игнатий был популярен в простом народе Византийского государства. Василий, сделавшись императором, захотел сделать нечто угодное народу, имея в виду через то привязать к себе массы, возводит на патриаршую кафедру Игнатия и низвергает с нее Фотия. Есть свидетельство, прямо подтверждающее, что Василий, поступая так, делал именно то, чего хотел народ. [\[198\]](#) Разумеется, для Василия Фотий притом же мог представляться человеком подозрительным, так

как симпатии Фотия, человека просвещенного, клонились не на сторону Василия, человека непросвещенного, а на сторону Михаила и Варды, которые, при всех их недостатках, высоко ценили в Фотии его ученость и образованность. Правда, этих лиц уже не было в живых, но император справедливо мог полагать, что у патриарха должно было остаться чувство сожаления о прошедшем, чувство, которое не могло быть приятно новому императору. Вообще для Василия Македонянина было очень выгодно показать, что при нем дела пойдут по-новому, что его всецело занимает мысль о переменах к лучшему... Были и другие побуждения, склонившие Василия к низвержению Фотия. Пока был на патриаршей кафедре Фотий, нельзя было думать о связях с западными государями. Папа был так враждебно настроен против Фотия, что, не помирившись с римским епископом, невозможно было завязывать каких-либо сношений с западными государями: влияние папы на этих последних тогда было уже значительно.^[199] Во всяком случае, несомненный факт, что Василий, тотчас по вступлении на престол, входит в близкие сношения с римским епископом, льстит его самолюбию, вообще, по каким бы то ни было соображениям, всеми мерами старается быть **В** ладах с Римом. Можно ли было бы думать о таких отношениях к папе, если бы Фотий оставался на кафедре восточной столицы? Если были у Василия свои расчеты — завести сношения с Западом и **Римом** в особенности, то ему необходимо было восстановить Игнатия и пожертвовать Фотием. Да и жертва эта представлялась неизбежной, если верно, что в это время в Византии были две политические партии, с которыми необходимо было считаться каждому императору. С этим мы приходим к разъяснению последнего из побуждений, руководивших

Василием Македонянином при устранении Фотия **от** патриаршества. Различают в это время в Византийском государстве две политические партии: императрицы Феодоры, матери Михаила, к которой **тяготел** Игнатий, и Варды, дяди Михаила, которая поддерживала Фотия и которой придерживался он **сам**. Полагают, что Василий Македонянин так успешно достиг императорской короны единственно потому, что ему много помогла в этом случае политическая партия Феодоры; а если это действительно **так**, то нет ничего загадочного в том, что он низвергает Фотия, который был неприятен партии Феодоры, и возводит на патриаршую кафедру Игнатия, который был близок для сейчас названной партии.^[200] Фотий в глазах Василия представлял обломок той партии, которая потеряла значение со смертью Варды и Михаила, обломок, который не мог идти в Дело при постройке нового политического здания.

Вскоре по восшествии на престол Василия Македонянина и возведении на патриаршую кафедру Игнатия между византийским гражданским и церковным правительством, с одной стороны, и римским папой, с другой, завязываются самые живые сношения. Этот факт сам по себе понятен, в особенности после тех разъяснений, какие представлены сейчас. Но никогда, быть может, эти сношения не принимали такого прискорбного характера, каким они отличаются в настоящем случае. И едва ли когда подобные сношения приводили к таким печальным последствиям, как на этот раз. Государство и Церковь, по-видимому, совсем забывают о тех преданиях, какие наследовала Византия от времен древних. Византийский император и византийский патриарх начинают теперь говорить таким угодливым языком с папой, каким, кажется, до рассматриваемой

эпохи еще никто не говорил из представителей византийского авторитета; они делают такие уступки папским притязаниям, пример которых и на Западе еще редко можно было встретить в это время. Знакомясь с событиями этого времени в истории Византии, историк прочитывает неприятные страницы, заставляющие глубоко сожалеть, что не стало Фотия на византийской патриаршей кафедре. Разве мыслимо было что-либо такое, когда кормилом Византийской Церкви управлял мудрый и проницательный кормчий — Фотий? Одно примиряет историка с событиями, о которых у нас идет речь, и смягчает тяжелое чувство, это — сознание, что случившееся есть явление мимолетное, не оставившее по себе глубокого следа, что хотя император действовал от лица государства, а патриарх во имя Церкви, но первому (императору) сочувствовало далеко не все государство, а второму (патриарху) воспротивилась лучшая и большая часть восточных иерархов, что, одним словом, затеи властных лиц, в сущности, остались не больше как затеями.

Но обращаемся к рассказу.

Прошло два месяца с тех пор, как случились такие знаменательные перемены в Византии — разумеется: вступление Василия на престол, заключение Фотия в монастырь, восстановление Игнатия на патриаршестве, — и вот открывается ряд событий еще более неожиданных и странных. Император и патриарх пишут письма к папе, которые, вероятно, немало удивили и этого последнего. Вот кратко содержание этих писем (нужно сказать, что письма адресованы на имя папы Николая, но пришлось их читать не Николаю, а его преемнику Адриану: Николай умер, о чем в Византии еще не знали). Император в черных красках изображает положение Византийской Церкви при его вступлении на престол, какое вступление, по словам автора письма, последовало по «молитвам папы». Затем

в письме говорилось: одну часть врачевания Церкви он (Василий) принял на себя и совершил, а другую он предоставляет папе. Сам он (Василий) счел себя обязанным удалить Фотия,^[201] прегрешившего против истины и Рима, и восстановить в Церкви законного пастыря (Игнатия), которому и по суждению самого папы оказана была несправедливость. Задача же деятельности папы должна заключаться, по рассуждению Василия, в том, чтобы подтвердить восстановление Игнатия и произвести суд над теми епископами, которые были посвящены Фотием или же держались его стороны, а таких епископов — не скрывает император — очень много.^[202] Чего так пламенно желал папа Николай, того дождался его преемник Адриан: патриарх Фотий с его приверженцами отдается на суд своему противнику и явному врагу. Письмо Игнатия к папе не менее замечательно. Главное содержание этого письма такое: Игнатий именует епископа Римского единственным врачом в Церкви, которому принадлежит исключительная власть, так как к папам относится то, что Христос сказал Петру: «ты еси Петр, и на сем камне созижду Церковь Мою»; к папам же, по толкованию автора письма, относятся и другие слова Христовы: «дам ти ключи царствия». Эти священные слова никак нельзя ограничивать — по суждению византийского патриарха — в их значении и практическом приложении главой апостолов, т. е. Петром, но следует распространить на всех иерархов древнего Рима, которые после Петра и по его примеру восседали на кафедре (*qui post illum secundum ipsum efficiendi erant*). «Поэтому с древних времен и доселе, как скоро возникают ереси и противозаконие, представители вашей апостольской кафедры приемлют на себя задачу искоренять и устранять эти плевелы и это зло и

отделять неисцелимо больные члены от остального тела, поступая так в качестве преемников главы апостолов и в качестве подражателей его ревности в вере Христовой. Так и в наше время твоя святость того, кто противозаконно присвоил себе не принадлежащее ему, кто похитил чужое достояние, кто, подобно вору, не в дверь, а в окно проник в овчарню (т. е. Фотия. — **А. Л.**), того твоя святость, папа, через мощное вмешательство твоей первосвященнической и апостольской власти, отсекала от общего тела Церкви, и подражая ревности главы апостолов, приговором твоих могущественных слов умертвила, как нового Ананию, и через отъятие духовной силы предала смерти, как второго Симона; а нас, претерпевших тяжкую несправедливость, ты, в силу твоей строгой справедливости и твоей братской любви, удостоил твоего праведного суда, возвратил нас нашей Церкви и нашей кафедре через твои ревностные усилия и через твои послания, исполненные апостольского полномочия». ^[203] Так писал Игнатий папе, как бы забыв о том значении, каким доселе пользовалась Византийская Церковь в сношениях с притязательным римским епископом.

Ближайшая цель сношений Василия Македонянина и Игнатия с папой состояла в том, чтобы испросить у Рима легатов, которые по прибытии в Константинополь приняли бы участие в последующем соборе, утвердили бы Игнатия на кафедре и осудили бы Фотия и фотиан. Все это требовалось совершить во имя папского авторитета и будто бы вследствие желания самой Византийской Церкви.

Долго пришлось императору и патриарху ждать желанных гостей — папских легатов. В Риме медлили частью из кичливости, частью потому, что папа захотел сначала созвать и созвал торжественный собор для

заочного суда и строгого приговора над Фотием. Только уже в 869 году папа Адриан послал своих легатов в Константинополь. Такими легатами были два епископа — Донат и Стефан — и диакон Марин. В конце сентября легаты приблизились к цели путешествия; они достигли Фессалоники. Когда император узнал об этом, он выслал им навстречу своего чиновника — спафария^[204] Евстахия, чтобы приветствовать гостей и сопровождать их в дальнейшем путешествии. Когда они достигли Селимврии, местности в нескольких верстах к западу от Константинополя, то для новой встречи их император выслал протоспафария Сисиния и игумена Феогноста, того самого, который долго жил в Риме и хлопотал перед папой по делу Игнатия. При этом отправлено было для легатов 40 лошадей из императорской конюшни, много серебряной утвари для обеденного стола, большое количество прислуги. Затем последовал торжественный въезд легатов в восточную столицу: можно было подумать, что приехал сам папа Адриан. В субботу 24 сентября легаты прибыли в Стронгил (круглую крепость) против западных ворот Константинополя; здесь они переночевали, а на следующий день, в воскресенье, совершили парадный въезд в Константинополь; их сопровождали с большой пышностью придворные чиновники, клир, народ до самого Магнаврского дворца, где легаты должны были поселиться. В понедельник был день рождения императора, а потому легаты приняты были императором во вторник, во дворце, называемом Хризотриклиний; они должны были вручить ему папское послание. При приеме Василий облобызал их, дружественно справился у них о здоровье папы, о состоянии римского клира и сената, снова облобызал их и проводил их к патриарху Игнатию, которому они тоже должны были передать письмо от папы. На следующий

день император снова почтил их аудиенцией, причем говорил им, что он будет счастлив, когда легаты исполнят свою задачу — устранят нестроения в Церкви Константинопольской и уничтожат соблазн, созданный Фотием и его приверженцами. Легаты отвечали, что они за этим именно и прибыли в Константинополь, и прибавили, что они никого из восточных епископов не допустят до участия на собор, прежде чем каждый из них не подпишет папской формулы (*libellus satisfactionis*), принесенной ими, легатами, из Рима. На это император и присутствовавший при этом Игнатий заметили: это что-то новое, небывалое, следует наперед познакомиться нам с документом.^[205] Документ тотчас же был переведен на греческий язык, и содержание его стало известно епископам. Затем начались приготовления к собору, назначен был и день его открытия. Лица, которые должны были присутствовать на соборе в качестве уполномоченных от некоторых восточных патриархов, давно уже находились в столице.

Прежде чем перейдем к истории собора, сделаем несколько замечаний об актах^[206] этого собора. Подлинный греческий текст актов собора не сохранился до нашего времени. Мы имеем лишь подробные латинские акты этого собора, изготовленные латинским священником Анастасием Библиотекарем, который сам был в Константинополе во время соборных заседаний, находился в близких отношениях к легатам. Свой латинский текст он выдает за точный перевод греческого подлинника, а в греческом тексте сохранились до нас только извлечения из подлинных актов. Этот последний труд сделан каким-то неизвестным греком, приверженцем Игнатия, вероятно в начале X в. При изложении истории собора мы будем

пользоваться и латинским переводом актов, и греческим извлечением из них. [\[207\]](#)

Собор открыт был 5 октября 869 года, в среду; местом соборных заседаний был знаменитый храм Св. Софии в Константинополе, именно та часть его, которая назначалась для стояния в храме женщин, составляла верхние галереи храма и называлась катехумениями. [\[208\]](#) Среди присутствующих на соборе для большей торжественности, по примеру прежних соборов, возложены были честный крест и Св. Четвероевангелие. На первом заседании собора присутствовали три папских легата: Донат, еп. Остийский, Стефан, еп. Непийский, диакон Марин, далее — патриарх Игнатий, митрополит Фома Тирский, в качестве местоблюстителя антиохийского патриарха, пресвитер и синкелл Илия, в качестве местоблюстителя патриарха Иерусалимского; двенадцать высших императорских сановников. Из епископов Византийского государства участниками этого заседания собора были двенадцать лиц, именно те, которые показывали неизменную привязанность к Игнатию, так что они не имели общения с патриархом фотием во время его управления Церковью, и которые без затруднения подписали папскую формулу, привезенную из Рима легатами (об этой формуле упомянуто было и подробнее будет сказано ниже). Во главе этих архиереев стоял Митрофан, митрополит Смирнский, горячий приверженец Игнатия и недруг Фотия. Когда все заняли свои места, собор начал свою деятельность. [\[209\]](#)

Спрашивается, открывался ли когда-либо сколько-нибудь важный собор с таким ничтожным количеством членов, как открывается этот собор? Если исключить руководителей собора и представителей императорского авторитета, то собор начинает свои деяния при участии 12 епископов. И, однако, такой

странный собор дерзает называть себя восьмым Вселенским собором.^[210] Какое противоречие между громадными притязаниями собора и крайней малочисленностью его участников! Восточная Церковь свято блюла свои драгоценные заветы...

Прежде всего на первом заседании была прочитана речь (эпанагностик) императора. Она коротка и не богата содержанием. Василий в ней говорил: «Провидение вручило нам императорскую власть, и мы сочли долгом ради общественного блага устранить церковные нестроения. С этой целью мы пригласили местоблюстителей патриарших кафедр». Затем император увещевает членов собора при выполнении своей задачи отложить все человеческие страсти, подавить в себе всякое пристрастие и действовать во имя любви к истине. Речь императора можно было бы признать вполне уместной, если бы она в самом деле предоставляла собору свободу действий; но она представляется пустой риторикой, когда собор собрался исключительно за тем, чтобы подвергнуть Фотия и его приверженцев осуждению. После этого наиболее влиятельный из числа императорских сановников Ваанис обратился от лица епископов и сената (т. е. прочих сановников, бывших на соборе) к легатам и представителям восточных патриархов с требованием, чтобы те и другие представили доказательства своих полномочий, какими они снабжены от тех кафедр, от имени которых они заседают на соборе. Это совершенно справедливое требование привело в смущение и беспокойство римских легатов. Им показалось, что хотят посягнуть на авторитет самого папы. Очевидно, легаты были слишком высокого мнения о своем значении; они заговорили, что ни на каком соборе ничего такого не бывало, что папские легаты не имеют нужды

удовлетворять подобным формальностям. Ввиду этого Ваанис должен был для успокоения легатов объявить им, что требование имеет в виду лишь предотвратить обман, какой будто бы позволили себе легаты, бывшие на соборе 861 года. Тогда легаты предъявили письмо папы Адриана к императору, которое и было прочтено на соборе. По прочтении этого письма Игнатий и прочие члены собора воскликнули: «Благословен Бог, успокоивший нас относительно вашего (легаты. — **А. Л.**) святейшества».

Полномочия легатов — дело несомненное. Но нельзя того же сказать о полномочиях местоблюстителей со стороны восточных патриархов. Как мы сейчас увидим, здесь дело было не совсем чисто. Когда было потребовано на соборе, чтобы местоблюстители антиохийского и иерусалимского патриархов (местоблюстителя александрийского патриарха в начале собора совсем не было) доказали свои полномочия, то синкелл Илия отвечал на это требование речью. Он говорил, что как он сам, так и митрополит Тирский Фома хорошо известны императору и большей части присутствовавших. Затем заявлял, что митрополит Фома, по случаю вакантности антиохийской кафедры, временно исполняет обязанности патриарха и потому служит сам для себя (!) авторитетом и не нуждается ни в каком полномочии со стороны; при этом Илия заметил, что он говорит за Фому потому, что этот последний несвободно говорит по-гречески. Относительно себя же лично Илия сказал: он имеет полномочие со стороны патриарха Иерусалимского Феодосия, удостоверительное письмо Феодосия он сообщил уже Игнатию и другим лицам; но он согласен, чтобы письмо это было прочитано ради тех, кто не знает его содержания. Наконец тот же Илия заявил, что он может предложить для прочтения и еще один документ, именно ту записку, какую он составил от

своего лица и от лица Фомы по следующему случаю: они оба долго уже пробыли в Константинополе и просили было императора позволить им возвратиться в отечество; император согласился было на это под условием, чтобы они составили записку, в которой было бы выражено их мнение по поводу нестроений в Церкви, возникших из-за Фотия. Эту записку они составили, и Илия предложил ее прочитать на соборе.

Остановимся на минуту и спросим: достаточны ли были полномочия, какими обладал митрополит Фома, местоблюститель антиохийского престола, так как, кроме заявления Илии о нем, что он исполняет обязанности патриарха, никаких грамот и писем не было предъявлено на соборе? Собор нашел, что полномочия Фомы достаточно удостоверены. Но так ли это? Илия в своей речи говорит о Фоме, что он сам от себя получил свои полномочия (*cum ipse auctoritatem haberet*); но нужно помнить, что «никто же сам себе приемлет честь...» Лицо, само от себя заимствующее свои полномочия, как митрополит Фома, называется не иначе как **самозванцем**. Фома должен был иметь грамоту от своего синода или собора антиохийских епископов, если он имел в виду присутствовать на соборе Константинопольском в качестве действительного уполномоченного от Антиохийского патриархата.

Рассмотрим полномочия Илии Иерусалимского. Для доказательства своего авторитета Илия представил письмо патриарха Иерусалимского к Игнатию, которое и было прочтено на соборе. Вот в кратких словах содержание этого письма: патриарх Иерусалимский пишет, что он получил от Игнатия письмо, в котором этот последний уведомлен о своем вторичном восшествии на патриаршую кафедру; по этому случаю Феодосий изъявляет свою радость и высказывает сожаление о нестроениях в Церкви Византийской; затем

очень ясно указывает, в чем заключается ближайшая цель отправления в Константинополь как Илии, так и Фомы Тирского: они отправлены в Константинополь по приказанию эмира Ахмеда затем, чтобы испросить у императора возвращения на родину пленных сарацин; в заключение письма исчисляются подарки, какие посылает **Феодосий** Игнатию; такими подарками были митра, **омофор** и богослужебная одежда, принадлежавшие, по преданию, апостолу Иакову, первому иерусалимскому епископу, а также серебряная чаша с изображениями из ризницы храма Воскресения Господня.

Члены собора и это доказательство полномочий Илии признали вполне достаточным. Но с этим согласиться нельзя. Так как Илия присутствовал на соборе при разбирательстве дела Фотия, то он должен был иметь ясно выраженное по этому поводу мнение Иерусалимской Церкви, а этого нет в письме Феодосия. Без точных же инструкций от представителей своей Церкви Илия не мог подавать голос на соборе. Да из письма и не видно, чтобы Илия назначался местоблюстителем патриарха именно на соборе; если в письме и говорится, что он должен заступать лицо патриарха при решении вопросов (неизвестно каких), то из этого не следует, что он назначался быть членом Вселенского собора, каким считало себя собрание епископов 869 года. Вообще видно, что Феодосий хотя и написал письмо к Игнатию, так как сделать это было необходимо, но поставил себя в стороне от бурных вопросов, волновавших Константинополь. Из письма Феодосия с очевидностью вытекает одно, именно что как Илия, так и Фома посланы в столицу с очень ограниченным и не церковным поручением — добиться освобождения сарацинских пленных. Уполномоченными местоблюстителями двух патриарших кафедр, с правом заседания с этим титулом на соборе, Илия и Фома сами

себя сделали вследствие решительного приказанья на этот счет со стороны императора Василия. [\[211\]](#)

После описанных предварительных действий, имевших место на первом заседании, собор перешел к более существенным сторонам своей деятельности. Легаты первее всего поручают прочесть ту формулу единения, которую они привезли с собой из Рима и которую должны были подписать не только члены собора, но и все епископы и священники, приверженцы Игнатия. Прочтена была эта формула и, по-видимому, не возбудила никаких сомнений, хотя она заключала немало удивительного. Вот ее содержание, как она читается в латинской редакции. «Начало всякого спасения состоит в том, чтобы сохранять правила веры и не уклоняться от отеческих постановлений: первое относится к вере, второе к делам. Нельзя при этом умолчать о словах Господа: «ты еси камень и на сем камне созижду Церковь Мою», [\[212\]](#) истинность которых засвидетельствовал опыт, потому что апостольская кафедра (т. е. римская. — **А. Л.**) всегда непогрешимо соблюдала католическую веру. Итак, чтобы не отделяться от нее и следовать правилам отцов, особенно же восседавших на ней, мы анафематствуем все ереси и между ними иконоборческую; анафематствуем также Фотия, который, вопреки священным канонам, вдруг из придворного служения и мирского лагеря был возведен, при жизни Игнатия, на престол Константинопольской Церкви хищническим образом некоторыми схизматиками (анафематствуем), пока он не покорится суду римскому и не отвергнет своего соборща (т. е. собора 861 года). Мы последуем бывшему при блаженной памяти папе Николае собору (против Фотия. — **А. Л.**); принимаем всех, кого этот собор принял, и осуждаем тех, которых он осудил, в особенности же Фотия и Григория Сиракузского,

отцеубийц, восставших против своего духовного отца, а также их последователей и их сообщников. **Мы** анафематствуем на все времена ложные соборы, бывшие при императоре Михаиле — дважды против блаженного Игнатия (858 и 861 г.) и однажды против первоверховного апостольского престола (867 г.), и осуждаем всех тех, кто держится их. От всего сердца мы принимаем все постановленное апостольской кафедрой касательно патриарха Игнатия и его приверженцев, желая во всем соблюсти общение с ней, потому что на ней основана твердость веры христианской, и обещая не поминать на литургии отлученных ею». Под этой формулой требовалось сделать собственноручную подпись, и каждый экземпляр такой подписки следовало вручить легатам для представления папе Адриану. Формула заключала в себе два особенно соблазнительных требования: она предписывала почитать папу как главу Церкви и требовала осуждения Фотия без соборного суда над ним, а лишь во имя папского авторитета.^[213] Тяжко было слушать такие речи для истинных сынов Восточной Церкви.

В этой формуле, как мы сейчас сказали, заключалось осуждение Фотия. Положим, папа мнил о себе очень высоко, но все же одного его голоса было мало для соборного определения на этот счет. Нужно было о восточном патриархе иметь ясно выраженное суждение восточных патриархов. Но так как такого суждения в наличности не было, то хотели удовольствоваться хотя бы слабым подобием его. Именно теперь сочли уместным и полезным прочесть на соборе ту записку, которую изготовили, согласно желанию императора Василия, синкелл Илия и митрополит Фома; лучше что-нибудь, чем совсем ничего, — рассуждали, должно думать, заправители

собора. Записка эта состояла из шести положений, заключающих мысли вроде тех, какие находились в папской формуле: составители записки выражали свое согласие с определениями папы Николая относительно Игнатия и Фотия; заявляли, что они принимают восстановление Игнатия на патриаршей кафедре; находили возможным сделать снисхождение тем лицам духовным, которые переходили со стороны Фотия на сторону Игнатия, и не лишать их принадлежащих им должностей; но это относилось собственно к тем, кто были посвящены не Фотием, а его предшественниками Мефодием и Игнатием. Сам Фотий, говорилось в записке, навсегда лишается священного сана и не может получать евхаристии наряду с мирянами, если не подчинится воле папы; то же и с Григорием Сиракузским. Все посвященные фотием епископы и клирики лишаются своих должностей, как постановил папа. Такова записка Илии и Фомы.^[214] Все члены заседания выразили свое полное одобрение по поводу прочитанной записки.

Таким образом, оказывалось, что Фотий осужден прежде, чем он был призван на суд. Выходило что-то неладное, нарушающее справедливость и закон. Чтобы устранить возможность такого впечатления, Ваанис вступает в объяснение с легатами и местоблюстителями восточных патриархов, которые должны были придать вид правоты осуждению без суда. Очевидно, эти объяснения есть не что иное, как заученный урок, который повторяют и Ваанис, и прочие лица собора: не нужно много проницательности, чтобы убедиться, что все это заранее условлено, а теперь только публично проделывается то, что наперед решено было. Ваанис спрашивает легатов: каким образом в Риме могли осудить Фотия, когда он там не был и никто его там не видал и не выслушал? В ответ на

это легаты начали рассказывать главнейшие факты из истории Фотия и пришли к тому заключению, что Николай осудил Фотия, руководствуясь собственными письмами Фотия к папе и принимая во внимание объяснения лиц, каких этот патриарх посылал к папе в своих интересах. Объяснения эти, как очевидно для каждого, нисколько не устраняют того вопроса, каким они вызваны, но на соборе мало об этом заботились; собор нашел, что легаты дали удовлетворительный ответ на вопрос. Затем тот же Ваанис с таким же вопросом обращается к местоблюстителям восточных патриархов. Он спрашивает: «Вы так долго пробыли в Константинополе и имели возможность допросить Фотия об его деле, и однако же, произносите суд над ним, не исследовав дела? » На это отвечал Илия речью, в которой главным образом упирал на то, что противозаконность возведения Фотия в патриархи есть несомненный факт, почему будто бы восточные патриархи никогда не признавали его истинным патриархом, а почитали настоящим, действительным патриархом одного только Игнатия. Собор удовлетворился таким голословным заверением.^[215] Вообще, собор остался доволен последними разъяснениями легатов и Илии Иерусалимского. Так как время уже склонялось к вечеру, то заседание было закончено. В заключение диакон и нотариус Стефан провозгласили различные многолетия: «Многая лета императорам Василию и Константину (сыну первого. — **А. Л.**)! Многая лета благочестивой императрице Евдокии! Низложителям неправды многая лета! Врагам лжи многая лета! Любителям истины и справедливости многая лета! Римскому папе Николаю вечная память! Папе Адриану, патриарху Игнатию, трем восточным патриархам многая лета! Православному сенату многая

лета! Святому и Вселенскому собору (т. е. этому самому собору· — А. Л.) вечная память!»^[216]

Второе заседание собора происходило 7 октября. Присутствовали на нем те же лица, что и на первом. Следовательно, оно тоже было малочисленно. На нем происходит воссоединение с Игнатием некоторых епископов и клириков, бывших в общении с фотием, хотя они были посвящены не Фотием, а Мефодием и Игнатием. Одним из условий такого воссоединения было принятие указанной выше папской формулы. Хартофилакс Павел^[217] объявил собору, что некоторые из епископов, посвященных Мефодием и Игнатием, но входивших в общение с фотием, просят позволения явиться на собор. Собор дал согласие. Один из таких епископов Феодор Карийский (или Лаодикийский) от лица своего и прочих епископов, желавших воссоединения с Игнатием, представил записку, в которой, как само по себе понятно, было наговорено много порицаний Фотию и похвал Игнатию и папе Николаю. Чтобы объяснить, почему они отступились от Игнатия и перешли на сторону Фотия, они рассказывали разные ужасы о гонениях, какие будто бы они претерпели со стороны фотиан и их приверженцев. Многие из них будто бы подвергнуты были бичеванию, претерпевали голод и жажду, осуждены были на работы в каменоломнях, им наносили раны мечом, как будто бы они не были живыми людьми и священниками, а мертвыми трупами; по их рассказу, держали их в цепях и в пищу вместо хлеба давали сено. Все эти жалобы собор принимал без всякой проверки. Челобитчики говорили, что вся их надежда на Бога, на молитвы Пресвятой Девы, свв. апостолов, св. папу Николая и на заступление епископа Игнатия и легатов. В заключение они обещали не иметь ни малейшего общения с Фотием и его приверженцами и изъявляли

желание понести наказание, какое наложит на них Игнатий. Римские легаты от лица собора выразили согласие на принятие раскаявшихся епископов в церковное общение, но прежде потребовали, чтобы они подписали папскую формулу, что они и исполнили. Таких раскаявшихся епископов было 10. Они были восстановлены в их сане и сделались членами собора. Для большей торжественности этого воссоединения епископов с Игнатием вышеупомянутая записка, в которой заключалось отречение от Фотия, была положена под крест и Четвероевангелие, откуда она затем была взята и подана Игнатию, после чего патриарх возложил на каждого епископа омофор. Возлагая омофор на Феодора Карийского, Игнатий сказал словами Евангелия: «Вот ты выздоровел, не греши же, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5, 14). В ответ Феодор заверил патриарха в своей неизменной к нему преданности. На это Игнатий заметил, что он поступает с покаявшимися, как милосердный отец, последуя в этом случае примеру Римской Церкви и восточных патриархов, так как они выражают снисхождение к тем, кто, отступаясь от Фотия, возвращается к своему законному патриарху. Некоторые из воссоединившихся епископов еще раз восхвалили милосердие Игнатия. После епископов по порядку приходили с покаянной головой несколько пресвитеров, а потом и низших клириков; все они принадлежали к лицам дофотианского посвящения, но считались виновными в том, что были в общении с Фотием. Таких пресвитеров явилось на собор 11, диаконов 9 и иподиаконов 6. Они все просили прощения у собора и согласились подписать известную римскую формулу, после чего они были восстановлены в своих церковных должностях. Восстановление это произошло так: на каждого из пресвитеров и диаконов патриарх

возлагал богослужбное их отличие — **орарь**.^[218] Затем объявлена была та епитимья, какая возложена была на всех вышеисчисленных епископов и прочих духовных лиц, изъявивших раскаяние. Епитимья эта заключалась в следующем: те из них, которые употребляют мясо, должны воздерживаться от мяса, сыра и яиц; те, которые не употребляют мяса, должны воздерживаться от сыра, яиц и рыбы, довольствуясь по средам и пятницам плодами и овощами с маслом и малым количеством вина; все они должны были делать ежедневно по 50 земных поклонов, ежедневно же по сто раз повторять «Господи, помилуй», «Господи, прости меня, грешника» и прочитывать каждый день следующие псалмы: 6, 37 и 50. Епитимья должна была длиться от времени этого заседания собора (7 октября) до дня Рождества Христова; до этого праздника все лица, подвергшиеся вышеуказанной епитимье, не имели права совершать богослужения. Эту епитимью можно было бы назвать очень легкой, имеющей лишь формальное значение, если бы те же лица не принесли вместе с тем великой жертвы через свое согласие на подписание унижительной для сынов Восточной Церкви известной папской формулы. Тем, что сейчас нами рассказано, и ограничилась деятельность второго заседания ^[219] собора.

Известный биограф патриарха Игнатия Никита Пафлагонянин ^[220] выражает недовольство против этого собора за то, что он на втором заседании так снисходительно отнесся к епископам, хотя и не посвященным от Фотия, но имевшим с ним общение. Никита находит, что этих епископов (согласно 31 правилу апостольскому) следовало навсегда лишиться сана, а так как они прощены, приняты в число членов собора, то они-то впоследствии и содействовали восстановлению Фотия на патриаршестве, т. е., с точки

зрения Никиты, сделались источником зла и противозаконных действий в Церкви. Этот писатель готов допускать, что землетрясения и ураганы, которые случились перед временем созвания собора и в течение его деятельности, служили выражением гнева Божия на уступчивость собора и предзнаменованием будущих бурь церковных. Но пылкий игдатианин — Никита не хочет рассудить того: возможен ли был бы самый собор, если бы руководители его очень строго относились к епископам дофотианского посвящения, вошедшим в общение с Фотием? Бели при снисходительности членов собора заседания его поражают взор малочисленностью участников в нем, то что было бы, если бы руководители собора стали поступать с епископами по правилам строгости, рекомендуемым Никитой? Если собор этот, как скажем ниже, даже прерывался ввиду крайней малочисленности участников в нем, то, в случае применения требований, заявляемых Никитой, собор должен был бы совсем прекратить деятельность и закрыться. Мнимый Вселенский собор, как показывают первые заседания его, блистал почти полным отсутствием восточных епископов.

Третье заседание [\[221\]](#) собора представляет мало интересного. Оно ясно дает понять о том, с каким трудом его руководителям приходилось вербовать новых членов собора. Оно происходило 11 октября и состояло из 23 епископов, не считая руководителей собора. Делается попытка привлечь к участию в соборе двух архиереев дофотианского посвящения, имевших, однако, общение с Фотием во время его патриаршества, именно Феодула Анкирского и Никифора Никейского; но попытка эта не имела успеха. Легаты заявили на соборе, что некоторые епископы дофотианского посвящения находятся в заблуждении касательно кротости и снисхождения св. Церкви и только поэтому

не подписывают папской (известной) формулы. Легаты, говоря так, главным образом имели в виду вышеупомянутых епископов Феодула и Никифора. Собор отправил к этим епископам депутацию из трех лиц с предложением от лица собора — подписать папскую формулу. Но эти епископы, на которых, по-видимому, члены собора возлагали какие-то надежды, дали ответ отрицательный, выразив его в уклончивой форме. Они сказали депутатам, что дали обет не делать никаких подписок под грамотами, касающимися веры, так как в последнее время им приходилось подписывать такие грамоты, которые можно одобрять, но также и такие, которые нельзя одобрить (трудно сказать, о чем тут говорят эти епископы: не простой ли это предлог отделаться от неприятного предложения собора?). «И кроме того, мы находим, — заявляли они, — что достаточно той нашей подписи под символом, какая сделана нами при посвящении и которую можно отыскать в патриаршем архиве». После этого ответа собор оставил их в покое. Затем оказалось, что при тех условиях, в каких находился собор, ему почти нечего делать. Ввиду этого остальное время третьего заседания посвящается чтению таких документов, которые и без того, вероятно, были известны участникам собора. Разумею письма императора Василия и Игнатия к папе (те самые письма, которые изложены были нами прежде)^[222] и письмо папы Адриана к Игнатию от 10 июня 869 года, в котором заключается осуждение Фотия и его приверженцев и выражаются некоторые требования от греческих епископов. Это последнее письмо собор признал «каноническим» и исполненным справедливости. Тем и закончилось заседание.

Четвертое заседание собора гораздо интереснее. Оно происходило 13 октября и состояло из того же

числа епископов, как и предыдущее, т. е. было очень немногочисленно по количеству членов. На этом заседании происходит первое столкновение между членами собора и приверженцами Фотия из числа епископов. Собору пришлось узнать горькую для него истину — именно приверженцы Фотия были тверды, стойки, одушевлены духом независимости и ни в чем не хотели поступаться в пользу требований собора, которые они не считали законными. Положение собора было незавидное. Папские громы ничуть не страшили сторонников Фотия, крепко стоявших за независимость Восточной Церкви от римского первосвященника. Заседание открылось следующим заявлением патрикия Вааниса: два епископа, посвященные Мефодием, но потом перешедшие на сторону Фотия, когда он провозглашен был патриархом, Феофил и Захария, были в составе посольства, отправлявшегося в Рим из Константинополя для уведомления папы Николая о поставлении нового патриарха в восточной столице, — они, эти епископы, утверждали и утверждают, что папа Николай принял в общение с собой Фотия и признал его патриархом, — говорил Ваанис. Это обстоятельство приводит в смущение народ (т. е. народ недоумевает: каким образом могло случиться, что раз признанный папой Фотий потом вдруг низвергается, как незаконный патриарх, отвергаемый Римом?). Почему Ваанис и предложил собору — призвать упомянутых двух епископов и доказать им, что разглашаемые ими сведения лишены справедливости. Легаты и местоблюстители восточных патриархов не желали приглашать на собор ни Фотия, ни его сторонников: им казалось, что дело их однажды и навсегда решено в Риме и что собору нет нужды вызывать их и рассуждать с ними. Поэтому легаты не дали прямого позволения — пригласить Феофила и Захарию на собор, и удовольствовались тем, что была послана к ним

депутация от лица собора, состоявшая исключительно из мирян и низших клириков (знак, что собор уже не считал этих епископов действительными епископами) — с целью разузнать об их взглядах на собор и на главу их партии — Фотия, для чего депутация должна была предложить им вопросы: от кого получили они епископское посвящение и с кем имеют общение, как своим патриархом? Депутация исполнила волю собора. Ответ спрашиваемых епископов был очень короткий, но красноречив; они дали знать, что Игнатия они не считают своим патриархом, сказав: мы посвящены Мефодием и находимся в общении с Фотием. Ответ этот был доведен до сведения собора и, конечно, не был приятен ему. Члены собора воскликнули: «В таком случае пусть и они разделяют жребий Фотия!»; какой это жребий — понятно само собой. Легаты, по-видимому, предполагали, что теперь вопрос о призыве фотиан на собор совсем окончен. Но оказалось не так. Патрикий Ваанис держит речь, в которой старается доказать, что дело невозможное, чтобы Фотий и фотиане были окончательно осуждены, не имея случая самолично выслушать от собора, чего именно требует и желает от них этот последний. Ваанис говорил: «Фотий и его приверженцы должны быть вызваны на собор, — они должны выслушать обвинения против них и должны быть обличены на основании канонов; если осудить их, не вызывая на собор, тогда они будут разглашать: «Мы требуем справедливости, мы хотим сами слышать наше осуждение; какой суд молсет быть без выслушивания обвиненных?» Нельзя думать, — говорил Ваанис, — чтобы суд заочный был делом справедливым: пусть они больны — не спорим, но в таком случае исцелите их; но каким образом вы исцелите их совесть, если они не будут призваны сюда?» Ваанис в своей речи доходит даже до угроз; он говорит: «Мы обязаны, подобно прочим членам собора, подписывать каждое деяние его,

но мы отказываемся сделать это, если они будут осуждены, не будучи вызваны для суда». Нужно сказать, что Ваанис, говоривший от лица прочих императорских сановников, присутствовавших на соборе, в своих заявлениях стоял на твердой канонической почве; для церковных судов имело полную обязательную силу известное юридическое правило: отсутствующего не судят.^[223] Но все-таки нам кажется, что таким высоким тоном Ваанис говорил не по своей мысли, а по приказу верховной власти. Из позднейших деяний этого же собора ясно открывается, что такова именно была точка зрения Василия Македонянина. Быть может, правительство стало на эту точку зрения не тотчас; но раз оно пришло к этой мысли, оно сочло долгом отстаивать ее. В этом отчасти убеждает нас и речь, которую вслед за Ваанисом произносит Митрофан Смирнский, ревностный игнатианин; он, без сомнения, стоял на стороне Рима и желал строгого и беспощадного суда над Фотием и фотианами. И тем не менее в ответной речи Ваанису в значительной мере поддерживает требование этого последнего. Партия игнатиан восторжествовала благодаря лишь поддержке императора Василия; это лучше других знал Митрофан и счел долгом высказаться в пользу предложения Вааниса, понимая, что этим он делает угодное императору. Митрофан, без сомнения, имел сведения, что сказанное Ваанисом составляет волю самого императора. Митрофан начинает свою речь лестным для самолюбия легатов заявлением, что члены собора почитают их, «как пророков» (Ваанис в своей неприятной для легатов речи тоже не счел удобным обойтись без некоего льстивого замечания по адресу легатов и сказал, что их, легатов, приняли в Византии, как свв. апостолов), и далеки от того, чтобы показывать к ним пренебрежение; но,

прибавил он, однако, предложение Вааниса справедливо и заслуживает одобрения, — нужно спросить Фотия и фотиан, признают ли они легатов своими судьями, принимают ли они собор, как действительный собор; пусть будет открыт им случай к защите самих себя, и, во всяком случае, их нужно судить не заочно, а в их присутствии. Легаты, по-видимому, совсем не были приготовлены к такому обороту дел. Они полагали, что задача их деятельности будет очень коротка, но исполнена значения. К смущению легатов, теперь в ответ Ваанису и Митрофану весь собор начал возглашать: «Определяем, чтобы подлежащие суду были вызваны на собор и чтобы суд был в их присутствии, им должно быть дано право защиты».^[224] Легаты попробовали было защищать свое мнение, но скоро должны были уступить. Они увидели, что они со своим протестом против Вааниса и Митрофана остаются одиноки. Легаты задали такой вопрос: «Да разве суждение папы этим епископам (т. е. Фотию и его сторонникам) неизвестно?» Ваанис отвечал: «Они не слышали собственными ушами осуждения в Риме, потому что они не были там». Легаты не сразу сдались и после этого замечания. Они стали бояться того, чтобы не вздумали пересматривать на соборе определений папы Николая. В Риме уже начало утверждаться убеждение, что раз произнесенное папой суждение не может быть никем отменено (*Roma locuta res decisa*). В настоящем случае встретились и столкнулись два воззрения: римское, что папа и его решения не подлежат пересмотру, и восточное, что собор (и в особенности Вселенский) выше определений и решений отдельных патриархов. Под влиянием своего римского мнения легаты говорили: «Мы не можем уничтожать приговора, произнесенного в Риме, это было бы противно канонам» (каким это? — **А. Л.**). Затем

они сказали, что со стороны фотиан были посылаемы депутаты в Рим с целью достигнуть признания папой Фотия в достоинстве Патриарха, и, значит, они знали об осуждении Фотия и его приверженцев. Но однако же вслед за этим легаты заметно стали уступать. Последнее возражение папских легатов заключалось в следующем: фотиане хотят увернуться, весь мир, Восток, Запад и Церковь Константинопольская знают, что Постановлено против них, они одни будто не знают этого. И разве мало прошло времени после собора 863 года, когда произошло их осуждение в Риме, — а они будто бы не знают этого? Это одна пустая отговорка, они хотят избежать суда — говорили легаты. Легаты странным образом воображали, что будто им внушают мысль, что фотиане в самом деле ничего не слыхали о проклятиях, которыми их щедро осыпал Рим. Чтобы поставить вопрос на более правильный путь, императорские сановники сделали еще одно замечание, после которого легаты окончательно уступили: «Фотиане, — сказали сановники, — вовсе не думают избегать суда; если бы они хотели этого, то они имели возможность самым делом обратиться в бегство; но они остаются на месте и хотят лишь того, чтобы все, что они слышали о папском суде, получило для них полную достоверность, а для этого им нужно явиться на собор». Только теперь легаты объявили: «Пусть они явятся на собор и станут на самом последнем месте» (т. е. наряду с мирянами. — **А. Л.**). «Как прикажете, так и будет, — сказали сановники (как будто бы, в самом деле, на это была собственная воля легатов. — **А. Л.**). Но мы просим, чтобы вместе с Фотием вызваны были, по крайней мере, три или четыре его приверженца, получившие от него посвящение, и пусть они, подобно мирянам, станут позади нас». Легаты не противились, позволив вызвать трех приверженцев Фотия. Но сановники почему-то заявили, чтобы таких приверженцев Фотия было

вызвано не менее пяти. Легаты и против этого не стали спорить, ограничившись замечанием, что фотиане вызываются на собор под условием не спорить, а довольствоваться слушанием чтения писем папы Николая.

Отправлена была к фотианам депутация с приглашением явиться на собор, но большинства их не оказалось дома.^[225] Застали дома только двух фотиан — ских епископов, о которых шла речь выше — Феофила и Захарию. Впрочем, на них обращено было особенное внимание собора, так как они настойчиво утверждали, что, будучи в Риме, они находились в общении с папой Николаем и что последний признавал в то время Фотия патриархом. По словам императорских сановников, бывших на соборе, на основании сведений, ревностно разглашаемых Феофилом и Захарией, в византийском народе слышались такие толки: если папа принял в общение с собой этих двух фотианских епископов, то, значит, он признавал и Фотия патриархом и имел общение с ним; пусть папа хоть на один день признал Фотия патриархом, и этого достаточно, чтобы утверждать, что утверждают Феофил и Захария. Ввиду такого значения личностей Феофила и Захарии в споре Игнатиан и фотиан нужно было постараться собору доказать обратное тому, что они утверждали. Легаты, выслушав сейчас указанное заявление сановников относительно Феофила и Захарии, заметили: «Не может быть, чтобы папа Николай признавал Фотия патриархом ни на один день, ни на один час». Этим замечанием легатов воспользовались садовники и сказали: «Пусть же войдут на собор Феофил и Захария, и допросим их: на каком основании они распространяют свои толки? » Но легатам отнюдь не хотелось вступать в какие-либо словопрения с этими фотианскими епископами; они

боялись, что таким образом будет унижен и оскорблен папский авторитет. Они соглашались только на то, чтобы эти фотиане от лица собора выслушали определение, положенное касательно них папой. Но сановники не хотели удовлетвориться этим, они требовали, чтобы Феофил и Захария настоящим образом были выслушаны по тому вопросу, какой поднят был этими приверженцами Фотия. Мало этого: императорские сановники пошли далее в своих желаниях. Они говорили, что Феофил и Захария — епископы, посвященные не Фотием, а Мефодием и Игнатием, но подобных епископов папа позволил прощать в случае раскаяния их; поэтому сановники полагали, что этим епископам должна быть открыта возможность принести покаяние. На это легаты заметили: «Можно ли думать о раскаянии таких епископов, которые только что объявляли, что они имеют общение с Фотием?» Но сановники не отказывались от своего мнения и говорили, что даже между членами собора есть такие епископы, которые до последнего времени держались стороны Фотия. И на последовавшее затем замечание легатов, что эти последние епископы подписали папскую формулу, сановники отвечали: «Но ведь Феофил и Захария ничего не слыхали о папской формуле; а если узнают ее, то, быть может, и примут ее, прения могут принести пользу; возьмем в пример самого Иисуса Христа, который с таким тщанием печется о том, чтобы утвердить в вере неверующего Фому, хотя Христос имел двенадцать учеников». Видно, что заботы сановников направлялись к тому, чтобы каким ни есть способом увеличить число членов собора; отсюда происходят их споры с легатами. После указанных словопрений епископы Феофил и Захария вошли на собор.

Замечательно, по странной щепетильности легаты сначала не хотели давать сами вопросов явившимся

епископам и просили, чтобы вопросы предлагали сановники. Прежде всего им был предложен вопрос: «Желают ли они выслушать и принять папскую формулу?» Ответ краток и ясен: «Не имеем такого желания», причем эти епископы прибавили, что и пришли они сюда не по своей воле, а по воле императора. Затем Ваанис спросил их: «Правда ли, что они стараются доказать, что будто папа Николай признавал их епископами и совершал купно с ними литургию?» Епископы отвечали: «Это мы говорили прежде и говорим теперь». Легаты, недовольные таким заявлением епископов, сказали: «Они лжецы, от них правды не услышишь». «Если так, — отвечали Феофил и Захария, — то незачем и разговаривать с нами». Легат диакон Марин спросил их: «Да чем они могут доказать, что папа служил с ними литургию?» Феофил сказал на это: «Сам Марин может быть свидетелем, так как он, Марин, был в Риме, когда они служили литургию вместе с Николаем». Но Марин не хотел подтвердить этой ссылки на него; он говорил, что, действительно, он был иподиаконом в то время, когда они были в Риме, но что Николай не приобщался с ними, как епископами, и удостоил их лишь причащения по образу мирян. Вопрос остался нерешенным: кто говорил правду — Марин или Феофил. Решено было прочесть два письма папы Николая, из которых было бы видно, что папа не признавал Фотия патриархом. Письма эти хотя и доказывали это, но они не касались вопроса, затронутого Феофилом и Захарией. Выслушав эти письма, Феофил заявил: «Подлинны эти письма или нет, не наше дело решать; но я утверждаю, что я действительно участвовал в богослужении с папой: это я готов доказать при посредстве свидетелей, если император даст письменное удостоверение, что эти свидетели не потерпят ничего худого». Эти слова Феофил произнес, с великим убеждением (in conspectu

Dei dico). Феофил еще раз громко и торжественно заявил, что если будут допущены свидетели на собор, он докажет правдивость своих слов, и прибавил: «Тогда вы узнаете, каков папа Николай!» Этим Феофил хотел сказать, что папа менял свои воззрения на Фотия: то признавал его, то отвергал.^[226] Чтобы вывести из затруднения легатов и собор, сановники обратились с таким вопросом к местоблюстителям восточных патриархов: «Был ли признаваем Фотий патриархом в среде Антиохийского и Иерусалимского патриархатов?» Задаваемые дали ответ уже известный, похожий на заученный урок: «Фотий не считался у них епископом, ни Фотий не писал общительных грамот патриархам, ни патриархи ему». Как разъяснено было нами выше, подобное уверение местоблюстителей лишено было справедливости, и, однако же, Илия Иерусалимский не стыдился, делая свое ложное показание, заявить, что он говорит это «как бы перед лицом самого Бога и избранными Его ангелами». Достойно сожаления, что собор в борьбе с Фотием не разбирал средств... Настойчивость, с которой Феофил и Захария утверждали, что они служили литургию с папой, послужила к возбуждению еще одного вопроса. Императорские сановники, легаты, а также Анастасий Библиотекарь уверяют, что достигнуть общения с папой в то время могли из числа приезжих епископов только те, кои подписали две грамоты: одну при въезде в Рим, в которой странствующие епископы свидетельствовали, что они держатся православной веры, а другую — которую они же давали перед тем, как вступить в церковное общение с папой, и в которой (будто бы) обязывались во всем точно следовать определениям римской кафедры. Теперь на соборе возник спор: дали ли такого рода двоякую подписку Феофил и Захария, когда они были в Риме, или нет? Остается несколько

неясным, какое значение имел подобный вопрос. Но, кажется, не ошибемся, если сделаем на этот счет такое предположение: исследуя этот вопрос, собор хотел довести этих двух епископов до сознания, что они в самом деле давали такую двойную подписку; а если так, то Феофил и Захария должны были принять в настоящем случае определение папское касательно Фотия, если они не хотели являться противоречащими сами себе. В споре по указанному вопросу легаты утверждали, что Феофил и Захария дали своего рода подписку, а эти епископы отрицали это и настойчиво уверяли, что они дали лишь одну подписку, разумеется — первую. Против заявления легатов Феофил и Захария выставляли то, что легатов в то время в Риме совсем не было. Вопрос остался нерешенным. Все эти переговоры собора с двумя фотианскими епископами заканчиваются тем, что им еще раз было предложено подписаться и принять известную папскую формулу; но они объявили решительно, что они и слышать не хотят ее (*pes audire ilium volumus*). После этого легаты сказали: «Выбросьте их вон» — и они были удалены. Такова деятельность четвертого [\[227\]](#) заседания собора.

Пятое заседание собора принадлежит к числу интереснейших. На этом заседании присутствовал сам Фотий, против которого, главным образом, направлена была вся деятельность собора. Оно происходило 20 октября; число членов собора к этому заседанию увеличилось на пять человек. Кроме прежних членов, в числе лиц, заседающих на соборе, встречаем двух митрополитов и трех епископов, не присутствовавших на прежних заседаниях и неизвестно при каких условиях принятых в состав собора. В самом начале заседания хартофилакс Павел объявил, что император приказал явиться на собор Фотию. Легаты спросили:

«Сам ли Фотий пожелал предстать перед лицом собора?» На это хартофилакс отвечал: «Неизвестно, нужно допросить его об этом». Легаты сделали распоряжение, чтобы послана была к Фотию депутация из мирян, так как Фотия они, легаты, не считали за епископа. Из уважения к Фотию депутация, впрочем, состояла из лиц, наиболее важных. Депутация, в состав которой вошло шесть человек, должна была предложить Фотию такой вопрос и в такой форме: «Св. и Вселенский собор спрашивает тебя: «Имеешь ли ты желание прийти на св. собор или нет?»» И в случае отрицательного ответа депутаты должны были допросить его о причине отказа. Фотий дал следующий ответ: «До сих пор вы не приглашали меня на собор, и я удивляюсь, зачем теперь вы это делаете и зовете меня. Впрочем, добровольно я не пойду, но пойду только по принуждению». И выражая нелестное суждение о собравшемся соборе, он сказал: «Рех, сохраню пути мои, еже не согрешати ми языком; положих хранение устом моим» (Пс. 38, 1-2); а что следует за тем, говорил он, то прочтете сами (именно слова: «внегда востати грешному предо мною», причем выражение «грешный» Фотий, очевидно, относил к собору. — **А. Л.**). Когда ответ Фотия доложен был собору, то, понятно, он вызвал неудовольствие. Легаты говорили: «Что скажет на это собор? Мы вызывали его совсем не за тем, чтобы слушать от него наставления, а затем, чтобы окончить в его присутствии исследование, начатое против него римской и восточными кафедрами». Все епископы выразили желание, чтобы Фотий был приведен на собор. Илия Иерусалимский от лица собора сочинил приглашение, которое заключало в себе хулы на Фотия и в котором говорилось: «Не говоря этого прямо, ты объявляешь собор, избранный Богом, «грешником» и таким образом представляешь себе грешниками не только представителей патриарших престолов, но и хор

св. отцов, отошедших в лучшую жизнь, и если ты не к делу приводишь пророческие слова, то о тебе правильно будет сказать, что ты имеешь в себе «дела тьмы» и боишься «света истины», каким блеснит собор, потому что знаешь, что собор обличит дела твои, так как, по словам Евангелия, «всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его» (Ин. 3, 20). Но еще также написано: «челюсти нужно обуздывать уздою и удилами, чтобы они покорялись тебе» (Пс. 31, 9). Это пророческое изречение св. собор, при содействии императора, надлежащим образом и приведет к исполнению». Когда Фотию прочитано было это приглашение, он сказал: «Вы не спрашиваете меня, делайте, что хотите». Затем Последовало еще новое приглашение Фотия от лица собора, в котором говорилось: «Последуя церковным правилам, мы приглашаем тебя, ожидая твоего добровольного прибытия; но ты, будучи явным и упорным грешником, не хочешь явиться на правый суд; поэтому ты должен явиться против своей воли, чтобы более ясным образом узнать о своем осуждении. Этим вторичным вызывом мы повелеваем привлечь тебя на собор вопреки твоей воле». Так и было сделано.

Когда Фотий вошел в собрание собора, легаты спросили императорских сановников: «Кто это стоит здесь на последнем месте?»

— Это Фотий, — был ответ.

— Так это Фотий, — воскликнули легаты, в первый раз видевшие это лицо, — тот Фотий, который более семи лет причинял столько страданий Римской Церкви, который глубоко взволновал Церковь Константинопольскую и сделал столько беспокойства прочим восточным Церквам?

— Он самый, — отвечали сановники.

После этого легаты предлагают целый ряд вопросов Фотию: принимает ли он правила св. отцов,

предписания римских пап, признает ли определения папы Николая, желает ли он принять то, что постановил преемник Николая — Адриан?

Фотий молчал.

Легаты сказали: «А мы слышали, что он человек очень красноречивый. Впрочем, с другой стороны, мы знаем, что он законопреступник и прелюбодей (т. е. человек, занявший епископскую кафедру при жизни епископа, которому принадлежит эта последняя. — **А. Л.**); пусть он говорит и защищается».

Фотий сказал на это: «Бог слышит мой голос, если я и молчу».

— Твое молчание не спасет тебя от осуждения, — заметили легаты.

— Но также и Иисус молчанием не избегнул осуждения, — отвечал Фотий.

Эти слова Фотия возбудили лицемерное негодование на соборе. Местоблюстители восточных патриархов Илия и Фома находили все ответы Фотия заслуживающими порицания; они считали неприличным, что Фотий как будто бы уподоблял себя Христу, судимому от синедриона;^[228] они говорили: «Нет ничего общего между светом и тьмою, между Христом и велялом, между храмом Божиим и идолами»(?). Затем они же спросили Фотия: принимает или не принимает он приговор пап? Но ответа не последовало. Тогда легаты стали увещевать его, чтобы он смирился, письменно и устно исповедал свои грехи, анафематствовал свои нечестивые сочинения и свои соборы против Игнатия,^[229] чтобы он обещался и поклялся, что он ничего не предпримет против законного патриарха, но станет почитать его как истинного отца и с благоговением покорится приговору Римской Церкви. Фотий ни слова в ответ. Да и что было говорить? Соглашаться было нельзя, спорить и

доказывать бесполезно. Молчание было лучшим исходом в трагическом положении Фотия. После этого собор зачем-то еще раз приказал прочесть письма Николая к императору Михаилу и к самому Фотию, как будто всего этого Фотий не знал. По прочтении писем Илия Иерусалимский, вообще большой говорун, произнес длинную речь против Фотия; нового в ней почти ничего нет. Он говорил о том, что Фотий противозаконно занимал константинопольскую кафедру, хвалился беспристрастием в суждениях, какое будто бы он и Фома показали на соборе, внимая в этом случае клятвам императора, который снял с себя нательный крест, возложил его на их шеи и взял с них слово — судить нелицеприятно, — объявлял, что молчание Фотия служит лишь выражением презрения к собору и т. д. В заключение своей речи увещевал Фотия сознаться в своих грехах и принести покаяние, за что ему обещается милость — принимать причащение вместе с мирянами. Зачем все это говорилось, понять нелегко. Подобного рода разглагольствования должны были казаться Фотию ничем другим, как насмешками над ним. Ближе к делу относилась грамота, которую вручили легаты соборному секретарю для прочтения. В ней говорилось: «Братия, для вас теперь ясно, что восшествие Фотия на патриаршую кафедру не было признано правильным, а низвержение Игнатия произошло вопреки справедливости. Высказывая это, мы не говорим ничего нового; таков суд папы Николая, подтвержденный папой Адрианом. А также и представители восточных патриархов засвидетельствовали, что Фотий в их патриархатах никогда не считался законным епископом. Кто, какой христианин признает патриархом человека, которого не признает в этом достоинстве ни Рим, ни восточные патриархи? Мы отвергаем и предаем анафеме такой образ действия, когда законный патриарх мирской

властью изгоняется из Церкви, а на его место, вопреки канонам, поставляется другой.^[230] Скажите, согласны ли вы с этим?»

Конечно, собор выразил свое согласие. На этот раз легаты почему-то были так любезны к Фотию, что провозгласили анафему не прямо на самого Фотия, а лишь на его мнимое преступление.

Наконец легаты и другие представители собора обращаются к Фотию с увещаниями — покаяться и исправиться. При этом они потратили весь запас своего красноречия, но все понапрасну. Легаты говорили Фотию: «Если он признает Игнатия законным патриархом, то ему позволено будет причащаться наряду с мирянами», усовещевали его пожалеть если не себя, то приверженцев, души которых лишаются спасения. Патрикий Ваанис, со своей стороны, раскрывает картину того безысходного положения, в котором очутится Фотий, если не покорится собору. Он говорил: «Господин Фотий (оратор находит возможным величать его лишь мирским титулом «господин», а также называет его неопределенным именем: «Божий человек». — **А. Л.**), постарайся изложить все, что может служить в твою защиту. Весь мир (вся Церковь) имеет здесь представителей; потщися, чтобы св. и Вселенский собор не лишил тебя милосердия. К какому суду ты мог бы обратиться потом? В Рим? Но здесь уже находятся его уполномоченные. На Востоке? Но здесь имеются налицо патриаршие местоблюстители. Смотри, чтобы не заключились для тебя двери (правосудия. — **А. Л.**). Итак, выскажи то, что может служить к твоему оправданию». Фотий отвечал: «Мое оправдание не от мира сего; если бы оно могло быть в здешнем мире, то вы слышали бы его». На это Ваанис, желая укорить Фотия, сказал: «Видно, стыд и страх смущают твой дух, ты не знаешь, что сказать. Св. собор дает тебе срок на

размышление, чтобы ты подумал о спасении своей души. Уходи теперь и потом приходи, когда твое настроение изменится к лучшему». Фотий отвечал: «Я не прошу никакого срока, а чтобы я ушел, это в вашей власти». Заседание^[231] кончилось обычным возглашением многолетия одним и вечной памяти другим.^[232]

На шестом заседании Константинопольского собора 869 года появляется сам император Василий Македонянин. Появление его здесь не случайно. По-видимому, император из хода дел на соборе, как показали предыдущие заседания, увидел, что соборная деятельность идет не очень успешно. Число членов собора почти не увеличилось, фотиане оставались глухи и немы к увещаниям руководителей собора; при таких обстоятельствах император Василий появляется на соборе для того, главным образом, чтобы своим личным содействием помочь собору в достижении более удачных результатов. К этой мысли приводит и то наблюдение, что под руководством императора собор как-будто бы начинает свою деятельность сначала, в значительной мере оставляя в стороне сделанное собором до сих пор. Разумеется в особенности то, что теперь опять Фотий и фотиане призываются на собор, опять ведутся с ними длинные переговоры. В этом отношении некоторые из последующих соборных деяний представляют собой как бы улучшенную и дополненную редакцию прежних деяний того же собора. Такое обстоятельство, однако же, не лишает интереса заседания, о которых у нас будет речь, напротив, даже увеличивает интерес к ним: отсюда мы видим, как сильно желало византийское гражданское и церковное (игнатианское) правительство перетянуть на свою сторону побольше фотиан и как тверды и крепки были привязанности опальных фотиан к своему

опальному вождю: эти последние верность убеждениям ставили неизмеримо выше земного благополучия и милостей двора.

Шестое заседание происходило 25 октября, в той же части Софийского храма, где происходили прежние заседания, начиная с первого. Кроме самого императора, на соборе присутствовали шестнадцать императорских сановников, легаты, Игнатий, представители двух восточных патриархов, многочисленная свита всех этих перечисленных лиц. Число членов собора, т. е. митрополитов и епископов Византийского царства, несколько возросло в сравнении с прежними заседаниями: их было 36 или 37, — число, конечно, очень ограниченное. В числе членов собора теперь встречаем таких митрополитов и епископов, которые не значатся в списке членов прежних заседаний, — и остается неизвестным, при каких обстоятельствах они примкнули к партии собора или игнатианской партии: были ли им оказаны какие-либо льготы в сравнении с архиереями, воссоединившимися с Игнатием на первых заседаниях, или нет — ничего нельзя сказать. Одно нужно считать несомненным, что именно личное появление императора на соборе действовало на некоторых слабодушных епископов ободряющим образом, и они перешли на сторону, к которой присоединиться доселе не желали. Заседание открылось речью Митрофана, митрополита Смирнского, преданного друга Игнатия; в этой речи он воздает хвалы императору и собору и в особенности первому. Похваляя императора и собор, оратор берет образы из библейской истории: императора и собор он сравнивает с Ноем и его ковчегом. Как праведный Ной устроил ковчег, так второй Ной устроил этот спасительный собор; как боголюбезный Авраам ископал колодезь, так и император создал этот собор как некий благодатный

кладезь (Быт. 21, 25); а патриарха Константинопольского и представителей трех патриарших кафедр (Римской, Антиохийской и Иерусалимской) оратор называет четырьмя великими светилами на церковном небосклоне и четырьмя райскими реками; он взывает к собору, чтобы этот потрудился для восстановления мира церковного; и в заключение, обращаясь к императору, произносит то самое благословение, которое изрекает Господь Аврааму: «благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов твоих» и т. д. (Быт. 22, 17). Речь Митрофана небогата содержанием, но представляет образец византийской риторики, позволяющей себе странное злоупотребление повествованиями и изречениями Св. Писания... По окончании речи Митрофана была прочитана записка, составленная римскими легатами. В ней говорилось о вторичном восшествии Игнатия на кафедру с устранением Фотия, о деятельности собора на первых заседаниях, о том упорстве и противлении, какие показали при этом Фотий и его приверженцы, вследствие чего легаты предлагают покончить скорее дело Фотия и исполнить римские определения по этому поводу. Мысли, как видим, все обычные, но на этот раз они имели особенное значение. Легаты чуть ли не рассчитывали на то, что император явился на собор для того, чтобы в своем присутствии положить конец соборной деятельности касательно Фотия и фотиан. Но легаты сильно обманулись в своих расчетах. Император решился не спешить с этим делом, а вызвать их на собор для увещаний. Как ни мало согласовалось это с желаниями легатов, они должны были подчиниться воле императора.

Вызваны были на собор несколько епископов, державшихся партии Фотия или получивших

посвящение от него. Для вразумления их прежде всего прочитаны были некоторые письма папы Николая к Фотию и императору Михаилу, из которых открывалось, что папа не считал Фотия законным патриархом Константинопольским. Затем с тою же целью вразумления, а частью и ободрения фотиан произносит речь Илия Иерусалимский от своего лица и от лица Фомы Тирского. Он старается разрешить и устранить некоторые возражения, которые, как он думал, удерживают фотиан в их упорстве. Фотиане говорили, что Фотий поставлен патриархом правильно, после того как Игнатий дал отречение от патриаршества. На это Илия говорил, что Игнатий вовсе не отрекался от патриаршей кафедры,^[233] и если бы он и сделал это, то сделал под влиянием насилия. Далее фотиане говорили: «Если Фотий не считается законным епископом, то не более могут считаться законными епископами и те, которые избрали и посвящали Фотия». На это Илия отвечал указанием исторических примеров, когда известный епископ собором был лишаем сана, как незаконно поставленный, но посвящавшие его и имевшие общение с ним архиереи оставались пощаженными. Смысл этого возражения, делаемого фотианами, как можно догадываться, заключается в том, что в ту пору, когда происходил собор, в Византийском государстве было два рода епископов: одни были посвящены самим Фотием, а другие его предшественниками; но ни те, ни другие — по смыслу возражателей — не могут, с точки зрения собора, почитаться законными епископами: посвященные Фотием теряют свои права, как скоро он признан незаконным патриархом, а прочие епископы тоже должны быть признаны «низверженными и отлученными», как лица, знавшие незаконность поставления Фотия и, однако же, допустившие его

посвящение и «сообщавшиеся» с ним. Для большей ясности этой последней мысли нужно взять во внимание то, что избрание Фотия на соборе произошло почти единогласно (как мы имели случай заметить выше: против фотия высказалось только пять епископов). А если так, то Византийской Церкви совсем почти не существовало. Это именно, как мы думаем, и хотели сказать возражатели-фотиане. Т. е. они хотели с ясностью раскрыть то нелепое положение, в какое поставлена Византийская Церковь, в широком смысле этого слова, вследствие низвержения Фотия и признания его «узурпатором». Но если так нужно понимать это возражение фотиан, то ответ на него Илии Иерусалимского весьма недостаточен. Илия указывает на частный исторический случай, а здесь дело идет о целой обширнейшей Церкви. Было еще и третье возражение, которое делали фотиане и в силу которого они крепко держались Фотия. Это возражение тоже старается устранить Илия в своей речи. Он говорил, что многие (?) приверженцы Фотия уже перешли от этого последнего на сторону собора,^[234] но другие упорствуют и не хотят просить прощения, основываясь на том, что они дали подписки и клятвенные уверения в верности Фотию.^[235] На это возражение фотиан Илия отвечал тем, что от имени легатов и представителя антиохийского патриарха и своего имени освободил фотиан от всяких обязательств и клятв, данных (незаконно) этими лицами своему бывшему патриарху. Как ни велика была в этом случае милость собора, фотиане, однако же, не думали ею пользоваться и остались верны своему вождю.

После речи Илии император сказал фотианам: могут ли они защищаться после того, как узнали теперь о взгляде на их дело патриархов Римского, Антиохийского и Иерусалимского? Они отвечали, что

они готовы защищаться. И один из них, Евсхимон, митрополит Кесарии Каппадокийской, просил у императора позволения защищаться беспрепятственно, без перерывов и помехи, и заявил, что он с Божьей помощью докажет, что все документы и речи, здесь произнесенные, составляют пустяки (*Chartas has et disputationes... in vanum fuisse locutas*). Император выразил неудовольствие на такое резкое выражение Евсхимона. Он говорил, что ведь такое порицание произносится не только против трех патриарших кафедр, но и этого святого собора; он сделал предположение, что фотиане, должно быть, потому не хотят подчиниться собору, что не уверены, что строгий приговор против них в самом деле принадлежит патриархам, и потому спросил их: «Верите ли вы тому, что этот приговор произошел от самих патриархов, или же не верите?» — «Мы верим этому», — отвечали фотиане. На это император сказал: «Если верите, то почему же не подчиняетесь определениям?» И добавил: «А если не верите, то я готов дать все нужные средства для того, чтобы вы могли совершить путешествие к патриархам и убедиться, что они действительно дали такие определения». Фотиане отвечали на это: «Здесь (в Константинополе. — **А. Л.**) должно решиться наше дело». Насколько серьезно было предложение императора, трудно определить. Но, во всяком случае, он мог заранее предполагать отрицательный ответ фотиан. Он, конечно, знал, что вся суть дела в папе, а папа при теперешних условиях отнюдь не был расположен на уступки фотианам. Знали это и фотиане, и потому предложение императора было просто какой-то игрой в беспристрастие.

После этого произносит речь один из наиболее ученых фотиан Захария Халкидонский, любимый ученик Фотия. Речь была направлена против папы и его определений касательно фотиан. Оратор раскрывал ту

мысль, что церковные правила выше определений патриархов, не исключая и папы, и что если папа или кто другой поступают вопреки церковным правилам, следовать подобного рода определениям не должно. В частности, оратор Захария старался доказать, что папы далеко не непогрешимы в своих определениях и что, в особенности, основания, по каким папа Николай отвергал законность Фотия как патриарха, не заслуживают внимания.^{[236][237]}

^[238]Речью Захарии император, разумеется, остался недоволен. Он сказал, что в деле фотиан высказались все патриархи и против их определений идти нельзя, и с видимым раздражением, обращаясь к ним, проговорил: «Мы знаем, что вы не больше, как миряне; мы призвали вас не затем, чтобы вы лаяли (latrare) на нас и городили вздор; все ваши слова ложь и обман». Некоторые из фотиан при этом сказали: «Этого и дьявол не решался сказать».^[239] Затем император повел с некоторыми фотианами речь о вещах, мало имевших связи с предыдущим, вообще, речь, не отличающуюся толкостью. Он заговорил о религиозных кошунственных церемониях при императоре **Михаиле** ^[240] **и о том, действительно ли отрекался Игнатий от патриаршества, — сильно заспорил об этих предметах с одним фотианином. Получалось впечатление какой-то путаницы, притом явно обнаруживалось, что император никак не мог взять верх в споре с фотианами. Рассуждая по вопросу об отречении Игнатия, император, по-видимому, отвергал факт отречения и требовал от фотианина, с которым он разговаривал, чтобы тот представил человека, через которого Игнатий возвестил Михаилу III о своем отказе от кафедры. Чтобы вывести императора из неловкого положения, легаты заметили, что нет надобности вести рассуждения с тем**

фотианином, с которым препирался император, так как он давно уже анафематствован римским первосвященником. Те же легаты предложили фотианам, не пожелают ли они прослушать и принять известную папскую формулу, но ответа не последовало. Тогда легаты спросили: «Нет ли между фотианами таких, которые бы получили посвящение еще от Игнатия?» Такие оказались, и легаты предложили им принять вышеуказанную формулу, но и эти епископы решительно отказались последовать приглашению.

Доселе еще оставалась без ответа речь фотианина Захарии Халкидонского, какую он произнес в защиту фотиан. Поэтому партия игнатиан сочла своим долгом подвергнуть разбору речь Захарии. В качестве оратора со стороны игнатиан выступает Митрофан Смирнский. Прежде всего он старался уличить фотиан в противоречиях и в нарушении элементарных юридических правил; он именно указывал, что сначала фотиане обратились за правосудием к папе, а потом, когда папа осудил их, они стали **доказывать, что папа судит не по** канонам, и отвергли его суд. В этом случае Митрофан видит нарушение юридического правила, по которому подсудимый, признавший над собой судью, обязан подчиняться его решению. Правило, заметим, не спорное, но непонятно, когда же это фотиане обращались к папскому суду? Разве они были когда в положении подсудимых, нуждавшихся в оправдании? Конечно, Митрофан понимает тот случай, когда Фотий извещал папу, как патриарха, о своем восшествии на константинопольскую кафедру; но разве Фотий это сделал из желания защиты папской, а не по общепринятому обычаю, по которому новый патриарх извещал прочих патриархов о своем вступлении на вакантную кафедру? В дальнейшей речи Митрофан старается разобрать аргументы Захарии и опровергнуть

их.^[241] В общем, речь Митрофана производила впечатление основательной и содержательной. Конечно, это невыгодно было для партии фотиан, и **Захария** Халкидонский хотел было отвечать на речь **Митрофана**, но ему было это воспрещено. Легаты сказали: «Мы уж довольно наслушались их суетных **речей**; фотиане должны отказаться от своих попыток извинить свои дела греховные» (Пс. 140, 4), и если они **хотят** предохранить **себя** от анафемы, то должны подчиниться собору. Призыв легатов не нашел себе отклика в сердцах фотиан, что и естественно.

После этого была прочитана длинная речь императора к собору. Вот, в главных чертах, ее содержание: император рисует в высшей степени печальную картину положения Византийской Церкви, положения, которым будто бы она обязана фотианскому расколу; потом он указывает, что с целью уврачевания зла и собран был этот собор. Император замечает, что для того чтобы дать собору полную свободу в деятельности, он не являлся на первые заседания; он говорит, что его единственным желанием было вести дело против заблуждающихся с любовью и добротой, так, чтобы никто из них не впал в погибель. Собор, заявляет император, действуя в видах возвращения заблудших овец, должен был поступать, не только руководствуясь ревностью Финееса, но и мудростью Соломона; в заключение говорилось об упорстве фотиан. Латинские писатели очень восхваляют эту речь императора и говорят, что она «более приличествует епископу, чем императору», что она «достойна вечной памяти и должна быть начертана золотыми буквами».

^[242] Но не потому ли эти писатели так расхваливают ее, что она составляет византийское эхо римского голоса? В заключение этого ^[243] заседания собор снова обращается к фотианам с увещаниями подчиниться

воле его, и когда фотиане остались при своем, им дано было семь дней на размышление. Так бесплодна была новая попытка собора с императором во главе привлечь на свою сторону приверженцев опального патриарха.

Дальнейшее (7-е) заседание собора происходило 29 октября, опять в присутствии императора. Число членов собора и государственных сановников было на нем то же самое, как и на предшествующем. Перед лицом собора снова появляется Фотий. Он приглашен был по приказу императора. Бывший патриарх вошел на собор с посохом в руках. Это не понравилось легатам. Они приняли жезл за знак притязания со стороны Фотия выставить себя в глазах собора настоящим патриархом. Поэтому один из легатов приказал отнять у Фотия жезл, что сейчас же и было исполнено. Затем, по распоряжению собора, известный Ваанис предложил Фотию вопрос: готов ли он подчиниться собору? Фотий от своего лица и от лица Григория Сиракузского, пришедшего с ним на собор, отвечал: «Мы дадим отчет нашему государю, а отнюдь не легатам». Ваанис продолжал: не прибавит ли Фотий еще что-нибудь к тому, что он сказал? Фотий на это заметил: «Если бы легаты слышали, что мы недавно говорили (на 5-м заседании), то не стали бы теперь опять предлагать того же вопроса; но если они чувствуют раскаяние в том, что ими постановлено касательно нас раньше, то пусть они докажут это самым делом». Ваанис с удивлением сказал: «Да как же это так?» Ответ дает Григорий Сиракузский; он говорит: «Пусть они (легаты) принесут покаяние в содеянных ими согрешениях». Смысл этих ответов Фотия и Григория, без сомнения, тот, что, на их взгляд, легаты не судьи им. Так легаты и поняли ответ Фотия и Григория. Они обиделись на этих двух вождей фотианской партии и сказали: «Мы прибыли сюда не за тем, чтобы принимать оскорбления, и не за тем, чтобы приносить покаяние, а, напротив,

затем, чтобы призвать к покаянию вас обоих; ваши речи оскорбляют Церковь, но мы снова вас спрашиваем: будете ли вы следовать решениям собора или нет? подпишите ли папскую формулу?» И затем от лица всего собора легаты сказали: «Мы все знаем, что они с ног до головы покрыты язвами неправды и нет в них целого (здорового) места, нечего с ними и разговаривать». После этого представители восточных патриархов передали для публичного прочтения маленькую записку следующего содержания. Они жаловались на то, что еще прежде (на 5-м заседании) Фотий, в чувстве надмения, назвал собор и императорских сановников «грешниками» и призывал их к покаянию; страсти ослепили его и перевернули все в его глазах; они, представители восточных патриархов, сравнивали Фотия с человеком, которого повергла на землю буря и который воображает, что земля вертится вокруг него, отчего, однако, земля на самом деле не станет еще вертеться. В заключение они угрожают Фотию и его приверженцам гневом Божиим. На последующий за тем вопрос Вааниса: «Что скажет на это Фотий?» — последний отвечал: «Нас привели сюда для поруганий; как же вы хотите, чтобы мы что-либо сказали?» Ясно было, что добиться от Фотия, чего хотел собор, — покорности папским решениям, было невозможно.

Не добившись никаких результатов от Фотия, собор призвал на заседание приверженцев Фотия. Это были те самые фотиане, которые были приглашаемы на предыдущее заседание. Прежде всего к ним обратились с вопросом, который мы слышали на соборе несчетное число раз: принимают ли они известную папскую формулу? Ответ последовал тот же, как всегда: «Нет, не хотим принимать». Захария Халкидонский и Амфилохий Иконийский (последний был горячим приверженцем опального патриарха) спросили: «Да что

такое за формула?» Легаты в коротких словах сказали о содержании ее и между прочим заметили, что в ней подвергается отлучению Фотий и отвергаются бывшие при нем соборы. Услышав это, Иоанн Ираклийский, фотианин, воскликнул: «Анафема тому, кто анафематствует своего патриарха». А Захария Халкидонский сказал: «С тем, что незаконно сделано уже или будет сделано, мы ни под каким видом не согласимся». Евсхимон же Кесарийский к этому еще добавил: «Тем, которые не следуют правилам святых апостолов и Вселенских соборов, будет ли то сам патриарх Римский или Иерусалимский, или даже ангел с небеси (Гал. 1, 8), мы отнюдь не будем оказывать послушание». По поводу этих восклицаний и замечаний фотиан представители восточных патриархов сказали: «Видно, что они ничего не знают, ничего не понимают, во тьме ходят». Затем известный Ваанис от имени императора прочел небольшое воззвание к фотианам. Оно носило на себе какой-то странный характер. В нем говорилось: «Скажите, кто же вы такие? С неба вы или из преисподней? Не на той ли земле вы, на какой и мы? Может ли какой-нибудь еретик или раскольник, отделившийся от единения с четырьмя патриархами, оставаться не подлежащим осуждению? Скажите-ка, а я послушаю? Вас осудили четыре, даже пять (?) патриархов; на что же вы надеетесь? Кто поможет вам?» Фотиане отвечали: «Нам помогут каноны святых апостолов и святых Вселенских соборов». На это Ваанис сказал: «Скажите, какой канон клонится в вашу пользу и где Господь положил такие каноны? В Церквах или же в каком другом месте? Если в Церквах, то здесь собраны представители Церквей, местоблюстители их». В ответ на это фотиане заявили, что они лишены возможности свободно и беспрепятственно выражать свои мысли. Ваанис заметил по этому поводу: «Вы своими речами оскорбляете легатов, и они не хотят вас

слушать». Фотиане, лишь только услышали неприятное для них имя легатов, как поспешили заявить: «Да легатов мы и не признаем своими судьями». Ваанис спрашивает фотиан: разве, по их мнению, легаты поступают противозаконно? Ответ дал фотианин Амфилохий: «Да, они судят весьма неразумно (irrationabilissime) и совершенно против правил». Ввиду непризнания фотианами легатов как судей император снова делает им прежнее предложение **о том, чтобы фотиане отправились к самим патриархам и узнали их мнение по своему делу. Ответ фотиан был тот же, как и прежде. Они отвечали, что их дело должно быть решено в Константинополе. Прения потеряли интерес и стали лишь повторением предыдущих.**

Ввиду бесплодности прений, при которых фотиане показали себя стойкими и решительными, собор занялся чтением различных документов, имевших близкое отношение к делу Фотия. Так, прочитаны были письма папы Николая и папы Адриана, написанные в 866 и 869 годах на Восток; прочитаны были также акты Римского собора при Адриане против Фотия. [\[244\]](#) После этого собор приступает к заключительным действиям против Фотия и фотиан. Легаты предъявляют для чтения небольшую увещательную записку, в которой они предлагают, ввиду упорства и многих преступлений Фотия, еще раз предать его анафеме. Затем следует чтение очень интересного документа: писанной речи Игнатия к собору. [\[245\]](#) Вот содержание этой речи: прежде всего он воздает благодарность Богу за свое восстановление на патриаршем престоле, упоминает об обстоятельствах, при каких лишился он этого престола, причем он называет Фотия новым Каиафой и Анной и говорит, что Фотий не принес с собой при вступлении на престол ничего достойного, а одно лишь желание быть

патриархом; упоминает о низвержении Фотия и утверждает, что оно совершилось на веки вечные (в чем, однако же, Игнатий очень обманулся); причиной таких перемен был император Василий, которому Игнатий, при этом случае, приписывает великие добродетели и благочестие (о чем едва ли можно было говорить с таким пафосом, как делает Игнатий), приписывая ему старание поучаться в законе Божиим день и ночь, выставляет императора послушным орудием воли папы Николая. Затем Игнатий переходит к восхвалению достоинств собора; легатов и представителей патриарших он называет «исполненными божественной мудрости и благодати и блещущими своими речами, как молниями; весь собор, по его деятельности и его качествам, он считает чем-то дивным, таким, чего будто бы желали видеть и слышать дари и князи прежнего времени, но не видели и не слышали (Игнатий чуть ли не прилагает к собору ветхозаветных мессианских пророчеств); наконец Игнатий выражает желание, чтобы исчезло разъединение в членах Церкви, чтобы прекратились раздоры, подобные тем, какие были во времена апостола Павла, когда христиане говорили: я — Павлов, я — Кифин, я — Аполлосов, я — Христов; таких раздорников, замечает оратор, ожидает гибель.

После того тотчас была провозглашена анафема Фотию. Диакон и нотариус Стефан торжественно и велегласно провозгласил: «Фотию, придворному и узурпатору, анафема! Фотию, мирскому и площадному, анафема! Фотию, неофиту и тирану, анафема! Схизматику и осужденному анафема! Прелюбодею и отцеубийце^[246] анафема! Изобретателю неправд и сплетателю новых догматов анафема! Фотию, новому Максиму Цинику, новому Диоскору, новому Иуде, анафема!» К этому присовокуплено было

анафематствование всем приверженцам и последователям Фотия и в особенности Григорию Сиракузскому и Евлампиию Апамейскому.

После анафематствований тем же диаконом началось возглашение различных многолетий и вечной памяти. Собор нашел Фотия и приверженных к нему епископов недостойными слышать многолетия, почему их, тотчас же по выслушании анафемы, удалили с собора. В многолетиях император Василий именовался новым Константином, новым Феодосием, а жена его новой Иудифью, новой Еленой; папа Николай сравнивался с Финеесом, Даниилом; Игнатий в многолетиях назывался новым Афанасием, новым Флавианом; возглашены были с большой щедростью многолетия всем главным представителям собора.

Но на этом дело не кончилось. Конец комедийного действия составляло чтение ямбических стихов, направленных против Фотия. Двенадцатистишие было такого содержания: Фотий, захотевший глупым образом пошатнуть незыблемую скалу, теперь становится подобным дикому зверю, изгоняемому из неоскверненного брачного чертога и из достопочитаемых храмов, праведно осужден папами Николаем и Адрианом, страстотерпцем Игнатием и прочими православными патриархами. [\[247\]](#)

Так на седьмом [\[248\]](#) заседании еще раз совершилось осуждение Фотия и фотиан. Никита Пафлагонянин, известный враг этого патриарха, рассказывает, что приговор собора против Фотия и анафематствование против него для большей торжественности и незыблемости подписаны были всеми заседавшими на соборе не обыкновенными чернилами, а евхаристической кровью, в которую макали писчую трость судии великого патриарха. [\[249\]](#)

Главное дело сделано: Фотий торжественно осужден. Но и после этого собор имел еще целых три заседания. Эти заседания имели тоже, главным образом, в виду дело фотиан. Здесь подвергаются суду не лично сами фотиане, а различные их деяния, действительные или мнимые. Восьмое заседание собора происходило 5 ноября в присутствии императора и шестнадцати императорских сановников; число заседавших на нем греческих епископов очень мало возросло в сравнении с прежними заседаниями. Занятия открыл известный патрикий Ваанис следующими словами: «В предшествующие времена, при Фотии, клир, сенат и народ под давлением насилия подписали нечто незаконное, но теперь император хочет все эти подписи сжечь, а виновным дать свое прощение». Что это за подписи такие? В этих подписках выражалось желание иметь патриархом именно Фотия; таких подписей было великое множество; они принадлежали как лицам высокопоставленным, так и лицам духовным и простолюдинам вроде скорняков, торговцев рыбой, плотников, игольных заводчиков и т. д. Эти-то рукописания^[250] и решено было сжечь на теперешнем заседании собора. Такой же участи определено было подвергнуть экземпляры актов соборов Константинопольских: собора 861 года, бывшего против Игнатия, и собора 867 года, подвергшего папу Николая отлучению,^[251] ^[252] — всего вероятнее, подлинные экземпляры **этих** актов. Решено **и** сделано. Сожжение всех этих документов произошло, по приказанию императора **Василия**, очень торжественно на самом соборе (in medio synodi).^[253] Здесь поставлен был медный сосуд,^[254] в котором разведен был жаркий огонь. Процесс сожжения произведен был с некоторыми церемониями. На соборе находился диакон-референдарий (патриарший чиновник, служивший для

деловых сношений патриарха с императором) Феофилакт; в руках у него был большой мешок, набитый материалом, который должен был сделаться жертвой огня. Он постепенно вынимал из мешка тома и рукописания и передавал их орфанотрофу (начальник благотворительных заведений) Георгию, а этот, в свою очередь, вручал их прислужникам представителей восточных патриархов, руками которых рукописи и ввергались в огонь. Собор молчал и смотрел, как погибали в пламени подписи приверженцев Фотия и тома актов Константинопольского собора 861 года против Игнатия и Константинопольского же собора 867 года против папы Николая.^[255] Поучительная картина!

Затем на собор были призваны три лица, которые будто бы выставлены были Фотием в качестве местоблюстителей восточных патриархов на противопапском соборе 867 года. Имена их: Петр, Василий, Леонтий. Все они объявили, что они никаких подписей на соборе не делали, да и о соборе ничего не знают. Членам рассматриваемого собора казалось такое заявление неизвестных личностей вполне достаточным, чтобы признать, что уполномоченные восточных патриархов на соборе 867 года были подложные, подставные, и подставлены они были Фотием. Каждая из указанных трех личностей дала на соборе более или менее подробные показания о себе. Рассмотрим, в чем заключаются эти показания. Монах Петр объявил, что лиц с именем Петр, приходивших из Рима в Константинополь, были, может быть, тысячи, так как не один он носит это имя, и в особой записке тот же Петр объявлял, что на соборе Фотиевом, если такой существовал, он не присутствовал, что он не подавал никакой жалобы на папу Николая^[256] ни Михаилу III, и никому другому, что он не сознает за собой никакой вины и не участвовал в сочинении рассматриваемых

актов; наконец, просил позволения уехать из Константинополя. В наших документах неясно, местоблюстителем какой патриаршей кафедры считался он, т. е. за местоблюстителя какой кафедры, по подозрению собора, выдал его Фотий. Но есть основание полагать, что он обвинялся в разыгрывании роли местоблюстителя антиохийского патриарха. Затем собор допрашивал какого-то Василия (по-видимому, не имевшего никакого духовного сана), которого расспрашивали: не он ли играл на соборе Фотиевом роль местоблюстителя иерусалимского патриарха? Василий на допросе уверял, что он никогда никакой жалобы на папу Николая не приносил, и изъявлял готовность произнести анафему на каждого, кто осмелился бы сделать такое. Он рассказал кратко историю своей жизни; оказывается, что, действительно, в течение восьми лет он жил в Риме и в 866 году был в Константинополе, но заявлений против папы не делал, так как не был близок и знаком с этим лицом. Третья личность — Леонтий (кажется, тоже не имел духовного сана) должен был оправдываться против обвинения в том, что он будто выдавал себя местоблюстителем александрийского патриарха на соборе 867 года. Он объявлял, что он не принимал участия в этом соборе и что вообще он ничего не знает об этом соборе. Выслушав показания всех этих трех лиц, известный Ваанис сказал: «Итак, ясно, что Фотий не только подделал акты, но и выдумал участников собора, каких на деле не было, и выдумал речи, которых на соборе не было говорено; это не местоблюстители, а простые купцы (конечно, кроме монаха Петра. — **А. Л.**), и ничего не знают они о соборе против папы». Собор ничего не сказал на эти слова Вааниса; очевидно, он остался доволен выводами оратора. Но спрашивается, каким образом допрос неведь откуда взявшихся проходимцев, допрос, в котором нет ни ясности, ни

смысла, может доказывать, что Фотий на соборе 867 года имел не действительных, а подставных местоблюстителей? Мы этого не видим. Представляется дело так: в подлинных актах собора 867 года против папы в качестве местоблюстителей восточных патриархов названы Петр (от антиохийского патриарха), Василий (от иерусалимского) и Леонтий (от александрийского), имевшие, без сомнения, архиерейский или священнический сан. Теперь императору Василию и вождям собора 869 года понадобилось доказать, что на соборе Фотиевом (867 г.) были фальшивые местоблюстители; и вот константинопольская полиция хватает трех подозрительных авантюристов, много бродивших по разным странам света, хватает потому, что одного звали Петром, другого Василием, третьего Леонтием (так же ведь названы местоблюстители в актах собора 867 года), влекут их на Игнатиевский собор 869 года, допрашивают их здесь: они ли играли роль местоблюстителей на Фотиевом соборе? Они ли жаловались на этом же последнем соборе на папу? Ответ получается от всех троих одинаковый и весьма естественный: нет, мы ничего не знаем об этом соборе. Так мы представляем себе дело, основываясь на совокупности обстоятельств, и сомневаемся: возможно ли другое представление того же дела, более сообразное с сущностью его. А если так, то нужен разум руководителей собора 869 года, чтобы из отрицательных ответов трех вышеуказанных лиц на предлагавшиеся им вопросы делать то заключение, что на соборе Фотия местоблюстители восточных патриархов были не истинные, а фальшивые. Да и как члены собора 869 года могли судить, истинные или фальшивые местоблюстители находились на соборе Фотия, когда члены собора лишили себя самого лучшего средства разрешить вопрос настоящим образом,

поспешив сжечь акты собора 867 года? Ведь тут должна была заключаться главная улика против Фотия; а как скоро члены собора уничтожили эти акты, факт сожжения документа стал непререкаемой уликой против самих членов собора: не потому ли они и сожгли акты?

Всякий имеет право теперь сказать, что акты эти доказывали противное, т. е. подлинность местоблюстителей восточных патриархов на соборе 867 года. Но переговоры собора с мнимыми местоблюстителями или, точнее, — тремя авантюристами: Петром, Василием и Леонтием не кончились на том, на чем мы кончили рассказ. Переговоры эти еще продолжались несколько минут. Папские легаты предложили им, во-первых, подписать известную западную формулу, а во-вторых, произнести анафему на сочинителей актов собора 867 года; эти требования были поставлены как условие, на котором эти лица могут быть приняты в общение с Церковью. Но они стали увертываться почему-то от исполнения этого предложения: может быть, они не чувствовали расположения к деятельности собора. Леонтий неопределенно отвечал: «Книги этой я не знаю и не подписывал ее». Собор сказал: «Анафематствуйте того, кто сочинил и переписал акты (Фотия. — **А. Л.**)». Но они снова стали увертываться и заявили: «Мы совсем не знаем этих актов, да и тот, кто их сочинил, уже анафематствован». Собору не понравились эти уклончивые ответы. Сановники сказали: «Если вы не анафематствуете сочинителя, то этим вы показываете, что вы соучастники его; говорят вам: анафематствуйте, иначе с вами будет поступлено по законам» (т. е. как же это?). Легаты, со своей стороны, сочли нужным запугать противящихся; они объявили: если противящиеся сейчас же не анафематствуют сочинителя, то их отправят на суд в Рим: такова же

воля папы Адриана. Результат таких угроз был самый успешный. Леонтий и Василий, которые, собственно, и проявляли протест, с поспешностью анафематствовали акты собора и сочинителя их (т. е. Фотия).^[257] Кажется, удовлетворялись этим и не потребовали от упрямцев подписи пресловутой формулы. После этого Ваанис сказал коротенькую речь, в которой говорилось: «Видите, как открывается истина и свет начинает блистать во тьме (Хороша истина! Хорош свет! — скажем мы. — **А. Л.**)». Затем, по требованию легатов, прочтено было одно правило Латеранского собора в Риме, бывшего при папе св. Мартине I; оно направлялось, по намерению легатов, против Фотия, как допустившего будто бы фальшивых местоблюстителей на собор 867 года. В этом правиле говорилось, что если кто, по подобию еретиков и раскольников, повинен будет в подделке документов, сочинений, соборных актов и в принятии фальшивых местоблюстителей, тот, в случае нераскаянности, подлежит осуждению навеки. В заключение по делу об актах собора 867 года предложен был всем митрополитам, заседавшим на соборе, такой вопрос: подписывались ли они под вышеуказанными актами, — и митрополиты, не медля ни минуты, отвечали: нет, они никогда не подписывали здесь своих имен. Прямой ответ митрополитов, членов собора, который они имели притязание считать Вселенским собором, мог бы быть истолковываем во вред Фотию, но этого делать не следует. Весьма справедливо по поводу этого допроса митрополитов говорят, что если в самом деле хотели удостовериться в том, подлинны или не подлинны были подписи митрополитов, то это нужно было сделать несколькими часами пораньше, когда акты еще не сгорели в огне;^[258] тогда можно было предъявить самые подписи митрополитам и при виде этих подписей

задать им вопрос: это их рука или нет? И ответ на вопрос, весьма вероятно, получился бы другой, примерно такой: «все мы согрешили и все просим прощения...»

Деятельность восьмого заседания собора делится на два отдела: один, как мы видели, посвящен всецело делу Фотия и фотиан и другой — вопросу, не имевшему отношения к главным задачам собора. Происходит суд или, точнее, увещание последних иконоборцев (а такие еще встречались в Константинополе) обратиться к православной вере. Император заявил на соборе: «Я приказал, согласно воле легатов, привести сюда главу теперешних иконоборцев, Феодора **Критянина**: как угодно поступить с ним собору?» Легаты отвечали, что следует послать к нему, Феодору, и его приверженцам нескольких императорских сановников с предложением: если хотят они войти в пристань спасения, то должны отказаться от инокоборческого заблуждения, в противном случае их ожидает отлучение от Церкви. Восточные местоблюстители выразили согласие с легатами, и потому император распорядился так: послал патрикиев Вааниса и Льва к Феодору для объявления ему воли собора. Все дальнейшее действие происходит где-то вне соборных заседаний, а где именно, в актах не сказано, но, несомненно, вблизи от места соборных заседаний. На предложение собора глава иконоборцев не сказал ни «да», ни «нет», очевидно, он не соглашался отказаться от заблуждения. Ввиду этого Ваанис старался подействовать на него убеждением; он дал ему монету с изображением императора и спросил его: почитает ли он такую монету? Феодор отвечал, что он принимает ее со всяким уважением, так как царскую монету следует почитать и не бесчестить. Тогда Ваанис прибегает к тому аргументу, которым часто пользовались иконопочитатели в полемике с иконоборцами: «Если

ты, — сказал сановник, — изображение смертного владыки не презираешь, но почитаешь, как же ты осмеливаешься пренебрегать богочеловеческим образом Господа Христа, изображениями Богоматери и всех святых?» Феодор отвечал на это: «Об изображении императора я знаю, что это действительно его образ; но относительно изображения Христа — этого я не могу знать; да и не знаю притом, принятие изображения Христа согласно ли с Его учением и составляет ли что-нибудь угодное Христу?» Он, Феодор, просил отсрочки для того, чтобы убедиться: действительно ли Христос повелел принимать Его изображение? Ваанис возразил: «Собор собрался не за тем, чтобы вести с тобой прения, но чтобы увещевать и научить тебя». Затем тот же Ваанис довольно подробно раскрывает мысль, что Феодор обязан подчиниться воле пяти патриархов. Он говорил: «Где ты найдешь прибежище, где найдешь помощь? Бог основал свою Церковь, — продолжал Ваанис, — на пяти патриархах и определил в Евангелии (?), что они никогда не падут, потому что они главы Церкви. Ибо слова Евангелия: «Врата адовы не одолеют ю» явно показывают, что если две из этих глав падут, то должны искать прибежища у прочих трех; если три падут — у двух прочих; если же четыре падут, то та единая, которая сохранится у Христа Бога нашего, снова соберет всю Церковь.^[259] Теперь все эти главы Церкви в согласии, — заключает свои слова Ваанис, — и ты не можешь находить себе никакого извинения». После этого Ваанис возвратился на собор и доложил ему о результате поручения. Ответы Феодора были прочтены вслух (очевидно, при Ваанисе был стенограф, записывавший слова иконоборца). Собор оставил без внимания этого Феодора и приказал позвать в заседание прочих иконоборцев. Рождается вопрос: почему Феодор не был вызван перед лицом собора, а

прочие иконоборцы удостаиваются такой чести? Такая разница, кажется, зависела от того, что о Феодоре, вероятно, заранее было известно, что он останется упорен, а о прочих также заранее, напротив, было известно, что они готовы отказаться от своей ереси. Собор не хотел вести бесполезного диспута с первым, но охотно согласился выслушать раскаяние последних. Отсюда и разница. Согласно воле собора, на заседание вошли трое иконоборцев: клирик Никита, юрист Феофан и какой-то Феофил. Все они без замедления объявили о своей готовности отказаться от ереси и анафематствовать глав этого заблуждения. Для этой последней цели они по очереди поднимались на амвон [260] (tribunal, βήμα ὑψηλόν) и отсюда возглашали анафему главам иконоборчества с присоединением имени Феодора **Критянина**. Затем император подозвал их к себе, расцеловал их и сказал им приветствие. Заседание близилось к концу. Провозглашены были многочисленные анафемы против различных иконоборцев, со включением Феодора **Критянина**, затем с точностью повторено было анафематствование против Фотия и его сторонников, то самое, какое провозглашено в конце седьмого заседания. Наконец провозглашены обычные многолетия и вечная память. [261]

После восьмого заседания наступает длинный перерыв в деятельности собора, продолжавшийся более трех месяцев. Причины, вызвавшие этот перерыв, были не малочисленны. Главной из них, без сомнения, была поразительная скудость в численном составе членов собора. Епископов, пожелавших признать Игнатия патриархом, было очень немного, поэтому и собор был какой-то жалкий. Притязания собор имел огромные, он выдавал себя за Вселенский, и, однако же, этот якобы Вселенский собор блещет отсутствием на нем епископов. Ввиду такого неловкого положения собора

руководители собора приостанавливают соборную деятельность в надежде, что какой-нибудь переворот судьбы изменит течение дел к лучшему. Не мог же собор закончить свою деятельность, имея не больше сорока человек. Ведь это было бы явным торжеством фотиан. Это одна причина. Другой, тоже важной, причиной было то, что доселе все не приезжал местоблюститель александрийского патриарха. Положение собора было не из красивых; на нем, в видах противодействия и обличения фотиан, постоянно говорилось о согласии всех восточных патриархов признать Фотия низложенным, и однако же, как нарочно, патриарх Александрийский не присылал своего местоблюстителя на собор. Что стали бы говорить фотиане, так могли рассуждать вожди собора, — если бы собор, именующий себя Вселенским, закончился, не имея сведений, что думает александрийский патриарх о низложении Фотия и возведения на кафедру опять Игнатия? Были и другие причины, которые обуславливали рассматриваемый перерыв, например, венчание на царство Василием второго его сына Льва, соединенные с этим празднества и т. д.

Перерыв продолжался до 12 февраля 870 года, когда произошло девятое заседание собора. Император не присутствовал на этом заседании, вместо него здесь находилось одиннадцать сановников. Число членов собора возросло, но все же было мало. Всего было, кроме руководителей собора иерархического чина, 26 митрополитов и немногим больше сорока епископов. [\[262\]](#) И это после трехмесячных ожиданий. Место заседания оставалось прежнее. На заседании 12 февраля прежде всего видим процедуру принятия в состав представителей собора местоблюстителя александрийского патриарха. В качестве такого

местоблюстителя на собор прибыл александрийский архиерей Иосиф. Хотя легаты да и весь собор достаточно знали о полномочиях, какими облечен был Иосиф от своего патриарха, но для соблюдения канонических порядков во всеуслышание прочитано было послание патриарха Александрийского Михаила к императору. Заранее мы должны сказать, что Иосиф был действительным местоблюстителем — не чета Фоме Тирскому и Илие Иерусалимскому. Но и здесь дело не обошлось без терний, уколы которых должен был осязательно чувствовать собор. Тернии заключались в том самом послании, которое прочитано было на соборе. Оно было такого содержания. В нем патриарх говорил о том, что, получив уведомление из Византии о спорах в ней из-за патриаршего престола, а также просьбу прислать уполномоченного для разбирательства дела, он назначает своим местоблюстителем Иосифа, которого, как желает патриарх, пусть примут со всей благорасположенностью. Далее патриарх сознается, что по причине отдаленности Александрии от Византии он почти ничего не знает о сущности церковного вопроса, волнующего столицу, и удерживается выразить свое суждение по этому вопросу (едва ли приятна была в Византии такая уклончивость или, по крайней мере, осторожность); вследствие чего он полагает, что император византийский, будучи сам верховным главой и учителем и будучи окружен столь многими епископами, архимандритами, клириками и монахами, лучше всех знает, что нужно для блага Церкви. Однако патриарх не вовсе отказывается от решения вопроса о патриархах Игнатии и Фотии. Далее следуют в послании такие мысли, которые показывали, что автор письма не на стороне собора. Он пишет: «В «Истории» монаха Александра^[263] мы прочитали, что в

Иерусалиме некогда было два патриарха одновременно. Тридцатилетний патриарх Нарцисс (в начале III в.), по любви к аскетизму, удалился в уединение, и когда он был там, в это время в Иерусалиме один за другим были такие патриархи — Дий, Герман (Германион) и Гордий. Когда патриаршествовал последний, Нарцисс возвратился из пустыни и стал управлять с ним Церковью совместно, а по смерти Гордия Нарцисс избрал себе сопатриарха Александра». Какой же получается отсюда вывод? Этот вывод изложен в послании патриарха очень неопределенно или, пожалуй, чересчур осторожно; автор говорит: «Вот что знаем из истории, и этого с нас достаточно». Но не нужно было особенной проницательности, чтобы понять, что патриарх хоть и не прямо, но ясно предлагает оставить на патриаршестве в Византии и Игнатия, и Фотия. Императору и собору едва ли могло нравиться подобное предложение. Из этого предложения открывается, что патриарх Александрийский знал больше о делах византийских, чем можно было это предполагать. Мы склонны даже думать, что Михаил в глубине души сочувствовал Фотию.

Казалось бы, что, принимая во внимание содержание этого письма, собор не мог извлечь никакой выгоды из факта прибытия александрийского местоблюстителя, — выгоды в борьбе с Фотием, но случилось не так. Благодаря давлению сверху, местоблюститель оказался на стороне собора, в числе врагов Фотия. Когда по прочтении письма на соборе члены этого последнего признали полномочия Иосифа достаточными, нового местоблюстителя спросили: соглашается ли он с тем, что решено на первых восьми заседаниях, то он дал ответ и устный, и письменный. Устно он заявил, что со всем тем, что сделано собором, он согласен. В существе дела он то же выразил и в

записке, прочитанной на соборе. В этой записке он говорил, что внимательно перечитал деяния этого собора и присоединяет свой голос к решениям и по делу Фотия с Игнатием, и по поводу иконоборцев. С запиской было поступлено так: ее поместили между Евангелием и крестом.

Затем начались деяния собора. Прежде всего возымели намерение унизить и обесславить собор 861 года, который происходил под руководством фотия и был направлен против Игнатия.^[264] Для указанной дели были вызваны на соборное заседание свидетели, дававшие показания против Игнатия в 861 году. Они были приведены и допрошены поодиночке. Первым явился протоспафарий Феодор, как он утверждал, по личному своему желанию. На допросе он показал, что на соборе 861 года он (будто бы ложно) утверждал о неправильном поставлении патриарха Игнатия на кафедре патриаршей, а именно он говорил на сейчас упомянутом соборе, что Игнатий сделался патриархом, не будучи законным образом избран.^[265] Но вину своего поступка сваливал на голову умершего императора Михаила III, **который** будто бы насильственно заставил его свидетельствовать против Игнатия и который будто бы старался успокоить совесть свидетеля тем, что свидетель и в самом деле не знал, как происходило избрание Игнатия в патриархи, ибо он занят был в тот день придворной службой. Протоспафарий Феодор каялся на соборе в своем проступке и заявлял, что он исповедывал свой грех перед одним столпником, сорок лет подвизавшимся на столпе, принял от него епитимью и строго исполнял ее до настоящей минуты. Последовали вопросы: признает ли он теперешний собор законным и считает ли правильным восстановление Игнатия на патриаршестве? На оба эти вопроса Феодор отвечал утвердительно. После Феодора

допрошен был консул Лев Критик, который тоже был свидетелем против Игнатия на соборе 861 года. Он, так же как и Феодор, утверждал, что будто давал показания во вред Игнатию по приказу Михаила III и Варды, которые, в успокоение совести свидетеля, внушали ему: «Ведь ты не был в Константинополе в день избрания Игнатия, а потому можешь заявить, что не видел, что в самом деле происходило избрание патриарха законным порядком». Затем Лев изъявил согласие подвергнуться покаянию и признал собор 869 года и Игнатия вполне законными. Но этим почему-то не удовлетворились члены собора, они потребовали от него, чтобы он анафематствовал как самого Фотия, так и всех осужденных собором; но на это Лев не сразу согласился. Он сказал, что анафематствуют только таких лид, которые отступают от веры, а Фотий православен, и потому он не может произнести анафему против него. На это легаты отвечали замечательной фразой, показывающей, как велика была ненависть этого собора к Фотию. Легаты объявили: «Дела Фотия горше всех ересей, ибо он орудие самого дьявола».^[266] Лев увидел, что не стоит спорить с таким собором, и произнес анафему на Фотия и на всех, кого подверг анафеме этот собор. После того вызваны были на собор еще одиннадцать лиц, принадлежащих к образованному классу общества и тоже обвинявшихся в даче ложных показаний против Игнатия на соборе 861 года. Между ними видим спа – фарокандидата (византийский чин) Евстахия, прото – спафария Константина, спафария Фотия, какого-то отставного диакона Анастасия и т. д. Все они говорили одно и то же, что давать показания против Игнатия их заставило насильным образом правительство Михаила III. Одни из них при этом объявили, что они уже исповедывались в своем грехе и понесли епитимью, а другие — что они об

этом не думали, но что они согласны подвергнуться церковному наказанию. Этим и кончился допрос наличных свидетелей против Игнатия. Ваанис вслед за тем сделал заявление, что одни из подобных свидетелей уже умерли, другие больны (?), третьи находятся в отсутствии.^[267] Легаты и патриарх Игнатий выразили желание, чтобы допрошены были все свидетели, какие только будут отысканы, причем последний заметил, что между такими свидетелями были и лица непочтенных профессий: конюхи, иголыцики (асуарии), ремесленники, ветеринары, — но и тех, сказал он, нужно подвергнуть допросу. Но императорские сановники, по-видимому, пожелали замять этот вопрос; они сказали, что в короткое время нельзя собрать всех свидетелей и что, с другой стороны, не назначать же ради них другой собор. Поэтому они предложили такую меру: прочие свидетели, какие будут отысканы, будут отсылаемы на суд Игнатия с митрополитами, так, чтобы патриарх с митрополитами, рассматривая их виновность, и определял им церковное наказание. Игнатий согласился на такую меру. Вслед за тем соборный нотариус прочел определение касательно епитимьи, какую назначил собор для лжесвидетелей, доселе еще не понесших церковной кары. Епитимья назначена была семилетняя с некоторыми смягчениями по мере истечения этого срока. В определении говорилось: «Кто из лжесвидетелей доселе не нес епитимьи и не каялся в своем грехе, подвергается семилетнему публичному покаянию: два первых года они должны стоять (во время богослужения. — **А. Л.**) вне церкви (разряд так называемых «плачущих». — **А. Л.**), затем следующие два же года могут стоять в церкви вместе с оглашенными, но без права принимать евхаристию (разряд «слушающих» — **А. Л.**), причем в течение этих

четырёх лет они обязаны поститься, воздерживаясь от вина и мяса, за исключением праздников Господних и дней воскресных; в остальные три года они могут стоять в церкви с верующими (этот разряд кающихся так и называется: «стоящие в церкви с верными». — **А. Л.**), могут принимать евхаристию, но только в Господни праздники, ^[268] пост для них смягчается: они должны воздерживаться от вина и мяса только по понедельникам, средам и пятницам». Это определяется для тех, кто сознались в своем грехе и искали врачевства в Церкви. Далее здесь же говорилось: «А кто из виновных не хотел прийти на собор, покаяться и взять на себя епитимью, таковые отлучаются от Церкви и предаются анафеме — до тех пор, пока не принесут покаяния». Не оставлены без внимания и те, кои ранее собора приняли на себя епитимью (таких было мало; да и свидетельство их о самих себе подозрительно); таким, по окончании принятой ими на себя епитимьи, разрешено было приступать к таинству евхаристии.

Впрочем, относительно всех, изъявивших раскаяние и пожелавших отбыть церковное наказание, предоставлено было Игнатию право смягчать и сокращать размеры духовной кары.

Дальнейшая соборная деятельность в течение того же заседания имела целью тоже обесславить Фотия, выставить его малопопечительным и небрежным пастырем своего словесного стада. Вызваны были те лица, которые принимали участие в кощунственных действиях и процессиях, устраивавшихся в присутствии императора Михаила III и по его приказанию. Главное лицо этих кощунственных игрищ, протоспафарий Феофил Грилл, уже умер, и явились на собор только три человека, виновные в указанном преступлении, спафарии — Марин, Василий и Григорий. Но прежде всего, конечно, нужно дать некоторое понятие о том, в

чем заключались кощунственные действия вышеуказанных лиц. При Михаиле, по его собственному почину, устроилось нечто подобное тому «всепьянейшему собору», какой был у нашего Петра Великого. Это было, с одной стороны, непристойное шутовство, с другой — нецелесообразный способ осмеять лицемерие и ханжество некоторых членов общества. Двенадцать из сотоварищей Михаила, сотоварищей по кутежам, носили титулы митрополитов, сам он называл себя архиепископом Колонийским. Роль патриарха играл вышеназванный Грилл. Кощунники облакались в священные одежды, пели безобразные песни на напевы церковных песней и даже будто бы позволили себе совершать комедийное действие причащения, причем вместо хлеба и вина употреблялись уксус и горчица. Эта толпа сотоварищей Михаила иногда позволяла себе публичное посмеяние над религией. Под руководством Михаила, с пением песен и игрой на музыкальных инструментах, она расхаживала по городу, делая вид, что совершается религиозная процессия, и принаровляя свои шутовства к тем дням, когда по церковному обычаю полагалось совершать крестные ходы.^[269] Вот из числа этих-то участников шутовских церемоний и вызвано было на собор 869 года три человека, почему так мало — не знаем. Происходит допрос Марина и двух его товарищей. Руководители собора сказали им: «Объясните, в чем вы обвиняетесь?» Они отвечали: «Михаил устраивал игрища, приказывая нам облакаться в архиерейские одежды, и не только нам, но и многим спафариям». «И вы в самом деле надевали священнические одежды?» «Да», — был ответ обвиняемых. «И полагали на главы ваши св. Евангелие?» «Точно так», — отвечали они же. «И вы совершали молитвословия?» Ответ дается

утвердительный. «Но кто же из вас совершал их?» «Протоспафарий Феофил, который уже умер», — отвечал Марин. Последовал вопрос: «Да как же они осмелились на такое преступное дело?» Обвиняемые в ответ на этот вопрос говорили, что они боялись не исполнить воли императора, так как они были людьми, зависимыми от императора, имели жен и детей, нуждавшихся в прокормлении, то и страшились потерять место при дворе. Мало того: они утверждали, что будто Михаил грозил им смертью в случае их непослушания и что будто некоторые лица, отказавшиеся от участия в кощунственных церемониях, за свое упорство были и в самом деле подвергнуты казни. На эти рассуждения обвиняемых легаты заметили: «Так неужели для них (Марина и его товарищей. — **А. Л.**) воля императора имеет такое безусловное значение, что они решились бы поклоняться и самим идолам, если бы этого захотел император?» Разумеется, ответ был дан отрицательный. Затем Марин и его сотоварищи, еще раз сославшись на принуждение со стороны императора Михаила, заявили, что они уже покаются в своем грехе перед патриархом Игнатием и несут положенную от него епитимью. После этого зашла речь по вопросу, который больше всего интересовал собор: видел ли Фотий собственными глазами кощунственные церемонии, совершавшиеся во времена Михаила. Очевидно, если бы было дознано, что Фотий видел это посмеяние религии и молчал, то этим самым доказывалась бы его небрежность в исполнении пастырских обязанностей. Марина и других спросили: «Видел ли Фотий кощунственные действия? » Вопрос ясно давался с целью получить на него утвердительный ответ. Но Марин и его сотоварищи, потому ли, что не получили на этот счет инструкцию от кого следовало, или потому, что не хотели кривить совестью, отвечали уклончиво. Они отвечали: «Не знаем, видел ли Фотий,

или нет», но при этом прибавили: «Бог свидетель, все это знали». Спрашивающие удовлетворились этим ответом, молча признав виновность Фотия в попустительстве.^[270]

В заключение собор определил наложить епитимью не только на тех лиц, которые были допрошены, но и на других участников преступления, почему-то не явившихся на собор. Эта епитимья объявлена в следующее заседание собора, причем подвергнутые наказанию не были снова вызываемы на собор. Вот и самая епитимья: «Те, которые в царствование Михаила насмехались над религиозными обрядами, играя роль епископов, и доселе не покаялись и не понесли церковного наказания, отлучаются от Церкви на три года. Один год они должны находиться в разряде «плачущих» и стоять во время богослужения вне храма; другой год они могут стоять в храме, но вместе с оглашенными; на третий год им позволено стоять вместе с верными, и только по истечении этого последнего года они могут принимать св. причастие».

^[271] После некоторых других деяний (именно допроса мнимых местоблюстителей Фотиева собора 867 года — о чем было сказано нами раньше, — обычных провозглашений многолетий и вечной памяти) заседание ^[272] закончилось. В латинской редакции актов к вышеизложенному присоединено несколько виршей, направленных против Фотия, но не сказано, читались ли они на соборе или нет. В них Фотий назван человеком, который наполнил мир раздорами, был еретиком, низверг законного патриарха, был сопатриархом шута (Гриллы), подвергал наказаниям несчастный клир, обращал веру в злохуление и т. д.

Десятое и последнее заседание собора было самым торжественным. Оно происходило 28 февраля 870 года. На нем присутствовали император и его сын

Константин, сто девять лиц архиерейского сана, если включать сюда Игнатия, легатов и местоблюстителей, [\[273\]](#) двадцать византийских патрикиев, многочисленное посольство от болгарского князя и, наконец, три посланника западного императора Людовика II, Анастасий Библиотекарь, Суппон, родственник западной императрицы Ингельберги и один придворный Людовика. Эти три посланника прибыли в Константинополь для переговоров о заключении брака между сыном Василия (Константином) и дочерью Людовика, а также для заключения союза против сарацин. [\[274\]](#)

На этом заседании прежде всего происходило чтение церковных правил, составленных собором. Этих правил довольно много (по греческому тексту 14, а по латинскому 27), и они изложены очень подробно. [\[275\]](#) Для нашей цели нет надобности передавать содержание всех правил. Ограничимся немногим. Во-первых, познакомимся с теми правилами, которые касались, так сказать, «злобы дня», сочинены были в видах борьбы с фотиянами, а во-вторых, с некоторыми правилами, касающимися общего положения Церкви и представляющими нечто оригинальное. Во 2-м правиле этого собора повелевалось строжайшим образом соблюдать то, что определено папами Николаем и Адрианом по делу Игнатия и фотия, причем замечено, что лица духовные, противодействующие этим определениям, будут лишаемы сана, а миряне и монахи того же рода будут отлучаемы от Церкви. Другим правилом (пр. 4) постановлено, что Фотий не был и не есть епископ, что все лица, посвященные им во все иерархические степени, лишаются этих степеней, что лица, возведенные им в начальники монастырей (архимандриты), теряют свои должности, что храмы, освященные Фотием или епископами его

рукоположения, должны быть снова освящены. Еще одним правилом постановляется: все епископы и клирики кафедрально го храма в Константинополе, получившие посвящение от предшественников Фотия — Мефодия и Игнатия, но потом перешедшие на сторону Фотия и не изъявившие послушания этому собору, низлагаются и не должны быть принимаемы в клир, и в том случае, если они раскаяются, снисхождение может быть им оказано лишь в том отношении, что в случае раскаяния пусть допускаются к причащению наряду с мирянами (по лат. пр. 25, в греч. его нет). Так как между фотианами было много лиц образованных, занимавшихся преподаванием богословских и светских наук, а также искусством живописи, то одним из правил определено (пр. 7) всех лиц, анафематствованных собором (т. е. фотиан), лишить права преподавать науки и писать иконы. Таковы меры собора, принятые им для борьбы с фотианами. Собор хочет стереть с земли все, что напоминало о Фотии и его приверженцах. Всем известно, что такая попытка не имела никакого успеха, а почему — об этом речь впереди. Из числа правил с общим содержанием заслуживают внимания следующие: во-первых, то, которым воспрещено на будущее время быстрое возведение в церковные должности лиц светских; так, в этом правиле (пр. 5) говорилось, что прежде возведения в епископы известное лицо один год должно быть чтецом, два года иподиаконом, три года диаконом и четыре года священником; а кто возводится в епископы, обойдя эти посредствующие ступени, тот лишается сана. Очевидно, правило вызвано историей поставления Фотия в патриархи. Другими правилами общего содержания охранялась власть и честь Церкви от вмешательства и вторжения светского правительства. Определено было (по греч. пр. 12, а по лат. — 22), чтобы избрание епископов происходило на соборе **епископов**,

причем ни царь, ни его уполномоченный не должны присутствовать под опасением анафемы, за исключением случая, если этого пожелает сам собор епископов; с той же целью оградить авторитет Церкви постановлено, чтобы светское правительство не препятствовало епископам собираться на собор и чтобы на поместных соборах не появлялся император: император может присутствовать только на Вселенских соборах (по греч. пр. 12, по лат. — 17). Для ограждения чести епископов постановлено следующее: ввиду того, что иные епископы низкопоклонничают перед царями и другими правительственными лицами — при встрече с этими последними сходят с лошади и даже с поклоном повергаются на землю, то вперед все подобное запрещено делать цод угрозой церковных наказаний как для епископа, низкопоклонствующего, так и правителя, приемлющего поклонение (по греч. пр. 11, по лат. — 14).

Собор 869 года смотрел на себя как на Вселенский; а так как на действительных Вселенских соборах всегда провозглашалось составленное на них вероопределение, то и этот собор должен был сделать то же самое. Но так как на нем не было решено никакого догматического вопроса, то вероопределение этого собора вышло совершенно бессодержательным. В указанном вероопределении объявлялось о необходимости принимать семь Вселенских соборов, причем этот собор провозглашен восьмым Вселенским собором, говорилось об осуждении Фотия и его приверженцев и т. д. Вслед за тем прочитана была речь императора, в которой, между прочим, говорилось, что всякое духовное лицо или мирянин В случае противодействия определениям этого собора будет беспощадно изгоняем из столицы — Константинополя. Затем той же речью внушалось мирянам, что они должны быть послушны в отношении к пастырям и

прочее в этом роде. После этого император спросил у членов собора: довольны ли они определениями собора? Все, конечно, дали ответ положительный. Легаты обратились с просьбой к императору о том, чтобы он своей подписью утвердил деяния собора. Император изъявил согласие, но, и из уважения к собору, и следуя примеру императоров Константина Великого, Феодосия I и Маркиана, пожелал подписаться после всех епископов (ничего такого о вышеупомянутых императорах, впрочем, неизвестно). Но легаты упросили императора подписаться, по крайней мере, после имен патриарших местоблюстителей. Начались подписи. Подписывались под актами в пяти экземплярах, по числу патриарших кафедр. Император и его сын не только подписали свои имена, но и поставили знак спасительного креста. Этим и кончилось десятое [\[276\]](#) заседание собора.

Римско-католический историк Гергенрётер говорит: «Принимая во внимание великое число епископов в тогдашнем Византийском патриархате и сравнивая собор 869 года с позднейшим собором при патриархе Фотии, первый (собор. — **А. Л.**) представляется слабым по числу его членов: такого малого количества епископов не было ни на одном из прежних Вселенских соборов». Тот же ученый находит объяснение этого странного явления в «том духовном преобладании, в том безмерном влиянии, какого достигла личность Фотия в среде его приверженцев, так что воля самого императора не могла заставить фотиан подчиниться собору». [\[277\]](#)

Дорогие гости византийского императора и патриарха, легаты римские, недолго оставались в Византии по окончании собора. В марте они собрались в обратный путь. Император задал им пир и богато одарил их. Спафарий Феодосий проводил легатов до

Диррахиума, но о безопасности дальнейшего пути своих гостей император не позаботился. А их между тем ожидало несчастье. Во время морского путешествия на них напали пираты — славяне и забрали их в плен. Напрасно папа ожидал возвращения своих легатов: они исчезли. Потом, когда папа узнал о судьбе их, он принял все меры к освобождению несчастных из плена; но прошло немало времени, прежде чем эти старания увенчались успехом. Только в декабре 870 года, после тяжких испытаний, возвратились легаты восояси. Само собой понятно, они были ограблены — и самая драгоценная вещь, подлинные акты собора 869 года, пошла прахом, пропала.^[278] Итак, папа Адриан лишился удовольствия видеть позор Восточной Церкви, те собственноручные подписи византийского царя и патриарха и некоторых восточных епископов, подписи, которые бы могли доставить так много радости папе ценой неслыханного унижения Восточной Церкви.

На Западе собор 869 года признан Вселенским, и он считается таким доныне. При своем посвящении папы произносят древнюю клятвенную формулу, в которой этот собор причисляется к числу Вселенских, а правила этого же собора внесены во все католические собрания церковных канонов.^[279]

Не то видим на Востоке. Патриарх Фотий тотчас по окончании собора объявил его «варварской засадой», комедией, где «давались представления, как на сцене», сборе «неистовых корибантов и вакхантов», собранием, которое само себя «покрыло стыдом».^[280] Впоследствии Фотий постарался уничтожить всякую память об этом соборе в Восточной Церкви. И его благородные усилия имели полнейший успех. Забвения, полного забвения — вот чего достиг в скором времени этот собор на Востоке. Прошло немного времени после того, как был собран этот собор — и он теряет всякое

значение здесь. **«Забыв собор, остались без употребления и его правила, ни один греческий канонист не комментирует этих правил, ни один юридический сборник не приводит их текста, они как будто бы сквозь землю провалились, и только немногие греческие рукописи сохранили сокращенный текст актов этого собора».**^[281]

Такова была судьба собора 869-870 годов на Востоке. И эта судьба была вполне заслужена собором.

III. Собор 879-880 годов, называемый Собором в храме Св. Софии

/

Обстоятельства, при которых Фотий снова сделался патриархом; тяжкое положение Фотия и его приверженцев после собора 869 года, но в то же время твердость и верность фотиан своему вождю; слабость и бессилие партии Игнатия; болгарский церковный вопрос IX века; улучшение в положении Фотия; стремление императора Василия примирить две церковные партии в Византии; смерть Игнатия; Фотий снова патриарх; сношения с папой Иоанном; почему папа склоняется признать Фотия законным патриархом? Собор Константинопольский 879—880 годов: общие замечания об этом соборе. Суждение об его актах.

У большинства ученых утвердилось мнение, что в Византии и Византийской империи епископы были в полном рабском подчинении императорам, что Церковь была послушным слугой государства, что воля светских властителей была законом для иерархов. Для обозначения этих отношений светской и церковной власти в западной науке употребляется варварское слово: цезаропапизм, которым указывается, что будто в Византии императоры в то же время были и первосвященниками, т. е. такими же полновластными распорядителями в делах церковных, как и в делах светских, гражданских.

Такой взгляд на отношение Церкви и государства в Византии образовался отчасти вследствие непонимания

тех тесных, близких отношений между светским и церковным правительством, какие существовали в Византийской империи.^[282] И одним из сильных доказательств неосновательности разбираемого взгляда служит история патриаршества Фотия.

Если бы власть гражданская была действительной руководительницей Церкви, то низвержение Фотия с патриаршества, происшедшее по воле императора Василия Македонянина, не должно бы было вызвать никаких нестроений в Византии: смена одного патриарха другим принята была бы равнодушно, без противодействия, как очень обыкновенное дело. Но то ли видим в действительности?

После Константинопольского собора 869 года Фотий потерял всякое значение в Церкви. Его патриаршествование объявлено незаконным, сам он выставлен был человеком очень невысоких нравственных правил, правительство было явно претив него. Его прежним многочисленным приверженцам, по-видимому, ничего не оставалось делать, как подчиниться императорской воле. Но этого не случилось. Фотий и его приверженцы из числа духовенства хорошо понимали, в чем можно и должно уступать власти светской и в чем уступать не должно. Партия Фотия одушевлена была, как это раскрыто было раньше, такими интересами, отступить от которых она не могла, потому что эти интересы были дороги для Церкви. Отказаться от них значило бы забыть, что епископы должны служить благу Церкви до самоотвержения. Эта партия, одушевленная сознанием блага Церкви, ни в чем не хотела уступать требованиям и желаниям тогдашнего правительства. И светское правительство наконец увидело себя лишенным возможности бороться с партией фотиан, уступило во

всем этой последней. Фотиане восторжествовали. Посмотрим, при каких обстоятельствах это произошло.

По окончании собора 869 года сам Фотий поставлен был в такое стеснительное положение, что, смотря со стороны, можно было подумать, что теперь для Фотия все потеряно. По императорскому приказу этот патриарх сослан был в Стенос, гавань на европейском берегу, где было немало монастырей; здесь его держали так, как держат государственных преступников. Свое тягостное положение описывает сам он в письмах. В одном письме он писал: «Не говорю о чем-либо ином, я требую просто, чтобы соблюдались в отношении ко мне права человека. Варвары и греки, желая наказать человека, лишают его жизни; но если кому они даруют жизнь, то не стараются голодом и тысячью других бед убивать этих же людей. А моя жизнь хуже смерти, Я заточен, разлучен с родственниками, друзьями, лишен слуг, у меня отнято всякое человеческое утешение. Когда апостол Павел был в узах и веден на смерть, ему оказывали помощь друзья и ученики. Язычники, враги Христовы, не отказывали Ему в сострадании; и давно уже — не говорю — епископ, но ни один преступник не переносил столько, сколько я. У меня отняты самые книги — вот новое, доселе неизвестное наказание, изобретенное собственно для меня. И зачем это? Затем, чтобы я не мог читать Слова Божия». Ввиду своего тягостного положения Фотий находит, что для него смерть была бы лучше этой несчастной жизни.^[283] В другом письме, излагая жалобы на свое грустное положение, Фотий пишет, что 30 дней он лежит больной, и всякая просьба о присылке к нему врача остается без удовлетворения.^[284] Не лучше было положение и духовенства, твердо державшегося стороны Фотия. Фотий в самых мрачных красках изображает состояние епископов, разделявших

с ним кару, положенную собором 869 года и усугубленную византийским правительством.^[285] Но с течением времени положение Фотия, а с ним и всех его приверженцев, улучшается. Не уступчивостью добивается Фотий такого изменения, а твердостью и верностью своим началам. Уступает не Фотий, а светское византийское правительство.^[286] Немало времени ожидал византийский император, что сам Фотий и приверженные к нему епископы подчинятся определениям собора 869 года, что, по крайней мере, большинство фотианских епископов войдут в единение с патриархом Игнатием, признав себя виновными и испрашивая милости и пощады от патриарха. Ничего такого не было видно. Все епископы, прежде державшиеся стороны Фотия, и по его низвержению оставались верными ему. Из всех епископов, которые возведены были им в этот сан, ни один не отпал от него, не увлекся какими-либо расчетами честолюбия и выгод; почти все они оказывали решительное сопротивление несправедливым распоряжениям правительства. Даже епископы, некогда посвященные самим Игнатием, но потом перешедшие на сторону Фотия, и те не изменили Фотию со вторичным восшествием Игнатия на патриаршую кафедру. Ни один из всех перечисленных епископов не дерзал возводить каких-либо обвинений на Фотия; соборное осуждение против него несколько не изменило их отношений к низверженному патриарху. Большинство епископов и других духовных лиц Константинопольской Церкви оставалось, вопреки ожиданиям, на стороне Фотия. Этому факту не могут не отдавать справедливой дани удивления и современные нам замечательнейшие католические писатели, при всем их нерасположении к личности Фотия. Известный католический ученый Гефеле с удивлением замечает, рассматривая времена уничижительного положения

Фотия, что «ни один из всех епископов, посвященных Фотием (а таких было множество. — **А. Л.**), не перешел на сторону Игнатия». ^[287] Так же и другой, не менее знаменитый католический ученый Гергенрётер, при всем желании унизить Фотия, не может умолчать о том обаянии, какое производил Фотий, и о той привязанности, какой пользовался он в среде большинства епископов во дни своего несчастья. Названный ученый говорит: «Во дни своего благополучия Фотий умел настолько привязать членов своей партии друг к другу, что и во дни своего несчастья не только мог противодействовать разложению своей партии, но даже находил средства еще более укреплять связь между ее членами». «Фотианская (?) Церковь, — замечает он, — представляла собой хорошо организованное иерархическое общество». В самом деле, достойно удивления, какую великую деятельность развивает Фотий в ссылке, как сумел он сгруппировать около себя своих приверженцев, насколько верными они оставались ему. Он с самых первых пор своего заточения мог хвалиться, что из всех епископов, которых он посвятил и которые, подобно ему, были в изгнании, ни один не отступился от него, ни один не увлекся обстоятельствами времени, почти все они оказали решительное сопротивление воле правительства. Даже из тех епископов (что казалось особенно непонятным, по замечанию того же Гергенрётера. — **А. Л.**), которые посвящены были Игнатием и его предшественником Мефодием, — и из них большая часть оставалась на его стороне, и казалось, что самые враги его теперь хотели переходить на его же сторону». ^[288] Император Василий, принизивший Фотия и его партию, должен был понимать, что борьба с ним не под силу и

византийскому императору, который считал себя прямым наследником древнеримских государей. Власть царская чувствовала себя вынужденной сдаться, уступить требованиям партии гонимой. К этой мысли тем больше должно было приходить византийское правительство, когда оно видело, чем была партия Игнатия, как мало она походила на партию фотианскую. Положение Игнатия, несмотря на то, что он утвержден был на патриаршество мнимовселенским собором, несмотря на всякую поддержку, какую оказывала ему власть гражданская, положение его было жалкое. Он решительно был не в состоянии искоренить нестроения церковные, умиротворить Церковь. Хорошо организованная и проникнутая духом своего вождя партия Фотия не только отказывала Игнатию в подчинении, но и не соглашалась ни на какие сделки, ни на какие уступки со своей стороны; она тем явно заявляла о своих правах, столь несправедливо попранных правительством. Игнатию оставалось только соболезновать, что большая часть его избранного стада отделилась от общения с ним. В Константинопольском патриархате возникли прискорбные беспорядки: во многих городах явилось по два епископа, из которых один принадлежал к партии Фотия, другой был поставлен Игнатием и признавал его авторитет, и между ними происходили распри из-за кафедры, соблазнительные для пасомых. Даже те немногие епископы, которые стояли на стороне Игнатия, были нерешительны, поддавались колебаниям. Для них было ясно, что положение Игнатия в Константинопольской Церкви было плачевно. Умирали один за другим более ревностные из приверженцев Игнатия в духовенстве, а места их нечем было пополнить, потому что новое поколение было под сильным влиянием Фотия. Вот что представляла из себя партия Игнатия, стоявшая теперь у кормила церковного правления. Император Василий

не мог не видеть, что так дела идти долго не могут. Игнатий и его приверженцы оказались ниже той задачи, совершить которую они были призваны обстоятельствами времени. Василию должно было представляться такое соображение: если Игнатия с его союзниками считать действительно Церковью, то выходило бы, что Церковь умалается и вымирает, а это было противоречием понятию о Церкви. Для правительства открывалась вопиющая необходимость так или иначе, и чем скорее, тем лучше, содействовать коренному изменению в течении церковных дел. И Василий, без сомнения, хорошо понимал, что нужно сделать для блага Византийской Церкви, — вопрос был лишь в том, каким образом совершить самую церемонию, и этот вопрос, как увидим впоследствии, разрешился благополучно.

Кроме вышеуказанных обстоятельств, дававших понимание византийскому правительству, что Фотий и приверженные к нему епископы должны быть выведены из того унижения, какому они были подвергнуты, к этой же цели склоняли и споры Константинопольской Церкви с папами из-за Болгарии. Болгарский церковный вопрос, возникший незадолго перед этим, успел много наделать неприятностей для Константинопольской Церкви и не только не распутался во время второго патриаршества Игнатиева, но еще более запутался, и Игнатий не в состоянии был помочь его благополучному разрешению.

[\[289\]](#) Так как к болгарскому церковному вопросу весьма часто обращаются члены Константинопольского собора 879 года, о котором у нас дальше и будет речь, то мы постараемся очертить в кратких чертах историю этого вопроса, — тем более что в предшествующих отделах нашего исследования мы совсем не говорили о нем, хотя это и нужно было, не говорили потому, что желали впоследствии остановиться на нем при удобном случае

и передать сведения о нем в целом, а не в отрывочном виде.

Еще во времена первого патриаршества Фотия, при жизни папы Николая, между Римом и Константинополем возник спор: должна ли Болгарская страна принадлежать юрисдикции папской или юрисдикции патриарха Константинопольского? Вопрос этот на практике решался самим болгарским народом, но этим не всегда был доволен Константинополь и еще менее — Рим. Болгары, принявшие крещение во времена первого патриаршества Фотия,^[290] позволяли себе то подчиняться юрисдикции Константинопольской Церкви, то Римской; отсюда являлась возможность для каждой из этих Церквей заявлять свои притязания по отношению к болгарам. В сущности, спорный болгарский церковный вопрос возник следующим образом. До IX века, до времени царя Бориса в Болгарии, в этой стране, как кажется, не было систематического миссионерства ни со стороны Востока, ни со стороны Запада. Правда, здесь были христиане и до этого времени, и христиан немало, но это были христиане, случайно обратившиеся к вере евангельской. Так дело шло до правления царя Бориса, который решился принять христианство сам и окрестить весь народ. Рождался вопрос: от кого именно принять христианство, — от греков или латинян? Христианство болгар до этого времени не сблизило этой страны ни с Византией, ни с Римом. Вопрос, однако, решен был в пользу греков. К грекам обратили болгар случайные обстоятельства. Болгарию постиг страшный голод; поиски хлеба заставили болгар вторгнуться с оружием в руках в пределы Византийской империи.^[291] Нападение было удачно, но когда готовившиеся отразить болгар греки предложили мир, царь болгарский, согласившись на мир, в то же время

выразил желание принять вместе со своим народом христианство. Решившись креститься тотчас же на самом месте мирных переговоров, он крещен был в присутствии византийского императора Михаила III, который был его крестным отцом, в знак чего Борис принял христианское имя Михаила. Крещение совершил, вероятнее всего, патриарх Фотий. Это случилось или в 864, или 865 году. Таким образом, болгарский народ на первых же порах признал юрисдикцию Константинопольской Церкви. Но вскоре, однако же, дело изменилось. Царь Борис также быстро отступается от подчинения константинопольскому патриарху, как быстро и неожиданно крестился по восточному обряду. Прошел год или два со времени его крещения, как он вдруг обращается к Римской Церкви и хочет присоединиться к ней, подчиниться ее церковной юрисдикции. Можно полагать, что болгары уstraшились той зависимости, в какую они могли стать к империи Византийской. Греки, из желания полнее господствовать над болгарам, не хотели дать им не только отдельного митрополита, но даже и епископов, и хотели посылать от себя только священников. Это показалось оскорбительным для болгар и опасным для их самостоятельности государственной, и потому Борис решился обратиться к папе. Не получив удовлетворения своим требованиям от греков, Борис имел полное право рассчитывать на большую уступчивость со стороны Рима, потому что Рим должен был воспользоваться этим случаем, чтобы привлечь Болгарию на свою сторону от греков. Сношения Бориса с Римом относятся к 866 году. [292] Папа, со своей стороны, присылает в Болгарию для утверждения в ней христианства двух епископов и священников и решается на первый раз дать одного епископа на всю страну. Началось обращение болгар к Церкви латинской. Таким образом, Болгария, по

стечению обстоятельств, подчинилась и латинской Церкви, и Рим, очевидно, получил такую же возможность претендовать на подчинение себе Болгарской Церкви, как и Константинополь. Сама Болгария сделалась местом борьбы греческого и латинского духовенства, присланного сюда с той и с другой стороны. Все это происходило во времена папы Николая и первого патриаршества Фотиева. Но проходит некоторое время, и болгары отпадают от латинской Церкви и снова ищут общения с Константинопольской Церковью. Это случилось вследствие того, что болгары обманулись в свои надеждах на папу, ради которых они обратились к латинянам. Папа Николай не хотел дать Борису в епископы Болгарии тех лиц, каких хотелось царю болгарскому, а предлагал ему таких кандидатов, которые не были по сердцу Борису. Переписка Бориса с папой по этому поводу была продолжительна; упорство папы раздосадовало Бориса, и он решился снова присоединиться к Константинопольскому патриархату. Дело было скоро улажено между Борисом и Византией, оставалось только придать ему вид законности.^[293] Собор 869 года, на котором осужден был Фотий и который подавал такие богатые надежды папе, дал к тому желанный случай. Болгарский церковный вопрос рассматривался не на самом соборе, а на заседании добавочном, происходившем во дворце; на этом заседании присутствовали, впрочем, все главные представители собора 869 года. Дело происходило так: на заседание вызваны были послы от болгарского царя Бориса, очевидно, нарочно прибывшие в Константинополь с целью достигнуть соборного утверждения союза болгарского народа с Константинопольским патриархатом. После взаимных приветствий болгарские послы заявили: «Еще недавно

мы (болгары. — **А. Л.**) были язычниками, а теперь удостоились благодатного христианства. Не желая впасть в заблуждение в каком-либо отношении, мы просим представителей патриарших кафедр разрешить наш вопрос: «Какой Церкви (патриархату) мы должны принадлежать и подчиняться?»» Папские легаты сказали: «Конечно, Римской, ибо ваш царь со своим народом отдал себя Римской Церкви, да и через одного из вас папа дал указания касательно христианской жизни вашего народа, от папы же получили вы епископов и священников». Болгарские послы на это сказали, что они воздают папе всякую честь, и затем прибавили: «Мы просим, чтобы папские легаты с другими представителями патриарших кафедр рассмотрели: какому патриархату они (болгары. — **А. Л.**) должны принадлежать по законам?» Легаты на это сказали: «Мы не имеем права решать этого вопроса, нам не дано от папы указания на этот предмет; но, во всяком случае, несомненно, что вы должны быть подчинены Римской Церкви». Уполномоченные патриархов спросили болгар: «Кому принадлежала страна в то время, когда вы ее заняли, и какие здесь были тогда священники, греческие или латинские?» Болгары заявили: «Эта страна отнята нами у греков, и здесь мы встретили греческих священников». Тогда представители патриархов сказали: «Значит, болгары принадлежат Константинопольскому патриархату». Это, однако же, показалось папским легатам неубедительным, и они представили несколько оснований, по которым болгары должны подчиняться авторитету папы; оиш указывали на папские декреты, из которых открывается, что папская власть раньше простиралась на те страны, в состав которых входит и Болгария; далее они ссылались на то, что болгары сами добровольно подчинились Римской кафедре и папской власти; наконец, они не преминули указать и на то, что

просвещение христианством болгар стоило папской кафедре многих трудов, что уже более трех лет Римская Церковь утвердила свою власть в Болгарии и что в настоящее время **там** находится латинский епископ Гримоальд, как хорошо знают это и сами болгарские послы. Представители восточных патриархов хотели было критически разобрать каждое из тех оснований, какие привели сейчас легаты. Но последние не позволили **им** этого сделать. Они с гордостью сказали: «Апостольская кафедра (Римская. — **А. Л.**) не выбирала вас своими судьями; вы ниже папы, и судить его **вам** не пристало; да и мы сами этого делать не станем, потому что один папа имеет право судить все другие Церкви. ^[294] К тому же нам не дано поручения рассматривать этого дела, предоставим решение папе. Он имеет достаточно документов, чтобы защитить свои права, и, конечно, он с такой же легкостью в ничто обратит ваши притязания, с какой легкомысленностью вы заявляете ваши притязания». В этих словах легатов заключалась явная укоризна и порицание по адресу представителей восточных патриархов. Последние, понятно, остались недовольны таким тоном и словами легатов и захотели заплатить им той же монетой. Они сказали: «Неприлично, чтобы вы (римляне), отпадшие от союза с Греческим царством и отдавшиеся во власть франков, имели право поставлять епископов и прочих духовных лиц в стране Греческой империи. Мы объявляем, что так как Болгария принадлежала к Греческой империи, то она должна находиться в подчинении константинопольскому патриарху». Это окончательно вывело из себя папских легатов, они закричали: «Вас никто не призывал в судьи, вы произносите суждение, как гордецы и люди пристрастные; ваше суждение мы объявляем во имя Св. Духа лишенным всякого

значения». Затем, обращаясь к патриарху Игнатию, легаты сказали: «А тебя, патриарх Игнатий, именем Бога и Его ангелов заклинаем, чтобы ты, сообразно с посланием папы Адриана, который восстановил тебя в должности, не вмешивался в дела Болгарии, не посвящал никого для этой страны и не посылал туда кого-либо из духовных лиц, принадлежащих твоему ведению. А если ты считаешь указанные притязания имеющими основательность (чего мы не думаем), то обратись за разрешением к Римской Церкви, твоей защитнице». При этом легаты вручили Игнатию папское послание, касавшееся Болгарии. Но Игнатий, приняв письмо, не стал тотчас читать его и отвечал следующей, очень неопределенной фразой, что он будет остерегаться всего такого, что может послужить к оскорблению Римской Церкви, и что он не так молод и не так стар, чтобы позволить себе несообразное со справедливостью.^[295] На этом и кончились прения. Очевидно, каждая сторона считала себя правой: Византия — себя, а Рим — себя. Но нет никакого сомнения, что права Константинополя на управление Болгарскою Церковью гораздо тверже, чем права Рима. И это можно легко доказать, с полным беспристрастием. В самом деле, болгары были первоначально крещены византийцами; затем они по собственному желанию впоследствии приняли епископов и священников латинского обряда, но не надолго; наконец, болгары без всякого принуждения снова переходят от латинской Церкви к греческой. Очевидно, желание папы господствовать над Болгарией было прямым насилием над христианской совестью болгар. Папы никак не хотели понять, что нельзя народу, самостоятельно ведущему свою политическую жизнь, навязать священников, которые ему неуютны. Что этой простой истины папы понять не хотели, это

видно из того, что двое пап — Адриан и за ним Иоанн — не раз обращаются в Константинополь к патриарху Игнатию с требованием отозвать из Болгарии греческое духовенство. Игнатий вконец изнемог в препирательстве с папами из-за Болгарии. И это хорошо видел император Василий. Было ясно, что для успешной борьбы с притязательностью пап нужен муж более энергичный, опытный, умный, чем Игнатий. Но кто же мог взяться за это дело, кроме Фотия с его талантами, с его ревностью, какой он заявил себя прежде в охранении Константинопольской Церкви, с его искусством, потребным в данном случае? И вот, таким образом, и вопрос болгарский, слишком обострившийся, мог побуждать Василия Македонянина призвать к патриаршей власти снова Фотия.

Мы перечислили те обстоятельства, которые заставили императора Василия обратить свои взоры на Фотия и его партию. Император нашел себя вынужденным более и более сблизиться с партией опального патриарха. Он понял, что мира и благосостояния дотоле не будет в Византийской Церкви, пока эта многочисленная партия будет в унижении. Он сам решается стать на сторону Фотия. Дело это начинается возвращением Фотия из заточения. Василий дает ему для жительства Магнаврский дворец в столице, поручает ему воспитание и образование своих детей. Не довольствуясь этим, Фотий открывает школу и для детей высшего византийского общества, становясь учителем в ней. Он собирает библиотеку и становится, как и раньше, центром научного просвещения в Константинополе. Прежние враги быстро делаются его друзьями. Авторитет его, кажется, еще более возрос. Эта перемена в положении Фотия относится ко второй половине 876 года. Но император не хотел останавливаться на этом. Он увидел, как необходимо призвать к деятельности на пользу Церкви

и всех фотиан, помилив их с игнатианами, разумеется, на условиях, которые были бы почетны и легко приняты первыми. Но это сделать император не счел удобным без сношения с папой. Папа своей поддержкой игнатиан поставил Константинополь в неприглядное состояние; папа же, по мысли Василия, и должен был устроить примирение двух дотоле враждебных партий. Такой шаг императора вызывался и тем соображением, что авторитет папы заставит и византийское общество скорее и легче примириться с тем изменением в положении Церкви, о каком замышлял император. Если к помощи папы обращались для того, чтобы низвергнуть Фотия, то понятно, что волей-неволей к тому же папе должны были обратиться за содействием и для восстановления Фотия и его партии. Поэтому император завязывает сношения с папой Иоанном VIII, преемником Адриана. Нужно сказать, что весьма трудно было поправить положение церковных дел в Константинополе, испорченных собором 869 года. Ведь был еще жив Игнатий. Каким же образом придвинуть фотианскую партию и в особенности Фотия к кормилу церковного правления, не устранив и не унизив патриаршее достоинство Игнатия? Вообще трудно сказать, к чему привели бы сношения Василия с папой Иоанном, предпринятые в видах примирения фотиан с игнатианами, если бы вскоре не умер Игнатий и тем не развязал всем руки. Еще император не успел получить от папы ответа на интересующий его вопрос, как Игнатий скончался (877 года 23 октября). [\[296\]](#)

Смерть Игнатия, глубокого старца, смерть благочестивая, закончившая благочестивую жизнь его, невольно примиряет с теми ошибками, увлечениями, недальновидными поступками в управлении Церковью, какими он не раз заявлял себя в продолжение многолетнего двукратного патриаршества. Вот

трогательные по своей простоте подробности смерти Игнатия, передаваемые его биографом Никитой Пафлагонянином. Восьмидесятилетний Игнатий на смертном одре. Была полночь. Келейник, обязанный читать молитвословия при постели болящего патриарха, громким голосом возгласил: «Благослови, владыко». Игнатий был так слаб, что вместо ответа осенил крестом свое чело и тем дал знать, чтобы начиналось чтение. Затем едва внятным голосом спросил: «Какого святого сегодня празднует Церковь?» Ему отвечали: «Иакова, брата Господня, твоего друга». Патриарх поправил говорящего: «Не друга, а моего владыки». Спустя некоторое время он сказал: «Живите благополучно» и умер со словами: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь».^[297] Заметим, что Игнатий высоко чтит память Иакова, брата Господня, так как из Иерусалима во время второго патриаршества ему присланы были омофор и некоторые иные священные одежды, по преданию, принадлежавшие св. Иакову.

Смерть Игнатия положила конец тем затруднениям, с какими приходилось бороться Церкви Византийской в ее стремлении к лучшему устройству и водворению мира. На третий день по смерти Игнатия Фотий снова появляется на патриаршей византийской кафедре. Событие это едва ли могло кого-либо поразить в то время. Все смотрели на Фотия как на самого достойного преемника Игнатия, — все и во главе всех император Василий, хотя поздно, но понявший, какую ошибку сделал он, низвергнув Фотия с патриаршества несколько лет тому назад. Не разделяли общей радости по случаю восшествия Фотия на патриаршество лишь лица, беззаветно преданные Игнатию; но таких было очень мало. Теперь снова начались сношения между Константинополем и Римом, и цель этих сношений была

более определенная, чем в конце правления Игнатия. Теперь искали, чтобы Рим признал Фотия законным патриархом Византии и чтобы это признание было совершено торжественно на соборе в том же Константинополе, где несколько лет ранее тот же Фотий если не торжественно, то с претензиями на торжественность был осужден.

По-видимому, трудно было ожидать, чтобы папа Иоанн VIII, уже имевший случай выразить свою притязательность в отношении к Константинопольской Церкви, без затруднения признал Фотия законным патриархом или, по крайней мере, не поставил каких-нибудь тяжелых условий. Признать Фотия патриархом, и в самом деле, для папы было весьма нелегко. Решиться на этот шаг значило бы решиться на многое: значило лишить значения те декреты, которыми папы Николай и Адриан всячески порицали Фотия; значило попортить авторитет собора 869 года, на котором был проклят Фотий и который считался на Западе восьмым Вселенским; и значило разорвать связи с Игнатиевой партией, на которую доселе опирались папы на Востоке в своих притязаниях; значило чуть не придать авторитет тем проклятиям, которыми громил Фотий папу Николая, — словом, всей многолетней политике пап в отношении к Востоку дать совершенно другой оборот: прежнего нечестивца и презрителя законов, т. е. Фотия, теперь нужно было назвать достойным патриархом, своим истинным братом. Все это должно было полагать препятствия для признания от папы патриархом Фотия. И однако же Иоанн VIII решается сделать шаг, который, конечно, осудили бы его предшественники — Николай и Адриан, — войти в общение с Фотием и примириться с фактом восстановления его на патриаршестве. Делая такой шаг, папа мог утешать себя таким соображением, что Игнатий умер, следовательно, кафедра

Константинопольская сделалась вакантной, и, следовательно, на нее имел право взойти новый патриарх, — будет ли то Фотий или кто другой — все равно, но за Фотия хлопочет император византийский, а потому он и должен быть признан в патриаршем достоинстве. Таким соображением мог утешать себя Иоанн в своем поступке, которого он, однако же, по чистой совести, не мог одобрить. Все же являлось противоречие в деятельности пал, чего преемники апостола Петра (как величали себя папы), присвоившие себе главенство в Церкви, не могли допускать со спокойной совестью. Признать Фотия патриархом побудило палу не сознание законности этого дела, а своекорыстные расчеты; пала увидел себя вынужденным поступиться своими правилами, своими идеалами и притязаниями ввиду тяжелых обстоятельств, в которых находилась в это время Папская область. Дело в том, что политическое положение папы представляло жалкий вид. Сарацины почти завладели Италией; некоторые владетельные итальянские династии также грозили самостоятельности папских владений. Иоанн искал себе помощь во Франции, но обманулся в своих надеждах. И куда ни обращался на Западе пала за помощью, везде встречал лишь бессилие, беспорядки, анархию. Папа было пробовал уже откупиться от нападений сарацин деньгами, но это помогло лишь на время. В мае и июне 879 года папские владения подверглись новым опустошениям. При таких условиях папа решается купить союз с Византией какой угодно жертвой. Иоанн надеялся, что император Василий окажет ему помощь войсками в вознаграждение за его уступчивость и склонность исполнить желания Константинополя.^[298] Притом папа льстил себя надеждой, что за такую уступку император отблагодарит его возвращением

Болгарской страны под юрисдикцию Римской Церкви. И вот папа ради земных расчетов решается пожертвовать традициями Римской кафедры.

В августе 879 года папа Иоанн обратился с окружным посланием на Восток, имея в виду врагов Фотия из числа духовенства и из мирян; в этом послании говорилось: «Если для вас дорого ваше спасение, то вы должны войти в общение с вашим патриархом Фотием, которого теперь признала в этом достоинстве и апостольская (Римская. — **А. Л.**) кафедра. Если же вы не сделаете этого, то будете лишены церковного общения, пока не покоритесь. Пусть никто из вас не извиняет себя в своем противлении тем, что кто-либо из вас подписался под актами 869 года (в которых выражено осуждение Фотия. — **А. Л.**); да не служит это обстоятельство препятствием к исполнению требования, ибо Церковь Христова имеет власть разрешать всякие узы.^[299] Так, таким строгим языком стал говорить папа с противниками Фотия. Произошел полный переворот в воззрениях римского первосвященника.

Восстановление Фотия на патриаршестве должно было произойти торжественно. Решено было собрать собор в Константинополе. И действительно, такой собор собрался в 879 году и обставлен был так величественно, как немногие даже из числа самых Вселенских соборов. Открылся собор в ноябре 879 года, а закончился 13 марта следующего (880) года. Места для заседания отцов собора менялись: первое заседание происходило в «великом секретариуме»^[300] при Софийском константинопольском храме, дальнейшие заседания там же, где и собор 869 года — в верхней части храма Софийского, называвшейся катехумениями, а одно — именно шестое заседание собора — имело место в императорском дворце. Председателем собора был сам

Фотий. На соборе заседали папские легаты, их было трое: Павел, епископ Анконский, Евгений, епископ Остийский, Петр, пресвитер Римский и кардинал. Первые двое прибыли еще в 878 году с поручением от папы к патриарху Игнатию, но удержаны были в Константинополе до времени собора для присутствия на нем; легат же Петр прибыл незадолго до открытия собора и принес с собой папские письма к императору, Фотию и собору — документы, имеющие важное значение в вопросе о восстановлении Фотия на патриаршестве. На соборе присутствовали уполномоченные от лица всех восточных патриархов. Уполномоченным от патриарха Иерусалимского был пресвитер Илия (но не тот Илия, который присутствовал на соборе 869 года; этот уполномоченный является на самом же первом заседании собора); уполномоченным от патриаршей кафедры Александрийской был пресвитер Косма (является на собор со второго заседания); полномочиями от патриарха Антиохийского облечен был архиепископ Мартиропольский Василий (прибыл лишь к четвертому заседанию собора). Все эти апокрисиарии восточных патриархов были лицами, действительно снабженными надлежащими полномочиями, а не были самозванцами, какими были мнимые апокрисиарии Игнатиева собора 869 года. На соборе видим чрезвычайно большое число греческих архиереев в качестве его членов. В числе их было восемьдесят митрополитов и архиепископов. Между ними встречаем и имя Григория Асвесты, престарелого друга Фотия, который скончался раньше заключения соборной деятельности. Почти половина всех иерархов, членов собора, принадлежала Эфесскому экзархату — знак, что эта провинция особенно процветала в церковном отношении. В числе присутствующих на соборе видим даже епископов не только Иллирика, но и нижней Италии (где были греки и греческое

духовенство). Всего иерархов на соборе было 383. Замечательнейшими ораторами на соборе были: сам Фотий, уполномоченные восточных патриархов, двое ревностнейших приверженцев Фотиевых — Захария Халкидонский и Прокопий Кесарийский; менее важными ораторами были Иоанн Ираклийский, Никита Смирнский и некоторые другие лица. Легаты папские, не свободно владея греческим языком, говорили на соборе немного. Вообще собор был блестящий. Гергенрётер говорит: «Собор, собранный Фотием, в целом представлял поистине величественное явление, какого не видали со времен Халкидонского Вселенского собора. Никогда еще патриарх града Константинова не собирал такого множества иерархов на собор». [\[301\]](#)

Опишем деятельность собора 879 года, руководствуясь актами этого собора.

Примечание. Нужно сказать, что акты собора 879 года были и до сих пор остаются предметом пререканий, хотя и не в одних и тех же отношениях. Было время, когда высказывалось мнение, что собор 879 года в действительности совсем не существовал и что акты его целиком сочинены при помощи творческой фантазии Фотия. Раскрытию этого мнения Лев Алляций, ученый грек XVII века, обратившийся в латинство, посвятил целое сочинение под заглавием: *De octava synodo Photiana (Romae, 1662)*. Но это воззрение в том же XVII веке с достоинством опровергнуто было иерусалимским патриархом Досифеем (он же издал акты этого собора и сделал замечания против Алляция). С тех пор историческая действительность рассматриваемого собора не вызывает против себя серьезных возражений. Известный Гергенрётер нисколько не сомневается, что собор 879 года есть, в полном смысле слова, исторический факт. Этот ученый, со своей стороны, немало потрудился для защиты

своего воззрения (Bd. II. S. 528 и далее). Но зато, взамен мнения Алляция, в новейшее время многими западными учеными и очень усердно доказывается другая, тоже неблагоприятная для авторитета собора, мысль — именно, что акты собора и документы, входящие в состав их, прошли через руки Фотия, частью были подчищены, частью подкрашены, сокращены или разбавлены, вообще изменены и, конечно, изменены в личных интересах Фотия, а частью и в интересах Византийской Церкви. С этой новой стороной возражений против собора 879 года необходимо свести счёты, иначе изложение истории этого собора будет представляться стоящим ниже современных научных требований. Прежде всего, некоторые западные писатели находят, что папские послания (послания Иоанна) к разным лицам в Константинополе внесены в акты собора не в том виде, в каком они написаны папой, а представляют собой интерполяцию, искажение, а это сделано Фотием, который иное — из личных видов — опустил, иное, из тех же видов, подцветил (об искажении писем папы говорят подробно Гергенрётер (Bd. II. S. 396 и далее) и Гефеле (Bd. IV. S. 437 и далее). Доказательством этого обвинения названные ученые считают то, что существуют те же папские письма на латинском языке и имеют существенные отличия от писем, помещенных в актах собора; они находят, что эти латинские письма менее благоприятны для Фотия и его дела. Главное отличие латинского текста писем от греческого они полагают, во-первых, в том, что латинской редакции собор 869 года не так безусловно признается лишенным значения, как это выходит по греческой редакции; во-вторых, в том, что Фотий в латинской редакции, не как в греческой, признается патриархом лишь под условием признания своей виновности и под условием получения прощения в том от собора. Спрашивается: откуда произошла такая

разность? Есть ли она свидетельство злонамеренности? И нельзя ли допустить происхождение разницы, не бросая тени на светлый лик Фотия? Спрашивается прежде всего: откуда произошла вышеуказанная разница? Найдено, что письмо папы Иоанна к императору Василию в XII веке некоему Иво (Ivo) Шартрскому было известно в том виде, как оно читается не в латинской, а греческой редакции. Значит, в древности письма папы на Западе были известны в той самой форме, как они читаются в актах, а это признак, что они не сфабрикованы были в Константинополе. Ученый Манси полагает, что, по крайней мере, письмо Иоанна к Василию было написано в двух видах (так, как теперь читается по-латыни, и так, как теперь читается в греческом тексте), и последний вид письма именно и послан был в Константинополь (**Hefele**. Op. cit. Bd. IV. S. 438; **Mansi**. T. XVII, P. 527). Следовательно, возможно объяснить происхождение вышеозначенной разницы, не прибегая к предположению о злонамеренности. В частности, ссылка вышеупомянутых ученых, что де в латинском тексте писем папских не говорится о признании деяний собора 869 года лишенными всякого значения — не имеет большой силы. Не указывая на то, что легаты на соборе прямо заявляли, что деяния собора 869 года нужно считать потерявшими свою силу (не указываем на это, так как редакция греческих актов, т. е. речей и бесед, имевших место на соборе 879 года, считается не подлинной), обратим внимание на то, что в одном, несомненно, подлинном письме папы Иоанна (**Hergenrother**. Op. cit. T. II. S. 389) этот прямо призывает Константинопольскую Церковь не стесняться деяниями собора 869 года (**Mansi**. T. XVII. P. 153. Ср. **Hefele**. Bd. IV. S. 445). Труднее доказать неповрежденность греческой редакции писем, по сравнению с латинской, по вопросу об условиях, на которых Фотий признается со стороны папы

патриархом: в латинском тексте говорится, что Фотий должен сознаться в своей виновности и просить в этом прощения на соборе, а в греческом тексте ничего такого нет. Очень возможно, что в этом пункте (а может быть, и в некоторых других) греческий текст писем не совсем точно передает латинский текст. Но это не может бросать тени на Фотия. Ибо, во-первых, дело не беспримерное, что папские послания предлагались для чтения на восточных соборах не в полном виде (Восток позволял себе критически относиться к воззрениям и требованиям папы). Так поступлено было на VII Вселенском соборе и на так называемом VIII Вселенском соборе или соборе 869 года (см.: **Hergenrother**. Op. cit. Bd. II. S. 534); во-вторых, изменения в папских письмах, предложенных для чтения на соборе 879 года, могли произойти не иначе как по предварительному соглашению с папскими уполномоченными (легатами), причем, конечно, указаны были им убедительные причины, побуждавшие к этому поступку (а что действительно изменения, о которых у нас речь, произошли с согласия папских легатов, видно из того, что они без протеста подписались под актами собора 879 года, где помещены папские письма в том именно виде, в каком они представляются не согласными с латинским текстом их). Кроме папских писем, Гергенрётер подозревает в намеренной переделке и письма восточных патриархов, читанные на соборе 879 года (Bd. II. S. 416 и далее). Не пускаясь в подробное рассмотрение этого возражения, заметим одно: Гергенрётер сам себе противоречит, когда, в то же время, допускает, что восточные патриархи стали вполне послушными орудиями византийской императорской воли: императоры же могли заставить их согласиться на любую меру по делам церковным (Ibid. S. 446). Если так, если Византия могла испросить или вытребовать у восточных патриархов документ

какого угодно содержания, то что побуждало заправителей собора 879 года прибегать к фальсификации писем восточных патриархов по делу Фотия? Наконец, Гергенрётер (Ibid. S. 532) и Гефеле (Bd. IV. S. 449) с уверенностью утверждают, что и акты собора 879 года, т. е. запись всего происходившего и говоренного на этом соборе, не избежала коварной руки Фотия, который будто бы многое здесь переделал по своему вкусу, будучи редактором этих актов. Что сказать по этому поводу? Читающий акты данного собора не может не замечать, что какая-то посторонняя рука прошла по актам и привела целое в гармонический вид. И, без сомнения, такой рукой нужно признать руку именно Фотия. Но следует сказать, что редактор, видимо, заботился о том, чтобы упорядочить мысли ораторов, исправить стиль, но едва ли покушался на то, чтобы изменять самое содержание соборных деяний. Если бы Фотий принял на себя этот труд или, точнее, позволил себе такой произвол, то, конечно, немало пришлось бы ему вычеркнуть такого, что читаем и теперь в этих актах. Например, в актах находятся такие слова папских легатов: «папа — глава всех Церквей» (*Mansi*. Т. XVII. Р. 480), или «власть решить и вязать Фотий получил от папы» (*Mansi*. Т. XVII. Р. 501). Речи подобного рода тяжело было слышать восточным иерархам; и если бы Фотий, в самом деле, чистил и правил акты, то эти слова были бы изглажены.

2.

Первое заседание собора: появление папских легатов на соборе; мысли Захарии, митрополита Халкидонского, о целях деятельности собора; предъявление легатами даров, присланных Фотию от папы; отсутствие на соборе лиц, не расположенных

признать его патриархом. — **Второе** заседание: чтение письма папы Иоанна к императору Василию; мысли Прокопия, митрополита Кесарийского, о главной причине упорства игнатиан прийти в единение с Фотием; как отвечали члены собора на вопрос легатов: принимают ли они письмо папы к Василию? Чтение письма папы Иоанна к Фотию; вопрос о занятии церковных кафедр теми из игнатиан, которые, раскаявшись в своем упорстве, воссоединятся с Фотием, а также об игнатианах, сосланных в ссылку; рассмотрение вопроса: кому должна быть подчинена Болгария в церковном отношении; речи по поводу вопроса легатов: каким образом Фотий снова занял патриаршую кафедру? Речь самого Фотия по тому же поводу; мысли легата Петра о значении папы в деле совершившегося восстановления Фотия; чтение письма патриарха Александрийского к императору; рассуждение о мнимом патриаршем представителе на соборе 869 года — Фоме Тирском; чтение писем патриархов Иерусалимского и Антиохийского к Фотию касательно его восстановления. — **Третье** заседание: чтение письма папы на имя восточных епископов; речи Прокопия Кесарийского и Захарии Халкидонского по вопросу, затронутому этим письмом, о том: позволительно ли в некоторых случаях возводить лиц мирского звания прямо в епископы? Чтение письма патриарха Иерусалимского к императору; рассуждение о самозванстве патриарших представителей собора 869 года; новая речь Фотия; папская инструкция своим легатам; похвалы легатам со стороны собора. Промежуток между третьим и **четвертым** заседаниями.

День открытия собора неизвестен, в актах не обозначен день первого заседания. Можно сказать одно: первое заседание происходило около 17 ноября, так как в это число произошло второе заседание. Место первого заседания указано было прежде. Когда

собрались члены собора и водворилась тишина, рассказывается в актах, на середину собора вышел диакон и протонотарий и сказал: «Петр, достопочтенный пресвитер и кардинал, легат папы Иоанна, и его сотоварищи Павел и Евгений пришли для присутствия на соборе. Из них Петр принес и передал послания папы Иоанна». Фотий, председатель собора, отвечал: «Благодарение Богу за то, что он (Петр. — **А. Л.**) неповрежденно и в добром здравии прибыл сюда. (Прочие легаты прибыли в Константинополь давно, как было уже замечено. — **А. Л.**). «Пусть они войдут», — добавил Фотий. Легаты вошли (очевидно, до этой минуты они оставались за дверями). Тогда Фотий сказал несколько слов в форме молитвословия: «Слава Богу нашему, единосущной и животворящей Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков». На это собор отвечал: «Аминь». Затем Фотий произнес какую-то обычную молитву, обнял и поцеловал легата Петра и других легатов и сказал: «Бог благополучно вас привел сюда. Да примет Господь милостиво ваши труды, да благословит и освятит ваши души и тела, да примет милостиво заботы и попечения нашего святейшего брата и сослужителя, нашего духовного отца, папы Иоанна». Уже здесь выступает полное различие между этим собором и собором 869 года: при восстановлении Игнатия на патриаршестве папские легаты, руководствуясь делами собора, открывают сам собор, а здесь Фотий является главой собора, он дает разрешение войти легатам на собор, принимает их как обыкновенных, хотя и почетных, членов собора. Фотий вообще в течение собора хотя и говорит с почтительностью о папе, но всегда дает знать, что он говорит о папе как патриархе, равном с Константинопольским. Еще отличие собора этого от прежнего: здесь не было совсем императорских

сановников, которые имели такое влияние на соборе 869 года.

На дальнейшие слова легата Петра: «Хвала Богу, что мы нашли вашу святость в добром здоровье; св. Петр взирает на вас». Фотий отвечал: «Христос Бог наш, через апостола Петра, которого ты упомянул, да излиет милость на всех нас и да удостоит нас своего царствия». Петр сказал: «Папа Иоанн почтительнейше приветствует (προσκύνει) вашу светлость». Фотий в ответ: «И он (папа. — **А. Л.**), с нашей стороны, тоже почтительнейше приветствуется (ἀντ'ἰπροσκύειται) от всего сердца». Петр говорит: «Он хочет иметь тебя своим братом, сослужителем и соепископом». Фотий отвечал: «Бог, совершающий все благое, да исполнит, по своей мудрости, желание папы. И мы принимаем его как брата, сослужителя и нашего духовного отца».

Петр легат объявил: папа прислал патриарху Фотию письмо, дабы все знали, какую ревность, какую попечительность он — папа — проявляет относительно Византийской Церкви и с какой любовью и доверчивостью относится к ее архипастырю, Фотий в ответ на это сказал, что и раньше присылки этого письма он из самых дел уже знал об этом, а теперь в письме папы он видит лишь подтверждение и дальнейшее доказательство своей уверенности. «Папа, — говорил далее Фотий, — подражал Христу, первому и верховному Первосвященнику, который, будучи почитаем сонмами ангелов на небе, не возгнушался принять человеческий зрак, чтобы привлечь к себе отчуждившийся и заблудший род человеческий; ибо папа, не довольствуясь тем, что его Церковь находится в мире и благоденствии, захотел через своих легатов разведать, где находятся люди, противящиеся истине, и их через увещания отвратить от заблуждения и привести к Христу, истинному Богу, воссоединив с Ним». Затем Фотий, похвалив еще папу,

спросил у легата о здоровье римского первосвященника, на что Петр отвечал: «Вашими святыми молитвами (*per sanctas orationes vestras*) он чувствует себя здоровым». Фотий предлагает легату другой вопрос: «Благополучна ли Церковь Римская и благополучны ли епископы и пресвитеры в ней?» и получает ответ утвердительный, причем легат Петр замечает: «Какую любовь, какое доверие питает к тебе (Фотию. — **А. Л.**) св. отец, этого и пересказать невозможно». На эти слова Фотий отвечал похвалой папе. Легат Петр, обращаясь ко всему собору, передал ему привет и выражение почтения от лица папы, на что члены собора также отвечали приветом. Тот же легат сказал, обращаясь к собору: «Братие и сослужители! Как отец любит детей своих, так и святейший папа, любящий вас, прислал нас и письма к вам для того, чтобы водворить среди вас единение». Легату от лица собора отвечал Иоанн, митрополит Ираклийский, заявляя, что единение в Византийском патриаршестве уже восстановлено и что все признают единого пастыря, патриарха Фотия. Иоанн своей речью, очевидно, хочет ограничить смысл слов легата, приписывающего папе слишком большое влияние в умиротворении Византийской Церкви. С тем же намерением произнесена была и другая речь Захарией Халкидонским. Оратор прежде всего восхваляет блага мира, выражает сожаление о том, что долгое время в Византийской Церкви мир подвергался нарушениям, останавливается на вопросе: отчего зависело такое печальное явление? и замечает, что причина явления совершенно невероятна и, однако же, вполне истинна. «Причину достойного сожаления нарушения мира нужно искать в том, что возвышенные свойства и славные дела Фотия, его необыкновенные познания и ученость в духовных и светских науках, чистота его души, врожденная ему мудрость, кротость,

благоразумный и умеренный образ действия, его воздержность, его милосердие ко всем, его смирение, привлекавшее к нему всех и, в особенности, епископов, его ревность к обращению грешников, еретиков, неверующих — словом, редкие добродетели этого божественного мужа возбудили к нему зависть и ненависть, подобно тому, как Спаситель навлек на себя всю ярость иудеев. Это причинило страдания и Церкви Византийской, но не буду говорить об этом предмете. Император постарался уничтожить зло; со своей стороны, и папа Иоанн не захотел оставаться при том, что сделано ко вреду Церкви (при его предшественнике). Все, что сделано против Фотия, ничтожно и суетно. Византийская Церковь снова возвратилась к своему архипастырю; многие сделали это тотчас, другие присоединились к нему впоследствии, и лишь немногие из нерасположения к миру церковному и из самолюбия остаются схизматиками. Если этих отщепенцев спрашивают, на каком основании они отделяются от Церкви, то в свое оправдание они приводят то, что так хочет Римская Церковь. Но ведь это все равно, замечает оратор, как если бы грабители храмов и убийцы извиняли себя тем, что они совершают зло с дозволения и по указанию римлян. Таким образом, Римская Церковь, которая заботится о водворении мира в других Церквях, является, по их словам, виновницей всякого беспокойства, вражды, соблазнов и зла, от которых стонет Церковь Византийская; положим, это несправедливо, но так утверждают отщепенцы (Захария здесь говорит о Том, что лица, не желавшие войти в общение с Фотием, ссылались на то, что Фотий осужден римскими папами Николаем и Адрианом. — **А. Л.**). Поэтому-то император и призвал римских легатов; они должны опровергнуть все те обвинения, которые почти со всех сторон сыплются на Рим. Ясно теперь, что

собор этот собрался ради Римской Церкви, для защиты ее чести, чтобы никто из схизматиков с этих пор не считал ее виновницей раздоров. Теперь, благодаря начинаниям императора и молитвам патриарха Фотия и папы Иоанна, все пришло в наилучший порядок и не нуждается ни в каких улучшениях. Таков, полагаю, и взгляд собора на дело». Члены собора, в знак одобрения речи Захарии, начали восклицать: «От нашего господина и патриарха (Фотия. — **А. Л.**), с которым мы с самого начала соединены были, мы не отделялись, готовы кровь свою пролить за него, если бы это потребовалось. А те из нас, кто отпадал от него, осуждают свое поведение и признают его от всего сердца и с твердой решимостью первосвященником и архипастырем; тех же, кои колеблются признать его таковым, мы считаем врагами Церкви и достойными осуждения».

После этого перерыва тот же оратор продолжал: «Схизматики так далеко простирают свою дерзость, что самую Римскую Церковь хотят сделать из свободной рабствующей. Каким же образом? Они говорят: «Определения папы Николая мы принимаем, равно и определения папы Адриана нам нравятся, а определений папы Иоанна мы не хотим принять». Если их спрашивают: «Да почему же так?», то они отвечают: «Николай и Адриан следовали нашим желаниям, а Иоанн не хочет того, чего хотим мы»». Это значит ничто другое, — заявляет оратор, — как то, что люди эти не расположены следовать определениям римских пап, а, напротив, хотят заставить этих архипастырей слушаться их (схизматиков. — **А. Л.**) воли. Ибо они принимают лишь те папские определения, какие они и сами постановили, а те из папских определений, какие неуютны им, они отвергают, хотя бы подобные распоряжения были повторены тысячу раз римлянами и хотя бы они были вполне согласны с церковными

правилами; вместо подобных определений они придают значение одной своей воле». Отсюда оратор выводит заключение, что собор должен принять на себя задачу — освободить Церковь Римскую от того бесчестия, какое наносят ей схизматики. Смысл речи Захарии, без сомнения, тот, что Церковь Римская своим слишком ревностным вмешательством в дело споров игнатиан и фотиан настолько запуталась, что в конце концов ее прежние приверженцы и друзья на Востоке превратились в ее же порицателей. Этим имелось в виду нанести чувствительный удар епископам Римским, которые слишком много о себе думали и свой образ действий считали выше критики.

Легат Петр, выслушав речь Захарии, сказал: «Благодарим Бога за все, и да совершит Он полезное для всех». К сказанному легатом прибавил несколько слов Иоанн Ираклийский, в которых выразил мысль, что усилиями папы, патриархов восточных и самого Фотия мир в Церкви водворился. Прокопий Кесарийский и уполномоченный патриарха Иерусалимского Илия выразили, со своей стороны, благодарность Богу и императору, создавшему этот собор. Илия при этом объявил, что схизматики никогда не находили сочувствия в Церкви Иерусалимской и что с тех пор как Фотий написал (во второе патриаршество) письмо иерусалимскому патриарху, последний оставался с ним в тесном общении. Даниил, митрополит Анкирский, сделал еще такое замечание: «Наш патриарх (Фотий. — **А. Л.**), подражая Христу, и тех, кто пришли в одиннадцатый час, принял и уравнил с первыми, а первых удостоил подобающей чести». Этими словами Даниил хотел сказать, что Римская Церковь с папой во главе признала Фотия патриархом после других иерархов Востока, и это, однако, не воспрепятствовало Фотию принять это позднее заявление со стороны Запада со всей признательностью и вниманием. Опять в

словах Даниила заключался некоторый урок надменному Риму.

Легат Петр сказал еще раз, что он и его сотоварищи присланы за тем, чтобы устранить соблазн в Византийской Церкви, и что папа с патриархом Фотием составляют одну душу и одно тело — так они содружественны. В знак своего единения с патриархом папа, объявил легат, послал ему в подарок святительские одеяния — омофор, стихарь, фелонь и т. д. Члены собора потребовали, чтобы легаты в отдельности показали собору ту и другую из числа подаренных одежд, что тот и сделал. Фотий выразил свою благодарность по случаю папского подарка в таких словах: «Иисус Христос Бог наш, покрывающий небо облаками, облекшийся в человеческую природу, дабы спасти ее и очистить, да облечет его (папу. — **А. Л.**) одеждой бессмертия, достойной небесного чертога». Короткую речь говорит папский легат Евгений Остийский. «Как у каждого человека велико стремление, — говорит он, — к соединению с Богом, так же сильно у папы Иоанна желание быть в единении с патриархом Фотием». Собор отвечал на это кратким замечанием, что из самых дел видно, что это действительно так.

Легат Петр заявил, что, кроме прочих папских писем на Восток, он принес с собой и письмо к патриарху Фотию, но предложил отложить чтение этого письма до другого раза, так как теперь еще не все епископы собрались для присутствия на соборе. Фотий, со своей стороны, к этому добавил, что и легат Петр, утрудившись от долговременного путешествия в Византию, нуждается в отдыхе, а потому предложил не спешить со следующим заседанием собора. В заключение заседания легат Петр обратился к собору с таким предложением: «Если кто из числа здесь присутствующих не находится в общении с Фотием,

пусть они выйдут на середину и объяснят, почему они так поступают». Члены собора сказали, что между ними нет таких, что они все принимают патриарха Фотия. Легат сделал другое предложение: «Если между вами нет таких отступников от общения с патриархом, то все же существуют такого рода люди; при встрече с ними увещевайте их к миру. Пусть они обратятся к милосердию Фотия и последний да примет их отечески». Собор отвечал: «Противников мира немного, Мы будем их увещевать. Но и вы (обращение к легатам. — **А. Л.**) делайте то же, если повстречаетесь с нарушителями единения». Легат Петр еще сказал, что кто из нарушителей мира не послушает ни епископов, ни собора, ни их, легатов, то упорный будет отлучен от Церкви. Илия Иерусалимский, как бы делая вывод из этих последних рассуждений собора, заметил: «Кого Бог прославил, тому не может причинить бесчестия ни один человек; а кто у Бога потерял честь, тому нисколько не поможет честь у людей. Бог прославил патриарха Фотия, а потому имя его будет прославляться на небе и на земле из рода в род; а если кто противится ему, те покроются стыдом на земле и в будущем мире их жребий с осужденными». Первое заседание^[302] закончилось возглашением многолетия императору, императорскому дому, папе Иоанну и Фотию.

Второе заседание собора происходило 17 ноября более торжественно, чем прежнее заседание. Фотий председательствовал, а легаты занимали второе место по нем. Фотий открыл заседание провозглашением славословия животворящей Троице, на что собор отвечал: «Аминь». Легаты на латинском языке тоже произнесли какое-то славословие Богу. Легат Петр затем сказал, что папа прислал своих легатов, дабы утвердить и признать то соединение Церкви, которое

совершилось между спорящими в Византии, прибавляя, что об этом просили папу не только император Василий, но и патриархи: Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Затем легат предложил для прочтения на соборе письмо папы к императору. В письме этом, довольно длинном, между прочим говорилось: «Прежде всего мы принимаем епископа Фотия в общение с нами и восстанавливаем его в высоком первосвященническом достоинстве и в патриаршей чести, чтобы Церковь не обуревалась более волнами разделений». Что папы **могут поступать, сообразуясь** с потребностями Церкви, смягчать строгость церковных правил (как поступил папа с Фотием), — это доказывается в письме изречениями пап и примерами из времен церковной древности. Далее раскрывается мысль, что если иногда лица, более или менее виновные против правил церковных, осужденные соборами, потом снова бывали восстанавливаемы в своих иерархических должностях, то тем более должно мужей, блистающих правотой веры, достигших славы строгостью и чистотой жизни, не подвергать, подобно преступникам, бремени покаяния, но восстанавливать их в прежнем достоинстве (речь, очевидно, идет о Фотии). После этого письмо папы очень решительно признает восстановление Фотия на патриаршестве. «Примите его все, — говорится в письме, — примите безо всякого сомнения; никто не должен ссылаться на собор, который был против Фотия (речь идет о соборе 869 г. — **А. Л.**), никто не должен на основании подписей, сделанных против Фотия, искать предлога к разделению». Другие подробности письма папы к императору не представляют особенного интереса. По прочтении этого письма Прокопий Кесарийский, выражая мнение Константинопольского патриархата, сказал, что прежде прибытия легатов мы (епископы этого патриархата. — **А. Л.**) самым искренним образом вошли в единение с

истинным нашим архипастырем Фотием. Илия, иерусалимский уполномоченный, в таком же роде говорил от имени прочих восточных патриархов. Он сказал, что надлежит благодарить Бога за то, что древнее и неизмененное мнение Иерусалимской Церкви касательно патриарха Фотия теперь разделяется **и** подтверждено всеми. Папский легат Петр сказал, выслушав эти мысли: «Папа послал нас утвердить единение Церкви Константинопольской, но если это единение, как открывается из ваших слов, уже совершилось, и Фотий принят, как патриарх, то возблагодарим Бога, подателя мира».

Прокопий Кесарийский, принимая во внимание последнее заявление легата, взялся объяснить, почему признание Фотия совершилось с быстротой на Востоке и медленно на Западе и что было причиной того, что некоторые до сих пор не хотят признавать Фотия законным патриархом. Он говорит, что епископы восточные, находясь ближе к Византии, могли удобнее узнать положение дел и оценить, чем епископы, живущие далеко (т. е. на Западе); он замечает, что восточные как бы руками осязали вещи и видели их собственными глазами, а западные принуждены руководиться лишь слухом. Восточные, по словам оратора, все исследовали и все узнали и пришли к той истине, что спасение их и милость Божия для них заключается в единении с патриархом Фотием. Очевидно, оратор хочет провести ту мысль, что напрасно западные епископы и во главе их папа преувеличивают свое значение в деле умиротворения Византийской Церкви. Воссоединение Церкви с Фотием произошло раньше, чем на Западе; в основу его положены факты более веские, чем какими руководился Запад; Запад, благодаря несовершенству своих сведений, слишком запоздал присоединить свой голос к голосу Восточной Церкви. Ясно, что оратор желал

нанести некоторый несильный, но чувствительный удар самомнению западного первосвященника. Продолжая свою речь, Прокопий возлагает на легатов обязанность не совсем легкую — увещевать отщепенцев, не хотевших общения с Фотием. Немногие, говорил оратор, остаются вне общения с Фотием, и их пусть увещевают легаты; ибо предлогом для упорства **отщепенцев** служат их подписи под определениями собора 869 года. Не будь этого предлога, никто — ни мал, ни велик — не стал бы отрекаться от общения с Фотием. «Лукавый, — продолжал Прокопий, — устроил дело так, что святой крест, этот символ мира и спасения, в настоящее время сделался для непроницательных людей поводом к соблазнам (т. е. оратор, кажется, указывает здесь на то, что под актами соборов иногда подписывающие их, как бы для большего скрепления подписанного, ставили кроме своего имени знак креста; так было, по предположению оратора, и на соборе 869 года, а в таком случае крест стал предлогом к несогласиям, основанием не принимать Фотия, осужденного на указанном соборе. — А. Л.)». — Легат Петр, едва ли понявший все тонкости речи оратора, заявил, что сколько они — легаты — будут в силах, — постараются увещевать сопротивляющихся, впрочем, к той же деятельности легат призывает и всех членов собора. Однако отвечающий на речь Прокопия легат ничего не сказал о соборе 869 года, который выставлялся восточным оратором как причина упорства отщепенцев. Быть может, ответ легата Петра был найден собором не вполне удовлетворительным, а потому тот же Прокопий с ударением сказал, что главный повод к отделению для отщепенцев дают те подписи, какие сделаны на соборе 869 года, направленном против Фотия. Члены собора подтвердили слова Прокопия, сознавшись, что из числа их некоторые сначала тоже не хотели входить в общение с Фотием из-за собора 869 года. Желая

закончить рассуждения, вызванные письмом папы к императору, легаты спросили собор: принимают ли его члены послание это? Ответ был утвердительный. Тогда легаты еще точнее поставили свой вопрос и спросили: принимают ли члены собора все послание папы со всеми его подробностями? На этот вопрос собор отвечал тоже утвердительно, но со значительными оговорами. «Все, что касается славы Церкви и признания Фотия патриархом, мы принимаем; но что относится до дел государственных и императора, то мы решение их предоставляем самому императору». Чтобы понять смысл этих последних слов, нужно взять во внимание, что папа в письме к императору просил его возвратить Церковь Болгарскую папской юрисдикции; разрешение этого-то вопроса собор и объявляет не подлежащим ведению церковной власти. [\[303\]](#)[\[304\]](#)

После письма папы к императору решено было прочитать на соборе письмо папы к Фотию. Это письмо также дало повод к беседам и прениям отцов собора. В письме к Фотию между прочим говорится: «Ты пишешь, что св. Церковь Константинопольская единодушно склонилась к признанию тебя патриархом и что ты занял кафедру, которая тебе принадлежала. Приносим от всего сердца и всей души благодарность Богу за Церковь Константинопольскую и за твое восстановление на патриаршестве». Извиняется в том, что двое папских послов (Евгений и Павел), посланные было к Игнатию, не вдруг вошли в общение с Фотием; объясняет, отчего это произошло, и замечает, что это «лишение теперь обильно вознаграждено». «Мы узнали, — пишет папа, — что у вас (в Церкви) есть некоторые схизматики, которые ищут не спокойствия, а предначинают дьявольскую борьбу, так что они увлекают за собой простодушных. Как мы радуемся о твоём восстановлении, которое совершил Бог, так и

печалимся о случившемся разделении Церкви». Папа выражает надежду, что мудрость и милосердие Фотия положат конец разделению. Тот же папа советует фотию показывать снисхождение к тем из епископов, приверженных к Игнатию, которые признают его (Фотия) патриархом; Иоанн внушает Фотию, чтобы он возвращал им их должности и Церкви, коими они правили раньше.

По прочтении этого письма легат Петр предложил Фотию вопрос: принимает ли он все, что написано в письме? Фотий отвечал, что он принимает и верно будет следовать тому, что написано сообразно с законами и что касается его лично. Затем легат сделал прекрасное предложение, вытекавшее из некоторых слов папского письма, о том, как поступать на практике с игнатианскими епископами, которые противятся Фотию, а потом могут воссоединиться с ним. Он предложил следующее: игнатианские епископы, как ранее посвященные в архиереи, должны занять свои прежние кафедры, а те епископы, которые заняли было эти места (очевидно, разумеются епископы, поставленные уже Фотием), должны считаться безместными и получать пропитание от этих же Церквей, в которых они были известное время предстоятелями. Эти последние епископы должны оставаться в таком положении дотол, пока они не займут, в случае вакантности, кафедры в той Церкви, от которой они получают пропитание, или не будут поставлены на другие кафедры. Тот же легат предложил, чтобы епископы-игнатиане, находящиеся в ссылке, были возвращены оттуда и были увещиваемы к единению с Церковью. На заявления Петра отвечал Фотий. На вопрос о том, как поступать с епископами игнатианской партии, воссоединяющимися с патриархом, Фотий не дал прямого ответа; вероятно, он это дело предоставил своему личному усмотрению. А касательно епископов,

сосланных в ссылку, Фотий заявил, что император подверг этому наказанию только двоих и притом по причинам не церковным, а политическим: один был зачинщиком, а другой участником в гражданском возмущении; вина этого последнего, по словам Фотия, увеличивалась еще тем, что он в присутствии многих свидетелей позволял себе произносить порицания на папу Иоанна. Фотий добавил к этому, что если легаты желают, он будет хлопотать о помиловании их перед императором.

Легат Петр удовлетворился объяснениями Фотия относительно изгнанных епископов и завел речь о предмете, о котором не было упомянуто в письме папы к Фотию, но который очень интересовал папу; говорим о церковном болгарском вопросе. Легат заявил, что ему дано поручение потребовать от Фотия, чтобы он вперед не посылал паллиума^[305] в Болгарию и не посвящал для этой страны духовных лиц. Фотий отвечал: он высоко ценит мир и предпочитает любовь всему; со своей стороны, он готов все отдать и все подарить; уверял, что он не хочет пользоваться своими правами и примером других (Игнатия?) и потому не посылал паллиума (т. е. омофора) в страну Болгарскую и не посвящал для нее духовных лиц. Так поступал он раньше и теперь, хотя уже давно взошел снова на патриаршую кафедру, он готов делиться даже тем, что составляет его собственность, с друзьями, если это зависит от его воли и не противоречит древним законам. Наконец, он говорит, что расширение границ собственного патриархата для него есть не что иное, как увеличение трудов **И** забот. Легат Петр, по-видимому, удовольствовался подобным неопределенным ответом и сказал: «Ты правильно мыслишь и правильно поступаешь». Затем Фотий привел выдержку из своего прежнего письма к папе

Николаю, в котором говорил, что не ищет подчинения себе страны Болгарской. Двое митрополитов, Прокопий Кесарийский и Григорий Эфесский, по-видимому, взяли на себя заботу о том, чтобы поскорее покончить речь о Болгарии, и дали вопросу такую постановку, при которой дальнейшие рассуждения казались бы излишними. Они сказали: «Можно надеяться, что Бог поможет нашему императору подчинить своей власти все страны (?) света, и тогда он сделает новый передел диоцезов (патриархатов) и удовлетворит желания всех высших иерархов». Собор согласился с заявлением ораторов и сказал, что не дело собора устанавливать границы патриархатов и что это нужно предоставить будущему времени. Разумеется, на такое решение вопроса нужно смотреть как на искусственный прием, при помощи которого косвенно давали отрицательный ответ на папские требования.

Легат Петр ставит на очередь другой вопрос и просит его разрешения от собора. Вопрос этот тесно примыкает к главным положениям, высказанным папой в письме к Фотию. Он сказал: «Святейший папа Иоанн через нас спрашивает вас, каким образом снова занял патриарх Фотий патриаршую кафедру. Ибо мы должны объявить, что он не имел права занять ее до нашего прибытия». Илия, иерусалимский уполномоченный, отвечал на это, что Фотий постоянно признавался патриархом со стороны трех восточных патриарших кафедр, а также и со стороны епископов и пресвитеров Константинопольской Церкви он признавался патриархом почти всеми; таким образом, ничто не препятствовало взойти ему на патриаршество. Не найдя здесь, по-видимому, ясного ответа на вопрос, легаты обратились к епископам Константинопольского патриархата с тем же вопросом. «Братия, — говорили легаты, — объясните, каким образом Фотий снова занял кафедру патриаршую?» Собор отвечал: «С согласия

трех восточных патриарших кафедр, — сказал Илия Иерусалимский, — затем по настоянию и живым увещаниям или, точнее сказать, решительному принуждению со стороны нашего императора и по избранию и мольбам всей Константинопольской Церкви». Легат Петр задал другой вопрос: «Не путем ли тирании занял Фотий патриаршество?» Вопрос несколько странный после только сделанного заявления и, во всяком случае, обидный для присутствовавшего на соборе Фотия. Члены собора справедливо заметили легату: «Есть большое различие между насилием и увещанием, и откуда мог возникнуть самый вопрос о тирании?» Тирания, продолжали свою речь отцы собора, не рождает теплого чувства к тирану, тирания не создает любви; так же единение Церкви не может возникать из тирании. Легат Петр остался теперь доволен объяснениями, данными на соборе. Он сказал: «Слава Богу, что все оказалось так, как вами изображено в письмах к папе: слова оправдались самыми фактами». Собор заметил на это: «Благодатию Христа, содействием нашего благочестивейшего императора, молитвами нашего святейшего патриарха Фотия все совершилось без малейшего замешательства; мы теперь одно стадо, один пастырь, одно согласие, соединены в единое тело во Христе, истинном Боге нашем».

Так как эти рассуждения собора ближайшим образом касались личности Фотия, который слышанным частью был одобрен и польщен, частью задет за живое, то он счел нужным сказать речь, в которой с большой ловкостью, не задевая никого и не нанося никому неприятности даже неуместным воспоминанием, патриарх говорил: «Хотя вопрос о том, как я снова занял патриаршество, получил рассмотрение со стороны наших братьев и соепископов, тем не менее и я разъясню тот же вопрос, имея перед очами самого Бога,

и полагаю, что никто не отнесется с подозрением к моей речи. Я никогда не домогался патриаршей кафедры, о чем знают присутствующие здесь епископы, если не все, то большинство их, и у святейших апокрисиариев не должно оставаться сомнений в данном отношении. В первый раз я взошел на эту кафедру по принуждению: принуждал меня тогдашний император, а епископы своим избранием меня, помимо моего ведома, — усилили и увеличили это насильственное действие. Я взошел тогда на патриаршество к моему глубочайшему прискорбию». Здесь отцы собора прервали оратора заявлением: «Большая часть из нас видела это собственными глазами; а другие если и не видели собственными глазами, то знали об этом от очевидцев или на основании общераспространенных слухов. Мы утверждаем, что именно так было, как говорит Фотий». Оратор продолжал: «Но потом, по неисповедимым судьбам Божиим, я изгнан со своего места. Я не употреблял никаких стараний, чтобы снова занять кафедру патриаршую, желания быть восстановленным на ней не было у меня. Я оставался покоен, предавшись воле Божией; да если бы я и желал этого, то у меня не было ни малейших надежд. Но Бог великий и чудный коснулся сердца нашего императора, и последний обратил ко мне свою любовь, быть может, не ради меня, а ради многочисленного или, точнее, бесчисленного народа Божия. Я возвращен был из заточения в столицу. Доколе жив был блаженный Игнатий (я называю его блаженным, потому что я вступил с ним в дружбу, — этого отрицать я не стану), я не мог и думать, чтобы занять мою кафедру, хотя к этому многие увещевали меня и даже хотели понудить, и больше всего к этому шагу меня могло бы побуждать то, что братия мои и соепископы (архиереи Фотиевой партии. — **А. Л.**) претерпевали заточение, преследование, изгнание.

Однако мы не хотели ничего предпринимать, как знают это все присутствующие». Снова прервали оратора члены собора: «Так, верно», — говорили они. Оратор продолжал: «Я делал все, чтобы достигнуть мира с Игнатием, и этот мир заключен был между нами, когда он пришел во дворец (где жил Фотий по возвращению из ссылки. — **А. Л.**); мы пали друг другу в ноги и просили взаимно прощения, если в чем согрешили мы друг против друга. Когда он сделался болен, я навещал его много раз, согласно его желанию, — утешал и приободрял его, сколько мог, и настолько приобрел у него доверия, что он просил меня, по его смерти, оказать попечения о лицах, к нему приближенных, и я исполнил это. Император, по смерти Игнатия, объявил мне свою волю, чтобы я занял патриаршество. Дважды приходили ко мне уполномоченные от императора звать меня на кафедру. но я не давал моего согласия и просил об одном — освободить из ссылки моих приверженцев. Тогда посетил меня сам император и своими словами принудил меня уступить. Что он тогда говорил, об **этом** теперь не к чему распространяться. Я нашел подкрепление своей решимости в соборных посланиях трех патриархов и в письме папы к императору. **Таким** образом, я занял снова патриаршую кафедру, прежде всего по божественному милосердию, затем вследствие неожиданного стечения обстоятельств и **наконец** по любви к справедливости папы Иоанна». **Собор** сказал: «Все так было, как сказал первосвященник Божий; много, много он претерпел, но Бог **чудным** образом соделал его архипастырем».

Легат Петр по поводу речи Фотия сказал несколько слов, в которых старался оттенить ту мысль, что Фотий обязан своим восстановлением на патриаршестве папской власти. Он сказал: «Римская Церковь и раньше восстанавливала многих епископов, лишившихся своих кафедр, как, например, Флавиана и Иоанна Златоуста

Константинопольских, Кирилла и Полихрония(?) Иерусалимских; далее, папа Григорий Великий одного епископа в Далмации сначала за одно преступление лишил кафедры, а потом снова восстановил его; также папа Николай отставил от должности епископа Захарию (легат собора 861 г.), а папа Адриан восстановил его, папа же Иоанн сделал его римским библиотекарем (почетная должность).^[306] Следовательно, папа Иоанн проявляет не меньшую заботливость о пользах Церкви, как и Николай, и Адриан» (очевидно, легат здесь собственно разумел участие Иоанна в восстановлении Фотия). Члены собора сказали: «Папа Иоанн достиг тем большей славы, что он подражает Христу, единому Первосвященнику, Который пришел на землю, чтобы разрешить все узы неправды. Иоанн стал благим посредником и подражателем Христа и с ревностью занялся тем, чтобы отделившихся от своего пастыря (Фотия. — **А. Л.**) примирить с ним». После этого перерыва легат Петр продолжал, поясняя свою прежде высказанную мысль: «Имея перед глазами подобные примеры, Иоанн возвратил тебя, Фотия, на твою кафедру; он обнял тебя, как брата и соепископа, и с радостью принял твое общение. Все должны знать, что ты истинный брат вселенского папы». Фотий отвечал: «Благодарим Христа, Бога нашего, а также папу Иоанна, ибо он показал себя твердым в борьбе со схизматиками и содействовал общему умирению Церквей». ^[307] Сейчас изложенные речи легата, Фотия и собора замечательны в том отношении, что легат старался приписать как можно больше значения папе в вопросе о восстановлении Фотия, а члены собора старались раскрыть, что участие папы в этом случае не выходило за пределы основанного на законах участия римского епископа в церковных делах. Этим

заканчивается круг соборных рассуждений, вызванных публичным чтением письма папы к Фотию.

Дальше на том же втором заседании читаны были различные послания восточных патриархов по делу восстановления Фотия; но они, что и естественно, не возбуждают больших прений. Легаты сделали предложение прочесть послания восточных патриархов. Прежде всего введен был пресвитер Косма, недавно прибывший в столицу апокрисиарий патриарха Александрийского Михаила II; он привез два послания, которые и были вручены Фотию. Прочитано было первое всего послание патриарха к императору Василию. Его содержание может быть передано в кратких словах. Патриарх выражает величайшую радость, что Фотий снова занял патриаршую кафедру, заявляя, что снова стал на «свещнице первосвященства» славный муж для того, чтобы «светом речей своей мудрости и науки освещать всю Церковь». Кто не находится в общении с ним и не признает его вполне законным патриархом, жребий таковых, говорит патриарх, с богоубийцами (иудеями). Патриарх объявляет, что он всегда считал Фотия своим соепископом. Тот же Михаил II рекомендует с лучшей стороны своего апокрисиария Косму, противопоставляя его александрийскому уполномоченному собора 869 года архидиакону Иосифу, которого патриарх порицает и признает самозванцем.

[308] По прочтении указанного послания члены собора сказали: «Мы знаем, что восточные патриархи никогда не отделялись от общения с Фотием». Затем также читано было на соборе послание патриарха к Фотию. В этом послании патриарх обращается к Фотию с похвалами, в высшей степени лестными для византийского архипастыря; кажется, он сказал в похвалу Фотия все, что только можно сказать. Далее он заявляет, что дело Фотия рассматривалось на соборе в

Иерусалиме и всеми он признан как действительный и истинный патриарх столицы. Кто не в общении с Фотием, тот считается отлученным и проклятым от Святой и Животворящей Троицы. Он утверждает, что имя Фотия внесено в церковные диптихи Иерусалимской Церкви на вечные времена.

Высказывает мысль, что Фотий предызбран Богом в архипастыри и иерархи еще от чрева матери. Произносит порицания на патриарших уполномоченных, бывших на соборе 869 года, признает их **самозванцами**, сообщает, что двое **из них, Илия** Иерусалимский и «глупый» Иосиф (уполномоченный от патриарха Александрийского) наказаны Богом смертью и притом заслужили еще смерть вечную; о третьем же представителе от восточных патриархов на соборе 869 года — Фоме Тирском, явившемся сюда от лица патриарха Антиохийского, он замечает, что Фома, не как прочие, принес раскаяние в своем грехе и испросил себе прощение у автора этого письма, патриарха Михаила; при этом последний просит и Фотия простить вину раскаявшемуся Фоме. К своему письму, адресованному Фотию, патриарх приложил и покаянное письмо Фомы, которое было назначено для Фотия и было прочитано на рассматриваемом нами соборе. Члены собора или восточные епископы просили Фотия оказать милосердие покаявшемуся Фоме и простить его грех. Легаты со своей стороны тоже высказались за прощение Фоме, но при этом прибавили, что окончательное решение этого дела нужно предоставить папе, потому что грех очень велик и есть грех против самого Бога. Прочие члены собора, однако же, не соглашались с таким требованием легатов и говорили: «Хотя грех Фомы Тирского и есть грех против Бога, но ближайшим образом он содеян против Фотия, а поэтому более чем кому-либо другому принадлежит Фотию же и право разрешить этот грех». Фотий, присоединяясь к

голосу большинства собора и принимая во внимание ходатайство за Фому восточных патриархов, объявил этого самозванца-уполномоченного разрешенным от прегрешения: но при этом патриарх Константинопольский прибавил: «А если и папа Иоанн даст разрешение покаявшемуся Фоме, то это будет и еще лучше». В ответ на эти слова Фотия легаты сказали: «Папа Иоанн не хочет расходиться во мнении с Фотием, но хочет подтверждать его суждения».

После писем патриарха Александрийского было прочтено на соборе письмо патриарха Иерусалимского Феодосия к Фотию. Это письмо, по словам Фотия, уже было известно членам собора и теперь читалось только для формы, для того, чтобы можно было дать ему место в актах собора. Письмо не богато содержанием; в нем между прочим сказано по вопросу о Фотии: «Кто тебя, Фотия, не признает патриархом, тому анафема и да будет он отлучен». В письме патриарха Феодосия апокрисиарий его Илия назван «столпником». Собор, выслушав послание, повторил слова его касательно анафемы на не принимавших Фотия.

В заключение прочитано было послание последнего из восточных патриархов — Антиохийского. Патриарх Антиохийский Феодосий писал Фотию: «Три патриарха собственноручно писали тебе о том, что они признавали тебя патриархом по Божией милости, не только теперь, но и прежде. Мы устно и письменно возглашаем: «Кто тебя не признает патриархом, тот проклят от Отца, Сына и Св. Духа»». Подобно патриарху Александрийскому, и этот патриарх говорит о раскаянии Фомы Тирского, выдавшего себя за апокрисиария антиохийского на соборе 869 года, и испрашивает ему прощения у Фотия. [\[309\]](#)

По прочтении этого письма члены собора или восточные епископы сказали, что власть разрешать

грех Фомы принадлежит Фотию, так как самый грех совершен против него. Легаты и уполномоченные восточных патриархов выразили радость по случаю восстановления мира в Церкви, воздали хвалу папе Иоанну и патриарху Фотию. Многолетие императору закончило второе заседание собора. [\[310\]](#)

Третье заседание собора происходило 19 ноября в присутствии тех же лиц, что и предыдущее заседание. Оно открывается предложением со стороны легата Петра, чтобы прочитано было послание папы Иоанна, адресованное на имя епископов Константинопольского церковного округа и прочих восточных патриарших округов. В письме говорится, что папа приемлет и объемлет Фотия; мысль о содружестве папы с Фотием здесь выражена с особенной энергией, именно сказано: «Кто Фотия не приемлет, тот не приемлет части с нами (папой. — **А. Л.**), а кто приемлет его, тот приемлет и нас». В письме папа затрагивает, между прочим, два вопроса: о поставлении епископов прямо из мирян и о церковной юрисдикции над Болгарией. Относительно первого вопроса папа приблизительно рассуждает так: бывали случаи избрания прямо из мирян в епископы; так был избран Тарасий, патриарх Константинопольский, так же был избран Фотий. Осуждать подобного рода избрание названных лиц не следует, ибо они оказались пастырями с высокими достоинствами, но все-таки это дело, противное церковным правилам, должно быть на будущее время строго воспрещено. О Болгарии речь папы коротка: над Болгарской Церковью должна быть признаваема исключительно римская юрисдикция.

Легат Петр спросил: принимает ли собор то, что написано в письме папы? Собор отвечал, что все принимают Фотия патриархом. Тогда легат сказал: все ли будет исполнено так, как написано в письме? На этот

новый вопрос епископы, конечно, не могли отвечать утвердительно. На Востоке или, точнее, в Константинополе не расположены были поступаться Болгарией и уступать духовную власть над ней Риму. Поэтому члены собора дали такой же ответ, какой дан был ими раньше касательно этого же самого вопроса; они говорили: «Что относится к славе Церкви, все такое мы приемлем и будем хранить всегда, а что касается иных дел, не подлежащих нашему ведению, а императорскому, то и предоставляем его воле». Легат Петр не удовольствовался этим замечанием, снова заговорил, и притом в похвальном тоне — о письме папы (он сказал: «В послании нет ничего неосновательного»). Поднялся Прокопий Кесарийский и сказал речь, в которой доказывал, что нельзя порицать обычай избирать иногда епископов из мирян. Значит, оказался и еще пункт в послании, с которым (пунктом) не желал согласиться собор. Прокопий так говорил: «В послании сказано, что допускают себе дело постыдное те, кто позволяет избирать епископов из мирян. Но на это, — говорил оратор, — нет церковного запрещения. Западные ссылаются на правила собора Сардикийского (IV века), но в этих правилах запрещается избирать в епископы лишь тех мирян, которые обременены богатствами или проходят адвокатскую должность, а таких лиц Восточная Церковь никогда не возводила в епископское достоинство. Да если бы какое церковное правило запрещало всех без исключения мирян избирать в епископы, то такое правило должно быть утверждено не Поместным, а Вселенским собором, чтобы иметь силу закона; в таком случае, правило имело бы обязательную силу для тех Церквей, где обычай не утвердил другой практики, ибо часто право обычая устраняет правила. Отсюда видно, что если в Византии не держатся правила — не избирать епископов из мирян, то в этом нет ничего постыдного.

Притом же, — рассуждал Прокопий, — нет никакой пользы клирика или монаха, ведущего жизнь, несообразную с своим званием, предпочитать мирянину, живущему по предписаниям евангельским; разве может естественное ращение волос (речь идет о мирянине, из чего видно, что тогда клирики и монахи, в отличие от мирян, наголо или почти наголо стригли себе волосы) быть препятствием возведению мирянина в должность пресвитера и епископа?». Длинную речь по тому же вопросу — об избрании епископов произносит Захария Халкидонский. Он начинает свою речь выражением уважения к пале Иоанну и его легатам, хвалит Римскую Церковь за то, что она в потребных случаях показывает ревностную попечительность, и затем ставит себе вопрос: какие основания принимают во внимание при запрещении избрания епископов из мирян? «В этом случае, — разъясняет Захария, — имеется в виду опасность избрать на духовную должность такое лицо, которое недостаточно преуспело в добродетели, усовершилось в нравственном отношении. Значит, нет препятствия избирать в епископы такого мирянина, который отличается добродетелями и преуспел в нравах. Что это действительно так, видно из деятельности второго Вселенского собора, который возвел в епископы Константинополя Нектария, только что получившего крещение, возвел, имея в виду его нравственные достоинства; есть и другие примеры **В** подобном роде. При подобных же обстоятельствах избран Амвросий Медиоланский, Ефрем Антиохийский, Евсевий Кесарийский (правильнее — Самосатский. — **А. Л.**), да вообще таких примеров можно найти великое множество. Нужно припомнить и то, что писал Василий Великий Амфилохию Иконийскому: «Можно, — писал он, — избирать в духовную должность и недавно крещенного, если такое дицо в положении оглашенного проводило жизнь благочестивую». Далее, избранные в

епископы из мирян отличались такими высокими достоинствами в своей пастырской деятельности, что они в состоянии отъять всякое бесчестие от Церкви Константинопольской, позволявшей себе указанную практику; еама Римская Церковь признавала их законными епископами. Мало этого: Римская Церковь и в своей среде имела епископов, избранных прямо из мирян, — это лучше нас знают папские легаты». [\[311\]](#) Затем оратор повторяет тот аргумент, который был приведен Прокопием Кесарийским, именно, что сардикийское правило не всех мирян без исключения устраняет от епископства, а лишь тех, которые были адвокатами, а с этим Церковь Константинопольская вполне согласна. Что касается, в частности, патриарха Фотия, то, говорил оратор, он далеко держал себя от треволнений, соединенных с занятиями адвоката. Если он, ради своих достоинств, принят был в число славных членов Сената, то, однако же, он не искал почета и в такой мере был проникнут стремлением к благам высшим (духовным), что даже и живущие в горах аскеты ничто в сравнении с ним. К этому еще нужно прибавить: многие клирики и монахи были выставлены кандидатами на место патриарха Константинопольского наряду с Фотием, но он тогда был предпочтен всем. «Да и скажите, — спрашивал оратор, — к чему человека, украшенного добродетелями, нужно заставлять наперед пройти низшие церковные степени для получения епископства, как скоро добродетели, которые он должен был бы приобрести путем низших церковных степеней, уже раньше приобретены им?» В заключение речи оратор распространяется о патриархах Тарасии и Фотии, доказывая, что хотя они на епископство взяты прямо из мирян, однако заявили себя замечательной

деятельностью против еретиков и успехами в распространении христианства среди язычников.

По какой-то непонятной причине папские легаты не сделали никаких возражений ни одному из ораторов — ни Прокопию, ни Захарии. Легат Петр сказал только, по-видимому, выражая согласие с тем, что он только что выслушал: «Апостолы хотели избрать Иосифа, именуемого также Варсавой, на место Иуды, для восполнения своего лика, но благодать Св. Духа предызбрала на это место св. Матфея, так что избран был апостолами этот последний. Нет несообразного и в том, что и вы с помощью Божией благодати избрали Фотия, а римский епископ признал его избрание и подтвердил».^[312] Очевидно, прения по вопросу, выдвинутому папским посланием, не привели ни к каким строго определенным заключениям.

По предложению легатов прочитано было далее письмо иерусалимского патриарха Феодосия к императору Василию. Содержание письма не представляет ничего особенного. Патриарх желает императору разрушить царство сарацин, а Фотия признать законным патриархом Византии. Собор выразил одобрение письму. Косвенным образом это письмо возбудило на соборе вопрос о патриарших представителях собора' 869 года, т. е. побудило произвести осуждение на их самозванство. Дело происходило так: легаты спросили теперешнего иерусалимского уполномоченного от лица патриарха — Илию: «Откуда пришло это письмо? Кто его принес?» Илия отвечал: «Оно пришло от патриарха Иерусалимского Феодосия, на соборе Иерусалимском подтвердившего законность возведения Фотия на кафедру, а принес его мой родной брат монах Андрей». При этом Илия сказал, что суждение патриарха Иерусалимского вполне разделяют и патриархи

Александрийский и Антиохийский. Папский легат Петр объявил: «Вот каким образом в настоящее время высылаются письма восточных патриархов для утверждения Фотия; подобным образом прислал письма и папа». Легат хочет сказать, что письма патриархии и уполномоченные от патриархов в настоящем случае не возбуждают против себя сомнений и подозрений. «Иначе было, — говорил затем легат, — во времена собора 869 года; тогда лица, посланные для выкупа пленных сарацин, выдали себя за апокрисиариев патриарших кафедр; таковыми были Илия Иерусалимский и Фома Тирский.^[313] Ввиду того, что прежде появлялись ложные представители патриархов, мы, — говорит легат Петр, — и остановились своим вниманием на вопросах: кто принес патриаршее письмо? Откуда оно пришло?» Легаты, очевидно, хотели предохранить собор от всяких подлогов и обмана. Сотоварищи Петра легаты Евгений и Павел объявили, что они и сами видели своими глазами письма патриархов, много дней видели и принесшего письма монаха Андрея и нашли, что вера его правая и что он действительно тот, за кого он выдает себя. Собор весь, т. е. вся совокупность восточных епископов, сказал, что апокрисиарии собора 869 года были ложные апокрисиарии, слуги сарацин, и что они заслуживают отлучения от Церкви, а теперешних уполномоченных от восточных патриархов провозгласили истинными представителями их патриархов.

Фотий воспользовался представившимся ему случаем, чтобы выразить те тяжелые чувства, какие возбуждала в нем деятельность собора 869 года, и тем принизить значение, какое придавали этому собору враги патриарха. Фотий так говорил: «Что произошло тогда, Бог предал забвению и нам дал возможность забыть случившееся. Скажу только об одном. Когда я

изгнан был из Церкви и лишен кафедры, когда множество епископов и пресвитеров (партия Фотия. — **А. Л.**) лишились своих мест и тяжело страдали, тогда я говорил моим врагам: «Если ваш гнев обращен единственно против меня, дайте свободу этим (епископам его партии. — **А. Л.**); против меня вы можете предъявлять столько обвинений, сколько хотите; ради свободы, ради благополучия этих я готов принять на себя ваши обвинения, одного обвинения не приму на себя — в нечестии. Я предаю себя вам, и вы можете делать, что хотите. Только одного я хочу, чтобы Церковь Божия избавлена была от тягостного зрелища, зрелища, как народ Божий, многочисленный, преданный истинной вере, со мной согласный, предается смерти, голоду, ссылке, озлоблениям; как святые христианские таинства становятся предметом насмешек для всех язычников и варваров». Я говорил тогда это громким голосом я заклинал своих врагов сделать так и готов был сдержать свое слово: собственными страданиями искупить многих невинных. **И** казалось, что в начале нападение врагов было направлено против меня одного, но потом их гнев перешел не только на многочисленных епископов, но и на всех без исключения людей, преданных Богу. Но об этом лучше пройти молчанием». В заключение Фотий говорит о совершенно непредвиденном для него событии — собственном своем восстановлении на патриаршестве.

Ясно, куда клонилась искусная речь патриарха — он хотел разъяснить, что заправители собора **869** года были людьми неправды, преследовали цели непохвальные, и потому они не заслуживали доброй памяти, а осуждения. В таком роде и поняли речь Фотия апокрисиарии теперешнего собора. Они **заявили**, что в настоящем случае они действуют отнюдь не из каких-либо корыстных видов, но единственно

руководствуются истиной и справедливостью. Уполномоченный патриарха Иерусалимского **Илия**, желая дать знать, что он отнюдь не был каким-нибудь орудием в руках Фотия, сказал, что он, Илия, прежде прибытия в Константинополь не видывал Фотия, что он, Илия, не получал от него **писем** и что вообще не имел с ним сношений, но Прибыл в Константинополь ради страданий, понесенных Фотием, и для засвидетельствования о лживости прежних апокрисиариев. Так отличает себя Илия от самозванных и своекорыстных представителей патриарших собора 869 года. В том же роде сделали замечания по поводу речи Фотия и папские легаты; они говорили, что они не имеют пристрастия к Фотию, не подкуплены подарками, но что они руководятся истиной, свидетельством императора и сведениями о добродетелях Фотия, по которым он был таким патриархом, какого уже давно не было в Византии. Фотий выразил свою благодарность апокрисиариям и заявил: «Я имел бы многое сказать, если бы речь здесь шла о другом лице, а не обо мне, о моем же лице я хочу молчать, как скоро нет настоящей нужды говорить». Легат Петр сказал: «На Фотии исполнились слова Евангелия: «Не ищу славы Моей»».

Заключительным действием третьего заседания было прочтение инструкции (Commomtorium), данной папой своим легатам, имевшим присутствовать на этом соборе. Чтение это предложено было легатом Петром. Остается неясным, почему допущено было легатами публичное чтение вышеуказанной инструкции, ибо инструкция, по самому понятию о ней, имела частное и даже тайное назначение. Она состояла из одиннадцати глав. В первой главе внушалась легатам следующая осторожность: прежде аудиенции у императора никому не давать в руки папских писем. Во второй главе указывалось, как приветствовать императора на

аудиенции. В третьей: как приветствовать Фотия, именно внушалось назвать его братом и соепископом папы. В четвертой говорилось, что о папском признании Фотия патриархом легаты должны были заявить на соборе, и выражалось требование, чтобы Фотий на соборе воздал благодарность папе и исповедовал милость его, папы, к патриарху. Пятая касалась игнатиан, принявших Фотия в общение с собой, причем предписывалось возвращать игнатианам-епископам их кафедры — на известных условиях. Шестая определяла порядок чтения на соборе папских посланий. В седьмой — внушалось действовать увещаниями на противящихся миру церковному и говорилось о прещениях, каким подлежали упорные из них. В восьмой — провозглашалось правило, что по смерти Фотия не должно быть допускаемо возведение мирян прямо в епископы. Девятой главой требовалось, чтобы впредь патриарх Константинопольский не назначал от себя духовенства в Болгарию (т. е. требовалось признание исключительно папской юрисдикции). Замечательна десятая глава, — здесь говорилось: «Хотим (папа говорит о себе. — **А. Л.**), чтобы собор, бывший при папе Адриане в Константинополе (869 г.), считался отвергнутым, лишенным значения и чтобы он не причислялся к прочим святым соборам».^[314] Собор при чтении этой главы инструкции сказал: «Признав Фотия патриархом, мы тем самым отвергаем, осуждаем и анафематствуем названный собор». Илия Иерусалимский («и Илия Мартиропольский» — ошибочная прибавка в актах) сказал: «Разве можно назвать собором такое собище, которое наполнило Церковь бесчисленными смутами? Кто назовет собором собище, где посланцы сарацин возведены были в достоинство судей и законодателей? Можно ли причислять к соборам собрание, в котором дело велось

вопреки святым канонам, в котором лица невинные осуждены без суда, попраны ногами духовные и гражданские законы? Патриаршие кафедры Востока, — добавляет Илия, — отвергли и предали анафеме деяния этого сораища». В одиннадцатой главе инструкции внушалось легатам не поддаваться подкупу и не давать увлечь себя лестью.

По прочтении инструкции члены собора — и вместе все, и в лице отдельных представителей его — выразили благодарность и хвалу легатам за то, что они верно следовали папской инструкции и восприняли на себя труды по умиротворению Церкви.

Наконец легат Петр спросил: приемлет ли собор содержащееся в инструкции? Члены собора, разумеется, выразили свое удовольствие. Обычным многолетием и закончилось третье заседание собора.

[\[315\]](#)

3.

Промежуток между третьим и четвертым заселениями собора. — **Четвертое** заседание; появление уполномоченного от лица патриарха Антиохийского (Василий, митрополит Мартиропольский); новый патриарх Иерусалимский; чтение новых патриарших писем; речи о единении Церкви. — Обращение двух патрикиев к соединению с Фотием. — Пять предложений (в пяти главах), предъявленные папскими легатами; прения о каждом из них. — **Пятое** заседание: рассуждение по вопросу о седьмом Вселенском соборе. — Старания отцов привести к единению с Фотием главного противника его — Митрофана Смирнского; упорство последнего. — Три правила, составленные на этом соборе, обстоятельства их происхождения и разъяснение

смысла правил. — Подпись деяний этого собора членами его. — **Шестое** заседание в 'присутствии императора: речь императора, в которой объясняется, почему он не присутствовал на прежних заседаниях. — Провозглашение и подтверждение Никео-Константинопольского символа в знак единения и мира Церквей и определение о неприкосновенности этого символа. — Заявление императора, что он вполне принимает деяния собора 879-880 годов и подписание им этих деяний. — **Седьмое** и последнее заседание. — Значение собора 879-880 гг. — Вторичное низложение Фотия с патриаршей кафедры. — Продолжительные отголоски партий фотианской и игнатианской в последующей церковной истории Византии.

Между третьим и четвертым заседаниями собора 879-880 годов проходит довольно значительный промежуток — более месяца (именно 35 дней). Из актов собора не видно, отчего произошел такой перерыв в соборной деятельности; на этот счет можно сделать лишь несколько более или менее вероятных предположений. Прежде всего, можно думать, что поджидали прибытия уполномоченного лица от патриарха Антиохийского; этого уполномоченного не видим на первых заседаниях собора, а появляется он только с четвертого заседания. Очень возможно, что указанный промежуток времени отчасти употреблен был на то, чтобы посредством бесед и убеждений склонить упорных из игнатиан к единению с патриархом Фотием. Занимался ли кто из восточных епископов, членов собора, этим делом, сказать трудно, но, несомненно, указанной задаче посвятили много времени папские легаты, как они сами заявляют об этом на четвертом заседании собора (из чего видно, что они продолжительным увещанием игнатиан занялись именно перед этим заседанием).^[316] Наконец делается

очень вероятное предположение, что к удлинению промежутка между третьим и четвертым заседаниями собора послужила смерть Григория Асвесты,^[317] знаменитого главы партии, противодействовавший игнатианам еще до времени патриаршествования Фотия; Фотий глубоко чтит Григория Асвесту, и последовавшая в течение собора смерть его побудила патриарха почтить покойного иерарха похвальными надгробными речами.^[318] Разумеется, нельзя думать, чтобы смерть и торжественное погребение Григория отняли много времени, но все же эти обстоятельства могли отнять у председателя собора, Фотия, несколько дней.

Четвертое заседание собора происходило 24 декабря 879 года, накануне праздника Рождества Христова. После открытия заседания протонотарий Петр возвестил, что незадолго перед этим прибыл в столицу уполномоченный патриарха Антиохийского Василий, митрополит Мартиропольский, что он принес с собой письма как патриарха Антиохийского, так и нового патриарха Иерусалимского, находится у дверей и просит позволения явиться на собор. Последовало дозволение войти. Василий Мартиропольский, войдя на собор, приветствовал председателя Фотия; последний после молитвенного возгласения обнял апокрисиария, спросил его о здравии патриархов Антиохийского и Иерусалимского и о благосостоянии управляемых ими Церквей. Апокрисирий дал ответ благоприятный, прибавив, что благодаря молитвам Фотия Церкви находятся в мире и согласии. Затем того же апокрисиария приветливо приняли папские легаты, и он занял свое место. Эпизод вступления и приема антиохийского уполномоченного сам по себе, конечно, не важен, но он имеет значительный интерес, если мы припомним, как приняты были на соборе папские

легаты во время первого заседания его. Оказывается, прием этих последних и Василия был одинаков до последних мелочей. Можно полагать, что Фотий совершенно сравнивал в приеме как папских легатов, так и патриарших уполномоченных, для того чтобы показать, что легаты такие же члены собора, как и патриаршие уполномоченные, и не имеют преимуществ перед последними, несмотря на известные притязания пап. Василия Мартиропольского, по обычаю, собор спросил о причине его прибытия и от кого он послан. На это Василий отвечал, что он уполномоченный от лица патриарха Антиохийского, принес письма двух патриархов, а о причине его посольства, сказал он, дается разъяснение в письмах, им принесенных. Впрочем, уполномоченный не считал излишним и на словах объяснить, с какой целью он послан, — он говорил: патриарх Антиохийский Феодосий всегда признавал Фотия законным патриархом и отвращался от тех, кто не считал его таким. Сам он, Василий, послан от своего патриарха для участия на соборе; о патриархе Иерусалимском, недавно избранном, Илие, тот же уполномоченный заявлял, что он (Илия), как и предшественник его (Феодосий), не принимал никакого участия в тех несправедливостях, кои учинены против Фотия, а прежних апокрисиариев (т. е. бывших на соборе 869 года) считает «сарацинскими местоблюстителями», самозванно принявшими на себя представительство от своих патриархов, и анафематствует их. Наконец, Василий говорил, что он имеет поручение заявить, что Илия Иерусалимский признавал прежде, теперь признает и в будущем станет признавать Фотия истинным патриархом. Василий потом передал Фотию принесенные им письма, которые и были прочитаны на соборе. Прежде прочитано было письмо патриарха Антиохийского, в котором, между прочим, говорилось,

что вот уже более двадцати лет, как Антиохийская Церковь, все епископы и пресвитеры ее, зная высокие святительские совершенства Фотия и его ученость, признают его патриархом,^[319] находились в общении с ним, а не принимающих Фотия считали врагами церковного порядка. Письмо патриарха в очень определенных чертах указывает на то, что Василий Мартиропольский есть полноправный апокрисиарий Церкви Антиохийской. Это письмо патриарха, по сравнению с прежним его письмом к тому же собору, носит вполне официальный характер и назначено к тому, чтобы засвидетельствовать истинность посольства Василия Мартиропольского. По прочтении этого письма сказано было на соборе несколько коротеньких речей. Первым выступает легат Петр. Он указал на то, что все патриаршие кафедры одинаково признают Фотия патриархом и выражают попечения о мире церковном. В этом случае, говорил Петр, патриархи являются единодушными и вполне согласными со вселенским папой, этого «главы всех Церквей». Восточные патриархи, рассуждал оратор, должны были следовать голосу святейшей Церкви Римской, что они и сделали по благоволению Св. Духа. Прокопий Кесарийский говорил вслед за Петром и имел в виду особую цель. Восточный оратор сказал: «Когда божественное решение (θεία ψήφος, — дело идет о всеобщем признании Фотия патриархом. — **А. Л.**) дано свыше (от небес, от Бога. — **А. Л.**), тогда все причастники Св. Духа (т. е. истинные христиане. — **А. Л.**) принимают это решение и радуются о нем; поэтому и мы возрадуемся о всеобщем согласии в Церкви». Слова Прокопия представляют собой поправку к заключительному выражению речи легата Петра. Легат заявил, что папа заботился о единении в Церкви и что результат этих забот был самый отраднейший, потому что

все последовали папскому решению, как де и следовало сделать; напротив, Прокопий дал заметить, что в благоприятном результате главное дело — не папское влияние, а содействие Божие. Таким образом, Прокопий старался устранить папистские идеи легатов. Затем последовало несколько восклицаний со стороны всего собора: кто не признает и не радуется миру церковному, тот враг мира и самого Царя мира — Христа и т. п. — Приступили к чтению другого патриаршего письма, именно письма Илии Иерусалимского. Письмо патриарха Илии, как и вообще письма восточных патриархов, писавших по делу Фотия, не богато содержанием. Патриарх признает, подобно своему предшественнику, Фотия истинным архипастырем Константинополя; замечательно, что патриарх Иерусалимский называет себя недостойным епископом, занимающим ту самую кафедру, на которой восседал сам Господь Иисус Христос (τον αὐτόν θρόνον τοῦ σωτήρος ἡμῶν παρακαθημένος). Чтение письма побудило собор к новому прославлению достоинств и доблестей патриарха Фотия. Собор в его целом говорил: «За все нужно благодарить Бога, который столь совершенное согласие (по поводу признания Фотия патриархом. — **А. Л.**) распространил до самых концов земли. Боже, храни твое святительство, святейший владыка (Фотий. — **А. Л.**), многая лета; Боже, умножь дни твои во славу Церкви». Затем начались отдельные речи соборных ораторов, направленные тоже к прославлению Фотия. Представитель патриарха Иерусалимского — Илия, между прочим, указал на то, что, вследствие широкого распространения славы Фотиевой, к нему присылали письма даже сарацины, прося научить их истинам веры и желая принять крещение. Эту речь Илии собор принял с особенным одушевлением и восторгом. Члены собора восклицали: «Кто не знает, что Бог обитает в Фотии!» Самые

папские легаты, как бы забыв на время о папе римском, которого они старались так возносить, стали прославлять Фотия в таких словах, которые представляются чем-то совсем неожиданным. Они, легаты, провозглашали: «Как солнце, хотя оно находится на небеси, однако светом своим наполняет всю землю, так и наш владыка Фотий, хотя он имеет кафедру в Константинополе, однако же освещает и просвящает всякую тварь (*omnem creaturam*)». Наконец, несколько слов в честь и хвалу Фотия говорит и еще оратор — Прокопий Кесарийский; он сказал: «Благословен Бог наш, собравший через посредство Фотия столь достопочтенных мужей с Запада и Востока, для того чтобы привести к единству рассеянные члены Церкви. Ибо наш всесвятейший владыка Фотий подражает Христу, нашему истинному Богу, подъявшему на свои рамена потерянную овцу; он, Фотий, никого не презрел, никого не оттолкнул, но всех призвал к единению и миру и восстановлению благочиния в Церкви; но почему успел призвать всех к этому? — спрашивает оратор и отвечает, — потому что Бог мира почил в нем — Фотии» ,^[320] Таким образом, чтение новых писем от патриархов восточных дает новый повод к восхвалению Фотия, восхвалению единодушному, ибо в нем принимают живое участие и папские легаты, восхвалению необыкновенному, почти беспримерному.

В актах того же четвертого заседания рассказывается эпизод, из которого видно, что легаты старались о воссоединении упорных игнатиан с Фотием и что это их занятие имело значительный успех. Легат Петр заявил на соборе, что они, легаты, прибывшие в Константинополь с целью привести всех к единению, посвящали много времени этому делу и имели успех. Затем легат Петр прибавил: «Молитвами свв. апостолов,

два патрикия, доселе отделявшиеся от Фотия, принесли полное раскаяние и молят о прощении». Имена этих патрикиев не названы. «По их собственным словам, эти патрикии, — говорил далее тот же легат, — ожидали нашего прибытия в Константинополь и потому держали себя вдали от единения с патриархом. Но теперь, когда они достоверно узнали, что Римская Церковь признает Фотия законным патриархом и заботится о соединении Церкви, они раскаялись от всего сердца. Итак, примите их в общение». Члены собора в ответ на это сказали: «Мы видели их и приняли их в общение». Единственно, что удерживало их от воссоединения с Фотием, — это подписи, данные ими против Фотия,^[321] к чему они были побуждены ложными патриаршими уполномоченными собора 869 года и другими лицами. Они, патрикии, говорили, по заявлению членов собора, что если бы грех их был не лично против святейшего Фотия, то они стали бы искать разрешения у этого патриарха, но так как грех ими учинен именно против этого последнего, то они сочли нужным искать разрешения греха и прощения у другой патриаршей кафедры (т. е. у представителей папы — легатов). И так как они получили желаемое ими прощение, то и приняли его (Фотия) со всей радостью и отвергли тех, кто не вошел в единение с Фотием. «Вследствие всего этого, — объявляли члены собора, — мы приемлем патрикиев как наших детей и признаем членами Церкви». Папские легаты на это отвечали: «Если собор принимает раскаявшихся патрикиев и если так поступил и святейший Фотий, то и мы принимаем их. Ибо кого Фотий принимает, того принимаем и мы, и кого он отвергает, того отвергаем и мы с ним, поступая в этом случае согласно со словами папы Иннокентия, который говорил: «Кому протягиваете руку вы, тому — и я, как св. Церковь печалится о разделении ее членов, так она

же и радуется о соединении и согласии их»». ^[322] Собор в настоящем случае говорит о воссоединении с Фотием только двух лиц — двух патрикиев, а не говорит о других игнатианах, которые, по свидетельству папских легатов, тоже вошли в общение с патриархом, — вероятно потому, что вышеупомянутые патрикии представляли собой очень влиятельных сановников в государстве и пример их мог быть поучителен для других, менее важных приверженцев Игнатия и врагов Фотия.

Как видно из хода соборной деятельности до четвертого заседания, папские легаты делали на соборе попытки привести к разрешению несколько вопросов церковного характера, которые особенно интересовали пап, но эти попытки ни к чему не приводили: члены собора старались отклонить точное решение этих вопросов. В этом случае членами собора руководило то соображение, что нельзя было дать вопросам, какие ставили легаты, такого решения, которое бы удовлетворяло обе стороны — и сторону Рима, и сторону Востока, или другими словами: и папу, и восточную Церковь. Но легаты не удовлетворились таким неопределенным результатом и захотели добиться более определенного решения вопросов, интересующих Римскую Церковь. А потому они сочли нужным внести снова на рассмотрение собора свои предложения, изложив их в пяти отдельных кратких главах.

В первой главе предложений говорилось: «Предстоятель Церкви Константинопольской не должен ни посвящать духовных лиц для Болгарии, ни посылать туда паллиума». Предложение это и на этот раз, как и прежде, не встретило ни малейшей поддержки в членах собора. Отцы собора по-прежнему говорили: «Это дело не подлежит ведению собора и должно быть отложено

до другого времени; это дело, — говорили они, — должно быть решено императорской властью». Причем епископы брали на себя труд ходатайствовать перед императором, чтобы он занялся рассмотрением вопроса о Болгарии. Приблизительно в том же роде высказались и отдельные ораторы собора. Прокопий Кесарийский говорил: «Можно надеяться, что благочестивый император (Василий. — **А. Л.**), по благоволению Божию и по молитвам святейшего Фотия, силой оружия восстановит древние границы своего (Римского. — **А. Л.**) царства и приобретет власть надо всей землей; когда же это случится, тогда император по своему усмотрению определит границы патриархатов, так что между патриархами не будет возникать никаких споров, а будет царствовать мир, как в этом, так и в других отношениях». Другой оратор — Феофил, митрополит Иконийский, уже слишком много наобещал папе в будущем, когда говорил: «Папа тогда получит больше того, чем сколько он желает и требует, ибо Фотий питает великую любовь и почтение к папе». Еще другой оратор — Никита Смирнский раскрывает мысль, что и нет оснований много заботиться о разграничении патриархатов Римского и Константинопольского; именно он говорил: «Любовь и духовное братство между римским первосвященником и нашим патриархом так велики, что они составляют как бы одну душу; поэтому можно считать, что они как бы сообща управляют подведомым им народом и подчиненными их власти странами и что каждый из них в приобретении другого видит свое собственное приобретение». В соответствии с такими речами ораторов собор сказал: «И мы говорим то же самое». Этим закончились прения по вопросу болгарскому. Возражали ли что папские легаты по поводу речей членов собора, из актов не видно; но, во всяком случае, они должны были чувствовать себя неудовлетворенными.

Вторая глава предложений, сделанных папскими легатами, гласила следующее: «Никто из мирян не может быть возводим на будущее время на кафедру Церкви Константинопольской. Если это случилось раньше и было во благо, то это обыкновение не должно считать законом для будущих поколений». Собор не принял и этого предложения легатов. Против него, прежде всего, высказались апокрисиарии трех восточных патриархов. Они говорили: «В Церквях Александрийской и Антиохийской и св. Града принято выбирать епископов безразлично из мирян, монахов и клириков, причем принимаются во внимание, главным образом, душевные достоинства избираемых. Не ради одних клириков, — говорили апокрисиарии, — сходил Христос с небеси, и не им одним Он обещал награду за добродетель, но всем христианам». «Если принять предложение легатов, — продолжали свои речи апокрисиарии, — тогда запустеют архиерейские кафедры и потерпят они вред; притом же, если принять это предложение, то оно будет служить укором для тех достойнейших патриархов, которые прежде этого были избраны из мирского звания». Прочие члены собора говорили: «В каждой Церкви есть свои обычаи, наследованные от древних времен; их находят в Церквях Римской, Константинопольской и прочих восточных патриархатах. Если Римская Церковь никогда не допускала избрания епископа из мирян, то и пусть она остается при этом обыкновении; можно только пожелать, чтобы между клириками и монахами встречалось как можно больше людей, достойных сана епископского; но во всяком случае, никого не следует отстранять от должности епископской под предлогом непринадлежности его к числу клириков, разумеется, если избираемый — лицо, отличающееся способностями и достоинствами». Таким образом, и второе

предложение легатов тоже было отстранено собором.
[\[323\]](#)

В третьей главе предложений папских легатов значилось: «Никто не должен быть возводим на кафедру константинопольского епископа из числа лиц, принадлежащих к другой Церкви; епископ Константинопольский должен быть избираем лишь из пресвитеров и диаконов, принадлежащих к штату этой Церкви (*ex cardinalibus*)». И это предложение легатов тоже было отклонено собором. Члены собора говорили: «Это предложение заключается уже в предыдущем» и выражали желание, чтобы в Церкви Константинопольской не переводились отличающиеся достоинствами священники и диаконы; но если между ними не встретится достойных патриаршей кафедры, то нужно отдавать предпочтение достойнейшим, т. е., очевидно, избирать и из клириков других городов, не ограничиваясь штатом духовенства столичной Церкви.
[\[324\]](#)

Два другие предложения легатов, напротив, приняты были собором очень охотно. В четвертой главе рассматриваемых предложений говорилось: «Что сделано против патриарха Фотия, как на соборе Римском при папе Адриане, так и на соборе Константинопольском (869 г.) при том же папе, следует считать уничтоженным».
[\[325\]](#) Само по себе понятно, такого рода предложение могло быть принято на соборе лишь с радостью. Василий Мартиропольский, апокрисиарий антиохийского патриарха, заявил, что патриарх Александрийский(?) Михаил со своими епископами уже давно отверг и анафематствовал все, что учинено против святейшего Фотия, а всех, принимающих акты собора 869 года, подверг отлучению. Так же поступил, по словам Василия, и патриарх Антиохийский Феодосий, ибо он подверг

анафеме всех, кто называет это собрание (869 г.) собором. Апокристиарий патриарха Александрийского Косма указал на письмо своего патриарха в Константинополь как на выражение согласия этого последнего с тем, что предложено сейчас на соборе легатами. Илия Иерусалимский, апокристиарий от лица прежнего и теперешнего патриархов Иерусалимских, объявил отлучение на приверженцев собрания, бывшего под руководством «сарацинских апокристиариев». Все члены сказали: «Все мы так мыслим; все так учили; этому предложению папы Иоанна мы более радуемся, чем другим его предложениям; анафематствуем с величайшей ревностью все, что учинено было против Фотия». Пятая глава предложений выражена была в следующих словах: «Те, которые доселе отделяются от святой Церкви и от патриарха Фотия и остаются в схизматическом заблуждении, таковые лишаются тела и крови Христа, Бога нашего, а также общения с верующими, пока они пребывают в своем заблуждении». Выслушав это предложение, члены собора сказали: «Это всем угодно, вы правильно судите». При этом собор объяснил, что врагов Фотия осталось уже немного и притом они изъявляют готовность припасть к ногам Фотия и испросить у него прощения в своем грехе.

В заключение заседания легат Петр сказал: «Соблазны устранены из среды церковной, истина возблистала» и затем выразил одно желание, которое нашло себе полное сочувствие в членах собора, именно, он предложил, чтобы литургия в день праздника Рождества Христова была совершена самым торжественным образом Фотием вместе со всеми членами собора. Собор отвечал: «Да будет так, как вы говорите». Конечно, для патриарха Фотия такой факт, как служение с ним в Софийском храме легатов и всех

членов собора, был в высшей степени приятен; этим давалось наглядное свидетельство, что патриарх в самом деле принят в общение всеми Церквями на Востоке и на Западе. Рассматриваемое заседание закончилось обычным многолетием императору. [\[326\]](#)

Пятое заседание собора происходило 26 января 880 года в том же отделении Софийского храма, где имели место и другие его заседания, начиная со второго. Первым делом отцов собора на пятом заседании было утвердить авторитет седьмого Вселенского собора. Патриарх Фотий в краткой речи сделал следующее заявление: «Собор, бывший при патриархе Тарасии в Никее, давно уже причислен к числу Вселенских в Церкви Константинопольской, но не так в других странах: в Церкви Римской и в восточных патриархатах, хотя определения названного собора и принимаются, но он не почитается равным прочим Вселенским соборам и не именуется «седьмым Вселенским собором»». Вследствие этого Фотий предложил во всех Церквях принять вышеуказанный собор как собор Вселенский седьмой. Можно полагать, что кроме тех побуждений к рассуждению о Никейском соборе 787 года, какие указаны Фотием, у него могли быть и другие побуждения высоко поднять авторитет этого собора. Сам Фотий был жарким врагом иконоборцев и заявил себя полемикой в пользу иконопочитания: поднятие авторитета собора могло быть некоторого рода санкцией его, фотия, противоиконоборческой деятельности. С другой стороны, руководителем собора 787 года был Тарасий, патриарх Константинопольский, избранный в епископы, подобно Фотию, прямо из мирян; очень возможно, что Фотию желательно было доставить возможно больший авторитет собору 787 года, ибо с этим вместе как возвышался авторитет Церкви Константинопольской (что было очень важно ввиду

притязаний папства), так и отнималась возможность ставить Фотию в упрек избрание его в епископы из мирского звания. Наперед можно угадывать, как принято вышеуказанное предложение Фотия на соборе. Римские легаты или, точнее, легат Петр, заявили, что Церковь Римская всегда принимала определения Никейского собора 787 года, а теперь будет считать его наравне с прочими Вселенскими соборами и именовать его седьмым Вселенским собором.^[327] Тот же Петр провозгласил: «Кто не признает второй Никейский собор Вселенским собором, тому — анафема». Прочие члены собора повторили это заявление легата. В подобном же роде высказались и уполномоченные восточных патриархов — Василий Мартиропольский и Илия из Иерусалима.

Одной из важных задач деятельности собора было — примирение игнатиан с Фотием, вторично занявшим Византийскую кафедру. Есть основания допускать, что это дело собором ведено было не без успеха. Но оставались и такие игнатиане, которые ни под каким видом не соглашались войти в общение с Фотием и признать его законным патриархом. Во главе таких стоял Митрофан, митрополит Смирнский, ревностный и деятельный приверженец Игнатия и церковной политики пап Николая и Адриана.^[328] Для собора очень важно было привлечь на свою сторону этого Митрофана, но этот последний оставался упорен и непреклонен. В пятом заседании собора находим довольно подробное рассуждение по делу Митрофана Смирнского. Папские легаты тотчас после рассуждений относительно авторитета седьмого Вселенского собора сделали предложение послать к Митрофану, который, очевидно, находился в Константинополе, депутацию и спросить его: согласен ли он примкнуть к церковному единству, т. е. принять Фотия патриархом? Для

указанной цели избраны были собором три митрополита (очень почетное посольство) — Василий Критский, Григорий Сельгийский и преемник Митрофана на кафедре Смирнской (как упорный игнатианин, Митрофан лишен был кафедры) Никита. Эти митрополиты отправились к Митрофану и от имени собора и папских легатов приглашали его явиться на собор с целью заявить о своих расположениях и дать ответ, по какой причине он, Митрофан, отделяется от Церкви. Митрофан отвечал: «Я болен и потому не могу много говорить; я охотно пришел бы на собор и дал бы достаточный ответ о причине моего отделения, но свидетельствуюсь моей совестью, что я тяжело болен и не в состоянии идти и предстать перед собором. Прошу оставить меня в покое, пока я не поправлюсь здоровьем. Впоследствии я стану защищаться». Ответ Митрофана доложен был собору. Римские легаты остались недовольны объяснениями, данными Митрофаном; они при этом объявили, что, согласно указаниям папы Иоанна, они не раз и не два, а многократно увещевали Митрофана отстать от своего заблуждения и присоединиться к Церкви Божией; и теперь, через посланных к нему депутатов, на увещания их он отвечает отговорками; он болтает пустяки, показывает себя схизматиком; он будто бы не в состоянии сказать несколько целесообразных и спасительных для него слов: «Я соединяюсь с Церковью, как велит святейший папа Иоанн», а между тем он плетет длинные и суетные речи, как бы забывая, что он болен; видно, что болезнь его — только благовидный предлог. Вследствие всего этого, так закончили свою речь легаты: «Согласно приказанию папы Иоанна и сообразно церковным правилам, мы отрешаем его от церковного общения, пока он не возвратится к своему законному архипастырю». Затем легаты объявили, что они, согласно указаниям папы

Иоанна, предлагают собору принять такое правило: «Кого патриарх Фотий связал или разрешил, всех тех и мы считаем связанными и разрешенными, ибо он (Фотий. — **А. Л.**) и собор с нами согласны; а также: кого святейший папа Иоанн каноническим образом лишил церковной степени, того и патриарх Фотий обязан считать лишенным сана; со своей стороны, и папа обязан считать разрешенными или связанными всех тех, кто разрешен или связан патриархом Фотием». В заключение своих слов легаты предложили выдать и обнародовать в таком именно смысле составленное церковное правило. Таким образом, открылся путь для составления первого правила рассматриваемого собора. Инициатива в этом случае принадлежала легатам. Предложение их было принято собором, и вот явилось первое правило собора — такого содержания:

«Св. и Вселенский собор определил: если кто из италийских клириков, или мирян, или епископов, обитающих в Азии, или Европе, или в Ливии (Африке. — **А. Л.**), подверглись или узам отлучения, или низвержению из сана, или анафеме от святейшего папы Иоанна, те да будут и от святейшего Фотия, патриарха Константинопольского, подвержены той же степени церковного наказания. А кого из клириков, или мирян, или архиереев и иереев Фотий, святейший патриарх наш, в какой бы ни было епархии, подвергнет отлучению, или низвержению, или предаст анафеме, таковых и святейший папа Иоанн, и с ним святая Божия Римская Церковь да признает подлежащими тому же наказанию. Притом в преимуществах, принадлежащих святейшему престолу Римской Церкви и ее председателю, совершенно да не будет никакого нововведения ни теперь, ни впредь».

Рассуждения собора по поводу этого правила были коротки. Легаты спросили: «Угодно ли это правило собору?», и ответ был утвердительный.

Уполномоченные от лица восточных патриархов выразили свое согласие на утверждение правил. Илия Иерусалимский сказал: «Бог так устроил, что как кафедры восточных патриархов, так и папа Иоанн составляют одну душу, один дух с нашим патриархом Фотием, и их воля есть нечто общее и нераздельное». Василий Мартиропольский говорил в несколько ином роде. Вот его слова: «Первосвященники восточных патриарших кафедр, которые стали питать особенно тесную дружбу к Фотию с тех пор, как он занял патриаршую кафедру, послали нас (апокрисиариев. — **А. Л.**) сюда за тем, чтобы предоставить Фотию такую власть и авторитет, что он получает право на всякого отделивающегося от Церкви налагать такое наказание, какое ему заблагорассудится. Так как теперь Фотий, — продолжает оратор, — принял власть восточных патриарших кафедр и подкреплён авторитетом римлян (т. е. папы. — **А. Л.**), то мы объявляем связанными всех, кого он связал, и разрешенными, кого он разрешил». Папские легаты, со своей стороны, сказали: «Благословен Бог, ибо определения и решения высших патриархов являются единогласными, и благодаря общему согласию и миру все, что предначато и было обсуждаемо на святом соборе, пришло к доброму окончанию». Епископы собора тоже не оставались безмолвны, — они говорили: «Все, что нами предпринято на соборе, получило благой конец, и если бы мы умолчали об этом, то камни возопили бы. Кто не держится того, что утверждено собором, тот отлучил себя от причастия Святой и единосущной Троицы».

Какой смысл имеет правило собора, сейчас нами рассмотренное? Некоторые писатели придают этому правилу очень большое значение, видят в нем провозглашение какого-то «византийского приматства» или папства, а также находят здесь полное уравнение церковных прав константинопольского патриарха с

правами римского папы, первого из вселенских патриархов, духовной власти которого подчинены были в большей или меньшей мере все епископы Запада.^[329] Можно ли давать правилу такой обширный смысл? Кажется, нет. В самом деле, правило вовсе не дает таких широких прав патриарху Константинопольскому, как думают иные канонисты: во-первых, правило предоставляет право константинопольскому патриарху подвергать духовным наказаниям лиц, того заслуживших, делая это безапелляционно; но разве этим только правом и пользовались папы на Западе? Это лишь одно из прав, которые усвоили себе папы. Следовательно, правило далеко не создает «византийского папства», как думают некоторые ученые. Да при этом нужно принять еще во внимание, что рассматриваемое ограниченное право дается не всем патриархам Константинополя на будущее время, а лишь одному Фотию. Конечно, правило не случайно говорит лишь о личности Фотия, а не о кафедре Константинопольской: ему, а не кафедре дается данное право. Это показывает, что правило имеет значение временной церковной меры, имеет лишь пожизненное значение для Фотия. Стоит только вникнуть в обстоятельства, ради которых возникло правило, и истинный смысл его откроется в полной ясности. У собора и Фотия происходила борьба с игнатианами; борьба эта не кончилась на соборе; можно было ожидать дальнейших происков со стороны игнатиан. Например, недовольные исходом своих дел в Константинополе, они могли, сея смуты и нарушая мир церковный, обратиться к папе в Рим с какими-либо кляузными, с требованием нового суда папского над собой (история знает много таких примеров; чтобы не заходить далеко, достаточно будет указать на домогательства игнатиан в Риме после собора 861 года,

когда они были осуждены, а сторона Фотия взяла верх над ними). И вот, чтобы предупредить подобного рода домогательства, собор 879—880 годов облек Фотия исключительной, но временной властью — наказывать непослушных игнатиан, так, чтобы они не рассчитывали на возможность поправить свои дела через апелляцию к папе, так как правило прямо замечает, что связанные Фотием (т. е. подвергнутые им наказанию) будут считаться связанными папой Иоанном. Итак, по нашему суждению, ни о каком «византийском папстве» в правиле нет речи. Во-вторых, каким образом Фотий допустил бы себе на соборе провести антиканоническую мысль — о возведении Константинопольской кафедры в достоинство кафедры, упраздняющей власть прочих восточных патриархов (а это именно и было бы «восточное папство»), когда все усилия, вся энергия многолетней жизни и ученой деятельности Фотия направлены были к тому, чтобы доказать, что папы своим вмешательством в дела других Церквей, своим неуважением прав, принадлежащих другим Церквам, попирают церковные каноны, делают нечто, достойное осуждения? В-третьих, католический ученый Гергенрётер^[330] заметил, что разбираемое правило представляет сходство с одним предложением церковного характера, сделанным в письме Фотия к папе Николаю, так что сказанное предложение и послужило исходным пунктом для самого разбираемого правила. А если так, то правило не имеет ничего общего с какой-то идеей о византийском папстве, ибо безрассудно было бы предполагать, что Фотий когда-либо предлагал папе Николаю создать византийское папство. Яснее всего в разбираемом правиле выступает намерение положить границы для дальнейших незаконных притязаний папства самовластно распоряжаться в Церкви. В конце

разбираемого правила, как мы видим, говорится: «В преимуществах, принадлежащих святейшему престолу Римской Церкви и ее председателю, совершенно да не будет никакого нововведения ни теперь, ни впредь». Указанное намерение вполне согласуется с общим характером деятельности рассматриваемого собора. Заметим еще кстати: возможно ли этому правилу приписывать стремление расширить и вообще изменить права константинопольского патриарха, когда в нем, в приведенных словах заключается желание противодействовать папским притязаниям — умножать и расширять свои старые преимущества? Разве могло одно и то же правило заключать в себе такие явно противоречивые стремления?

Имея в виду содержание первого правила, члены собора спросили папских легатов: «Как нужно поступать с теми из схизматиков (игнатиан), которые, по заключении соборной деятельности, изъявляют покаяние в своем заблуждении?» Легаты отвечали: «Папа Иоанн предоставил патриарху Фотию власть раскаивающихся принимать, а упорных лишать церковного общения». Эти слова легатов не возбудили прений. Затем легаты снова обратились к вопросу о Митрофане Смирнском — они сказали, что следует сообщить ему о том осуждении, какое произнесено против него на соборе. Собор для этой цели выбрал депутацию, которая состояла из трех митрополитов — Иоанна Ираклийского, Даниила Анкирского и Георгия Никомидийского. Когда они передали Митрофану содержание соборного определения о нем, то он сказал: «Известно, что закон положен не для праведника» (1 Тим. 1, 9), а равно он, закон, не простирается на больного и немощного. Я болен и не могу прийти на собор». Затем Митрофан просил, чтобы трое легатов удостоили сами прийти к нему, больному, и выслушали его. По выслушании этих слов Митрофана от депутатов

легаты сказали: «Вместо того чтобы тратить слова попустому, он сделал бы лучше, если бы коротко и просто сказал: «Я желаю войти в общение с Церковью»; его уловки не могут принести ему пользы, при посредстве их он не избежит наложенного на него наказания». Прокопий Кесарийский заметил: «Митрофан слишком часто ссылается на свою болезнь и слабость; очевидно, он хочет уклониться от суда папских легатов». После того как легаты и Прокопий обменялись еще некоторыми замечаниями не важного содержания, легат Петр сказал: «Папа Иоанн, получивший свою власть вязать и решить от апостола Петра, сообщил ту же власть и патриарху Фотию; если Митрофан через свои уловки хочет избежать осуждения, то не удастся ему. Ибо Фотий, в силу приобретенной им власти, и без нашего присутствия может произнести суд над этим виновным».

Собор переходит к составлению других церковных правил. Инициатива составления 2-го правила вышла от патриарха Фотия. Этот последний предложил собору постановить определенное правило относительно тех епископов, которые, будучи в этом сане, принимают на себя монашеский чин, делаются монахами. При этом он говорил, что, по его мнению, епископы, делающиеся монахами и таким образом переходящие в положение подчиненности и повиновения, не могут удерживать за собой епископской кафедры. Начешись прения. Папские легаты сказали, что у них (на Западе) не допускаются такие случаи, а если какой епископ принимает на себя монашество, т. е. становится в положение кающихся, то он лишается архиерейского достоинства.^[331] Апокрисиарии Василий и Илия, со своей стороны, утверждали, что в патриаршествах Антиохийском и Иерусалимском не допускается епископам принимать монашество и в то же время управлять Церковью;

монахи беспрепятственно возводятся в епископы, но епископы, в случае принятия монашества, оставляют свою должность. Собор согласился, чтобы об этом составлено было церковное правило, принимая во внимание недоумения и споры, возникающие касательно вышеуказанных епископов, ибо иные утверждали, что епископы, принимающие на себя монашеское звание, имеют право по-прежнему управлять Церковью, а другие, напротив, находили, что монашество епископов устраняет их от должности. Легаты сказали, заканчивая прения: «Да издастся правило касательно спорного вопроса». И было составлено правило и прочтено. Вот оно — правило 2: «Хотя доньше некоторые архиереи, принявшие монашеский образ, усиливались пребывать в высоком служении архиерейства, и такие действия оставляемы были без внимания, но сей святой и Вселенский [\[332\]](#) собор, ограничивая такой недосмотр и возвращая вопреки порядку допущенное действие к церковным уставам, — определил: если какой епископ или кто иной архиерейского сана захочет снизойти в монашество, таковой впредь да не присваивает себе архиерейского достоинства. Ибо обеты монашествующих заключают в себе долг повиновения и ученичества, а не учительства или начальствования: они (монахи. — **А. Л.**) обещаются не иных пасти, но быть пасомыми. Посему, как выше сказано, постановляем: да никто из находящихся в звании архиереев и пастырей не низводит сам себя на место пасомых и кающихся. Если кто дерзнет сделать так, после провозглашения и приведения в известность произносимого ныне определения, таковой сам себя (т. е. произвольно. — **А. Л.**) устранил от архиерейского места, да не возвращается к прежнему достоинству, которое самым делом отложил».

Смысл этого церковного правила, составленного на рассматриваемом соборе, не тот, конечно, что епископы не должны быть избираемы из числа монахов. Правило отнюдь не воспрещает возводить монахов в епископы, так как в этом случае не нарушается общепринятый порядок промоции, возведения от низшей степени к высшей. Правило запрещает лишь неестественную, необычную практику, когда высшее лицо переходит к низшему состоянию — монашеству, смешивая в своем лице и деятельности обязанности начальника и подчиненного. Писатели, не расположенные к Фотию, думают, [\[333\]](#) что этот последний предложил собору провозгласить сейчас приведенное правило не ради чистых церковных интересов, а ради эгоистических, личных стремлений, — именно думают, что Фотий принятием этого правила в число канонических определений хотел преградить доступ к архиерейской кафедре тем из игнатиан, которые по восшествии Фотия на патриаршество вынуждены были оставить свои архиерейские кафедры и проживать в монастырях. Можно ли думать, что правило составлено было с целью повредить, навсегда лишить доступа к архиерейской кафедре указанных игнатиан? Нет, потому что правило имеет в виду таких епископов, которые произвольно приняли на себя подвиги монашеского жития, а игнатиане искали в монастырях лишь временного убежища и очутились здесь только вследствие занятия их кафедр фотианами. Правило не имело, таким образом, целью вредить игнатианам. Если бы Фотий имел в виду эту злокозненную цель, то правило было бы изложено как-нибудь иначе.

Повод к составлению 3-го (и последнего) правила соборного дали, вообще, епископы — члены собора. Они заявили, что некоторые из дерзких мирян позволяют себе подвергать ударам и заключать в тюрьму

епископов и священников. «Правда, — говорили они, — это встречается редко, однако же очень недавно бывали подобные случаи». Поэтому они предлагали для обуздания дерзких людей постановить правило, которым оскорбляющие священническое достоинство подвергались бы церковному наказанию. Апокристиарии Василий Мартиропольский и Илия из Иерусалима соглашались, что, действительно, полезно составить подобное правило. И вот правило составлено и прочитано.

Правило 3: «Если кто из мирян, воспреобладав и пренебрегши повеления Божие и царские и посмеаясь над достойными благоговения церковными уставами и законами, дерзнет бить или заключать в темницу епископа или без вины, или под вымышленным предлогом вины, такому да будет анафема».

«Анафема», — воскликнул собор, повторяя последнее слово правила. По всей вероятности, это правило появилось под влиянием некоторых тяжких обстоятельств времени. Известно, что сам Игнатий и его приверженцы после низвержения первого из них немало потерпели бед от светских властей. В свою очередь, и фотиане, по низвержении Фотия, натерпелись различных неприятностей и оскорблений от неблаговолившего к ним светского начальства. Ввиду этих тяжких испытаний текущего времени собор и решился провозгласить 3-е правило.

После того как закончилась законодательная деятельность собора, выразившаяся в указанных трех правилах, представители собора сказали один за другим несколько речей, в которых старались, так сказать, подвести итоги всей соборной деятельности. Прежде других говорил сам Фотий. Он сказал: «Все, что предначато было собором, все это имело благополучный конец, поэтому возблагодарим Бога, который удалил соблазны, положил предел схизматическому

заблуждению, рассеянное совокупил, святым Церквам даровал мир». Затем говорили папские легаты. Они напомнили о том, что прежде читанная папская инструкция, составленная на Римском соборе, была подписана всеми епископами, присутствовавшими на этом соборе, и предложили, чтобы подобным же образом подписались и под актами собора Константинопольского 879–880 годов все его участники. Потом те же легаты говорили о своих ревностных заботах содействовать прекращению раздоров в Константинополе и успехах, ими достигнутых; сознавали, что еще не все ими сделано, что нужно для достижения цели, но остальное они предоставили довершить самому Фотию, т. е. научать и увещевать отщепенцев и подвергать наказанию упорных из них. Подобную власть, замечали легаты, Фотий получил еще раньше нашего прибытия от самого Бога, но теперь, по воле папы, власть эта удвоилась (*duplicavit*). В заключение своей речи они заявили, что Фотия они так же уважают, как и самого папу Иоанна. Фотий, выслушав это последнее замечание и желая сказать что-либо угодное легатам, назвал их «отцами» и похвалил их ревность к приведению в исполнение принятых ими на себя задач. Уполномоченные восточных патриархов, со своей стороны, сочли долгом выразить чувство глубокого уважения к Фотию. «И наша любовь к Фотию во Святом Духе не меньше вашей (т. е. легатов. — **А. Л.**). Церкви Антиохийская, Иерусалимская и Александрийская всегда признавали его патриархом и анафематствовали лживых апокрисиариев, сделавших злое патриарху Фотию». Все епископы собора единодушно восклицали: «Благодарим Бога, даровавшего нам такого патриарха и архипастыря (как Фотий. — **А. Л.**)^[334].

В заключение пятого заседания члены собора подписались собственноручно под актами собора 879–880 годов, написанными на пергаменте. Из этого видно, что собор смотрел на это заседание, как на заключительное, а остальные два заседания имели, очевидно, значение побочных, добавочных. Подписи самого Фотия под актами собора не видим; ее нет, вероятно, потому, что, главным образом, соборная деятельность касалась его лично, а известно, что в собственном деле никто не судья. Первыми подписались папские легаты в таком порядке: сначала Павел, епископ Анконский, а потом Евгений, епископ Остийский и кардинал-пресвитер Петр. Павлу отведено первое место не по значению его на соборе (деятельнее других был Петр), а, вероятно, потому, что он был старшим епископом. Павел, подписывая акты, подробно излагает и изъясняет свой приговор. Он говорит о том, что Фотия, согласно с папскими письмами и папской инструкцией, он признает законным патриархом; что отвергает все, что сделано было прежде против Фотия; к этому присоединено было отлучение на противящихся признанию Фотия патриархом. Два другие легата вполне согласились с этим приговором и подтвердили его собственной подписью. [\[335\]](#) Когда прочитаны были во всеуслышание подписи и приговор легатов, весь собор выразил благодарность Богу. Затем подписались апокрисиарии восточных патриархов. Сначала апокрисиарии антиохийского патриарха Василий Мартиропольский, вероятно, потому, что он был епископом, потом Илия Иерусалимский (пресвитер) и Косма Александрийский (пресвитер же). Они также более или менее подробно излагают свой приговор и объявляют, что патриаршие кафедры Востока всегда признавали Фотия законным патриархом, отвергают все соборы, когда-либо и где-либо бывшие против Фотия.

После апокрисиариев подписались митрополиты Константинопольского патриархата. Прежде других подписались Прокопий Кесарийский (в Каппадокии), Григорий Эфесский и Иоанн Ираклийский; их подписи и приговор обоснованы, о прочих же членах собора в актах просто замечено: «И все прочие архиереи (участники собора. — **А. Л.**) собственноручно подписали соборные акты». Заседание закончилось возглашением многолетия императору Василию и его сыновьям, его супруге Евдокии Ингерине, а также папе Иоанну и патриарху Фотию.

Шестое и седьмое заседания собора имели, как мы заметили выше, значение добавочных заседаний и притом полуофициального характера. Что касается взаимных отношений этих двух заседаний, то первое из них лишь служит приготовлением к следующему и последнему; на первом было выработано то, что предложено принять и утвердить на последующем заседании.

Шестое заседание происходило 3 марта 880 года. Оно имело место в императорском дворце, вероятно, потому, что на нем заседали император и его сыновья. Значение присутствия на нем императора видно будет из дальнейшего рассказа. Кроме патриарха Фотия, участниками соборного заседания были папские легаты, уполномоченные восточных патриархов и восемнадцать митрополитов. Когда император, что и естественно, занял председательское место, прочитана была речь императора к собранию следующего содержания: «Разумеется, было бы прилично, чтобы мы лично присутствовали на заседаниях этого святого собора, но мы не сделали этого, чтобы не открыть возможности для злых языков злословить собор, ибо могли говорить, что собор не имел свободы, что признание Фотия патриархом — дело вынужденное, что страх перед императором руководил собором». Затем император в

той же речи объявлял, что он согласен утвердить и подписать определения собора. Наконец император предложил в знак единения, господствующего на соборе, и как выражение мира, провозгласить торжественно какой-либо образец веры, причем он заметил, что для этой цели лучше всего может служить Никео-Константинопольский символ. Все, конечно, приняли это предложение. Так, папские легаты говорили, что, действительно, приличнее всего провозгласить и подтвердить никейское вероизложение, как пользующееся уважением во всем мире. Вслед за тем протонотарий Петр прочел, очевидно, заготовленный заранее, документ. Документ этот, несомненно, составлен был Фотием и заключал в себе, кроме текста Никео-Константинопольского символа, объяснения, почему этот символ должен иметь особенное значение, и прещения на тех, кто осмеливается изменять и дополнять тот же символ. Вот, в кратких чертах, содержание прочитанного: «Мы принимаем всем сердцем и исповедуем устами дошедший до нас из древности символ и возвещаем его, ничего не убавляя и не прибавляя к нему и не изменяя и не повреждая его». Затем следовал символ; в заключение говорилось: «Если кто из лиц духовных допускает изменение или добавление к этому символу, таковой подлежит низвержению из сана, а мирянин, дерзающий сделать это, подлежит анафеме». По прочтении документа все присутствующие епископы восклицали: «Так мыслим и мы все, в этой вере должны крестить, эту веру исповедывать при возведении в духовный сан. Кто мыслит иначе и допускает изменение в символе, тот подлежит отлучению». В подобном же роде говорили, в частности, Илия Иерусалимский и Косма Александрийский.

Значение предложения не только исповедовать веру сообразно Никео-Цареградскому символу, но и не

делать изменений в тексте последнего, будет вполне понятно, если примем во внимание, что в латинской Церкви, по примеру, поданному Церковью Испанской, начали делать в символе известное прибавление, касательно учения об исхождении Св. Духа и от Сына Божия (*filioque*). Прибавление это было принято в IX веке, когда происходил собор, почти всеми западными отдельными Церквями. Папские легаты не выразили противодействия против запрещения прибавлять что-либо к символу; из этого видно, что в это время в Римской Церкви читался символ еще без искажений (без *filioque*). [\[336\]](#)

После того как принято было предложение — не изменять символа, Фотий сказал: «Угодно ли будет собору, чтобы император скрепил деяния собора своей подписью, на что он, император, изъявил свое согласие?» Присутствующие митрополиты воскликнули: «Не только согласны, но мы просим его величество сделать так». Император подписал. Но члены собора стали просить императора, чтобы и сыновья его тоже подписались под актами; император Василий соизволил это, и потому вслед за ним подписались трое его сыновей — Лев и Александр, уже провозглашенные императорами при жизни Василия, и порфирородный Стефан, крестник Фотия, посвященный им в церковную должность иподиакона и синкелла. [\[337\]](#) Император, подписывая акты, начертал следующие слова, которые и были прочитаны вслух: «Во имя Отца, Сына и Св. Духа. Я, Василий, верный во Христе император Римский и самодержец, соглашаюсь с сим святым и Вселенским собором во всем, как относительно утверждения седьмого Вселенского собора, так и относительно признания и утверждения (патриархом. — **А. Л.**) святейшего Фотия, нашего духовного отца, а равно и касательно осуждения всего того, что против него

писано или высказано. Это заявление я собственноручно подписал». Митрополит Анкирский Даниил воскликнул: «Бог, храни вашу благочестивую державу! Даруй вашей святости долгие дни!» Прочие митрополиты возглашали: «Как ты, государь, Церковь Божию объединил и все раздоры отъял от нее, так да поможет и тебе Господь покорить твоей мощной деснице все варварские народы, да подаст Он тебе силу восстановить древние границы Римской империи. К тебе, государь, можно приложить слова Давида (Пс. 44, 9): «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; посему помазал тебя, Боже, Бог твой елеем радости более соучастников твоих»». Ибо весь христианский народ радуется о твоих трофеях и твоих победах над врагами, а Церковь, которая ныне восприяла прежнюю красоту, восхваляет и прославляет тебя. Многая лета государю». [\[338\]](#)

Обращаемся к последнему заседанию собора. Оно, как замечено было выше, не представляет ничего нового по своей деятельности. На нем лишь публично и торжественно прочитано было то, что сделано на предыдущем заседании. Собрание это происходило 13 марта 880 года в Софийском храме, в отделении, именуемом «катехумении». Председательствовал Фотий. На собрании присутствовали папские легаты, апокрисии восточных патриархов, 18 митрополитов, и хотя акты не показывают определенно числа епископов, бывших на этом заседании, но есть основание полагать, что их было значительное число. Заседание открывает Фотий краткой речью, в которой говорилось: «Должно прочитать, что совершено на прежнем заседании, ради тех епископов, которые не присутствовали там; пусть и они разделят нашу радость». После этого было прочитано определение касательно важности и неприкосновенности Никео-

Константинопольского символа. По прочтении определения члены собора говорили: «Так мы веруем, так мы мыслим, так мыслящих почитаем учителями и отцами, а кто иначе мыслит, тех объявляем врагами Божиими». Затем прочитана была та подробная подпись, какую сделал император под актами. По этому случаю Прокопий Кесарийский сказал: «Благослови его, Боже, даруй ему долгоденствие и победы, ущебри его видимыми и невидимыми благами, молитвами Пресвятыя Богородицы, верховных апостолов Петра и Павла и вселенского патриарха Фотия». Затем началось прославление и восхваление этого патриарха ораторами собора. Начало в этом положили папские легаты. Они благодарили Бога за то, что слава Фотия распространена не только в их отечестве (Италии), но стала известна и во всем мире; не только между народами, говорящими греческим языком, но и между самыми варварскими и грубыми народностями сделалось известно, что нет человека, равного Фотию по мудрости, доброте, смирению. Прокопий Кесарийский, со своей стороны, сказал, возвеличивая Фотия: «Таков и должен быть тот (Фотий. — **А. Л.**), кому, по образу Первосвященника Христа, поручено смотрение над всем миром. Это именно предусматривая, св. Павел говорил: «Итак, имеем Первосвященника, прошедшего небеса» (Евр. 4, 14); осмелюсь даже, — заявляет оратор, — сказать еще больше: Св. Писание людей, живущих по благодати, называет «богами» (Пс. 81, 6)». Папские легаты, как бы подтверждая это, сказали, что они сами хотя живут на конце земли, на крайних пределах ее, но уже слышали об этом. Тогда Прокопий, продолжая свою речь, говорил: «От полноты его мы все восприяли (Иоан. 1, 16), подобно тому, как славные апостолы от нашего Господа Иисуса Христа». Папские легаты воскликнули: «Кто не хочет иметь общения с Фотием, жребий того

вместе с Иудою!» Все на это восклицание отвечали тоже восклицанием: «Так мы мыслим, это возвещаем. Кто не почитает Фотия Божиим архиереем, тот да не узрит славы Божией!» Возглашено было многолетие императору Василию. [\[339\]](#)

Так закончилось седьмое заседание, а с ним наступил конец и для собора 879–880 гг.

Гергенрётер говорит: «Прославлением Фотия открылись заседания собора 879 года, этим же прославлением и закончились они». [\[340\]](#) Верно.

Собор 879–880 годов исполнен значения для Византийской Церкви. Он положил конец тому смутному и тяжкому положению вещей, какое началось со времен собора 869 года и которое продолжалось до вторичного патриаршествования Фотия и отчасти до времени рассмотренного нами собора. Лучшие представители византийской иерархии очутились было не у дел, — они отстранены были от управления Церковью. Восшествие Фотия снова на Константинопольскую кафедру открыло путь для его приверженцев к занятию ими прежних епископских кафедр; но этого было мало для фотиан. Им нужно было, чтобы воочию и торжественно открылось, что они страдали неповинно, что церковные интересы, которым они служили, дело не осуждения достойное, а полной похвалы. Это и сделано было собором 879–880 гг. В этом фотиане нашли для себя то нравственное удовлетворение, в котором естественно нуждается угнетаемая невинность. С другой стороны, всем, кто был сколько-нибудь проницателен, было ясно, что виной смут — папы с их притязаниями вмешиваться в дела чуждых им Церквей из своекорыстных расчетов. Поэтому необходимо было заставить самого папу раскаяться в своем образе действия, взять назад все то, что сделано раньше Римской Церковью во вред Византийской Церкви, и при этом дать знать папам, что

их власть вовсе не так велика и обширна, их авторитет не столь непререкаем, как привыкли думать на Западе. К этой цели и стремился изучаемый нами собор — и достиг ее. Папа Иоанн, в лице легатов, признал уничтоженным то, что наиболее могло смущать Византийскую Церковь, т. е. направленные против Фотия и его приверженцев распоряжения прежних пап. Самому папскому авторитету, поскольку он выражался в формах антиканонических, нанесен был в одно и то же время и тяжкий, и ловкий удар на соборе 879–880 гг. Существенные стороны деятельности этого собора клонились к тому, чтобы доказать, что папа такой же патриарх, как и все прочие патриархи, и что его первенство между патриархами не дает ему права по своему произволу править всей Церковью.^[341] Вот главные черты, в которых выражается значение собора. Церковный болгарский вопрос, который так интересовал пап ради материальных выгод, не был решен на соборе с ясностью: всякое определенное его решение повело бы лишь к новым спорам; но тем не менее на этом именно соборе указанный вопрос получил, так сказать, негласную развязку, после которой Болгария навсегда осталась при греческих христианских обрядах и под духовным руководством Восточной Церкви, с устранением латинских влияний.

Хотя в нашу задачу не входит изучение судеб, какие пришлось испытать главному лицу, около которого вращается деятельность соборов рассматриваемой нами эпохи, — Фотию, однако же считаем не лишним сказать несколько слов о последующей судьбе этого патриарха. Фотий не до конца своей жизни удержался на своей кафедре. Он принужден был оставить ее в 886 году. Виновником его низвержения был император Лев, который низвергнул Фотия для того, чтобы очистить патриаршее место для шестнадцатилетнего брата

своего Стефана. Побуждением к такому поступку Лев выставлял волю своего отца Василия, завещавшего будто бы при смерти возвести Стефана в патриархи;^[342] но действительным побуждением к поступку было другое. Фотий, можно утверждать, не одобрял и сдерживал Льва, хотевшего незаконным путем занять престол еще при жизни отца, и поплатился за свою ревность вскоре по восшествии Льва на престол, на который последний воссел уже по смерти отца.^[343] Великий патриарх кончил свои дни 6 февраля 891 года.

Споры фотиан и игнатиан, около которых вращается соборная деятельность обозренной нами эпохи, хотя и прекратились со смертью их главных вождей Фотия и Игнатия, однако не остались бесследными в истории. Направление мысли и жизни, представляемое этими партиями, находит себе многие отголоски в последующей истории Византийской Церкви.^[344] Впоследствии немало являлось патриархов, которых можно сближать, по их воззрениям и церковной деятельности, или с фотианами, или с игнатианами. Разумеется, направление, представляемое этими двумя партиями, несколько, и даже иногда значительно, изменялось с течением времени, но все же легко распознавать, что влияние этих партий не исчезло из церковной сферы Византии. Те патриархи и их приверженцы, которые водились духом игнатианской партии, назывались у византийских историков **зилотами**, или строгими, а те патриархи и их приверженцы, которые сближались с идеалами фотиан, назывались **политиками**, т. е. умеренными. Представители этих последних, или умеренных, отличались следующими чертами: они глубоко уважали государственную власть; они понимали, какое значение в жизни общества, в развитии его благоденствия имеет твердая власть, не препятствуемая сторонним

вмешательством. Они готовы были где нужно, ради блага государственного, сделать уступки императорской власти, готовы были не строго судить императоров за их погрешности и незаконные поступки, но заходили иногда в этом отношении слишком далеко и мало заботились о чисто церковных интересах. Эта партия умеренных стояла в связи с просвещенными классами общества, заботилась о науке и просвещении, заботилась о том, чтобы духовные должности заняты были людьми образованными, способными быть учителями народа. В нравственном отношении эта партия была не строга. Сближаясь с обществом, чуждаясь замкнутости, она не пренебрегала благами мира сего, аскетизм не был привлекателен для нее. Отсюда она равнодушно относилась к монашеству, не заботилась о развитии этого учреждения и даже относилась очень строго к монахам, если замечала отступления в среде их от тех обетов, какие они добровольно приняли на себя.

Другими чертами характеризуется церковная партия зилотов, или строгих. Зилоты не хотели делать каких-либо уступок царской власти, когда эта власть домогалась их от Церкви. Они ставили нравственные и религиозные требования выше благоденствия общественного; не только высокопоставленных лиц, но и самих императоров они хотели подчинить строгой церковной дисциплине. Они не боялись столкновений с обществом, с властями, хотя бы эти столкновения вели к смутам и беспорядкам. Зилоты не заботились о личной образованности, не стремились насаждать образование в классе духовенства. Нравственных пастырей Церкви они ставили выше ученых. В своей жизни зилоты отличались не только строгой нравственностью, но и подвижничеством, хотя нередко случалось, что они удовлетворялись благочестием внешним и формальным, не заботясь о развитии и приумножении благочестия

внутреннего. К монахам зилоты относились очень благосклонно, часто опирались на них в борьбе со своими врагами и нередко сквозь пальцы смотрели на вопиющие недостатки в иноческой среде. К партии умеренных в последующей (с конца IX в.) византийской истории, могут быть причисляемы, по тем или другим основаниям, следующие константинопольские патриархи: Евфимий (906–911), Феофилакт (933—956), Полиевкт (956—970), Алексей Студит (1025–1043), Михаил Керуларий (1043–1058), Константин Лихуд (1059–1063), Лука Хрисоверг (1156—1169), Василий Каматир (1183–1186), Георгий Ксифилин (1191–1198), Михаил Авториан (1206–1212), Мануил (1217–1222), Герман (1222–1240), другой Герман (1266–1267), Иосиф (1267–1274; вторично 1282–1283), Иоанн Векк (1275–1282), Григорий Кипрский (1283–1289), Иоанн Глика (1316–1319). К разряду патриархов из зилотской или партии строгих могут быть причисляемы следующие лица, так как по тем или другим чертам жизни и деятельности они относятся к этой именно партии: Антоний Кавлей (893—893), Николай Мистик^[345] (895—906; вторично 911—925), Василий (970—974), Косма (1143–1146), Феодосий (1178–1183), Арсений^[346] (1255–1260; вторично: 1261–1266), Никифор (1260), Афанасий (1289–1293; вторично 1303–1311), Иоанн Созопольский (1294–1303).

Для того чтобы составить себе более точное представление о духе и воззрениях патриархов, принадлежавших к партии строгих и умеренных, познакомимся с некоторыми характеристиками, какие дают византийские историки о тех или других патриархах, принадлежащих к вышеупомянутым партиям. Для краткости речи мы приведем лишь немногие характеристики, наиболее рельефные. Вот в каких чертах описываются некоторые патриархи из

партии умеренных. Один византийский историк о патриархе Григории Кипрском пишет: «Имея в виду ту прекрасную цель, чтобы народ имел ученых наставников и учителей и чтобы у него (народа. — **А. Л.**) были твердые защитники веры, Григорий много заботился о привлечении в к лир **людей** ученых, знающих церковные законы» (слова Никифора Григоры). Другой византийский историк в таких чертах описывает личность патриарха Германа (1266–1267 гг.): «Добродетелью он украшался не той, которой хвалятся нынешние (монахи? — **А. Л.**), так как они любят различать пищу и питье, предпринимают длинные путешествия, остаются с немытыми ногами, имеют только одну одежду, но милосердие, человеколюбие, вообще, внимание к другим поставляют на втором плане, — люди жестокие, поносители ближних, полагающие, что они одни преуспевают в добродетели, а его, Германова, добродетель была истинно человеческая; Герман полагал, что добродетель не нужно искать только в пустыне, а можно обретать ее и среди мира, не чуждаясь света» (из Георгия Пахимера). Третий историк говорит о патриархе Василии Каматире: «Василий дал подписку императору (Андронику. — **А. Л.**) в том, что он во время своего патриаршества станет исполнять все, что будет угодно царю, хотя бы это и было незаконно, и, напротив, отвергать все, что императору не нравится» (слова Никиты Хониата. Приблизительно в таком же угодливом роде действовали патриархи Полиевкт, Алексей Студит, Иосиф).

В столь же выразительных чертах византийские историки описывают и некоторых патриархов, вышедших из партии зилотской. Вот, например, как характеризуют Арсения: «Относительно добродетели и богоугодной жизни, — говорят историки, — этот

человек немногим уступал людям самой высокой святости. Он отличался нестяжательностью.

Когда Арсению пришлось оставить кафедру, он в своей прощальной речи говорил: «Эту одежду, книжку и три монеты, которые принадлежали нам еще до вступления в патриаршество и которые мы приобрели собственным трудом, мы берем опять и удаляемся». Что касается образования, то он был мало учен, знаком был лишь с начальными правилами грамматики. Влиять на общественные дела Арсению не особенно удавалось; это зависело от того, по замечанию одного историка, что он, как монах, не имел житейской опытности, ничего не понимал в управлении гражданскими делами и в этом отношении мало отличался от тех, которые под вечер оставляют заступ» (из историков Акрополита, Григоры, Пахимера). О другом патриархе из партии строгих — Афанасии находим такую характеристику у одного историка: «Он не знаком был с ученостью и жизнью в обществе. Он был строгий аскет, спал на голой земле, ног не умывал, всегда ходил пешком, и имел, вообще, такой нравственный характер, каким отличаются лишь люди, живущие в горах и пещерах». Со своими строгими обличениями он не боялся предстать перед кем угодно. Историк пишет: «Негодование на обидчиков (Церкви. — **А. Л.**) в нем было так велико и открыто, что не только те, кто находились в родстве с царем, но и сами царские сыновья боялись его поразительной смелости и обличений больше, чем приказаний самого царя» (слова Григоры). О патриархе Иоанне Созопольском тот же византийский историк (Григора) замечает, что он очень мирволил монахам, так что они подняли голову, стали самовольны и дерзки.

Видно, что как патриархи, принадлежавшие к партии умеренных, так и к партии зилотов, имели свои достоинства и свои недостатки. В первые два столетия

после Фотия (в X и XI вв.) умеренные брали перевес и чаще занимали патриаршую кафедру, чем представители строгих; в следующие два века (XII и XIII) обе партии приходят в равновесие; патриархи, и умеренные, и зилоты, почти в одинаковом числе появляются у кормила церковного правления в Византии; в дальнейшем же (XIV) веке зилоты вытесняют умеренных: с половины XIV века лишь одни зилоты замещают византийскую патриаршую кафедру.

Когда случилось это последнее явление, тогда замолкают всякие отголоски фотианской партии, а партия, похожая на игнатиан, завладевает руководством церковных дел в Константинополе.

Таким образом, разногласия игнатиан и фотиан, имея своим исходным пунктом времена инокоборческие (времена VII Вселенского собора и Феодора Студита), не закончились со смертью Игнатия и Фотия, но продолжали существовать — конечно, не в своей первоначальной форме — до самого XIV века.

Библиография

Справочники и словари

Beck H. — G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. Miinchen, 1959.

Bibliotheca Hagiographica Graeca / ed. F. Halkin. Bruxelles, 1957.

Ehrhard A. Oberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. Leipzig, 1937-1952. Bd. 3.

Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Miinchen, 1978.

Liddel H. G., Scott R., Jones H. S., McKenzie R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940 etc.

Lampe G. W. H. Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1968 etc.

Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B. C. 146 to A. D. 1100). Cambridge (Mass.); L., 1914.

The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan. N. Y.; Oxford, 1991.

Источники

Acta Martyrorum Constantinopolitanorum // Acta Sanctorum, Augustus, Vol. 2. P. 434-447.

Acta SS. Davidis, Symeonis et Georgii // AB. Vol. 18. 1899. P. 209-259.

Adversus Contantinum Caballinum // PG. T. 95. Col. 309-344.

Anastasii Vita pape Nicolai // PL. T. 128. Col. 1337-1378.

Christ W., Paranikas M. Anthologia Graeca carminum christianorum. Lipsiae, 1871.

Constantini Manassis breviarium historiae metricum / Ed. L. Bekker. Bonnae, 1837.

Constantini Porphyrogeniti de cerimoniis aulae Byzantinae / Ed. W. Reiske // PG. T. 112.

Constantin Porphyrogenete. Le Liwe des Ceremones / Ed. A. Vogt. P., 1935.

Constantini Tii Sermo de translatione reliquarium S. Euphemiae: / Halkin F. L'histoire des reliques d'Euphemie par Constantin de Tios // Idem. Euphemie de Chalcedoine. Bruxelles, 1965. V (P. 81-106).

Douze recite byzantins sur Saint Jean Chrysostome / Publies par F. Halkin. Bruxelles, 1977.

Epistula Synodica ad Theophilum Imperatorem // Gauer H. Texte zum Byzantinischen Bilderstreit (Studien und Texte zur Byzantinistik 1). Frankfurt. — M., 1994. Epistula ad Theophilum imperatorem interpolata // PG. T. 95. Col. 345-385.

Euthymii Sardium de promotinone episcoporum // Darrouzes J. Documents inedits d'ecclesiologie byzantine. P., 1966. P. 108-115.

Featherstone J. — M. Praise of Theodore Graptos by Theophanes of Caesarea // AB. Vol. 98. 1980. P. 93-150.

Georgii Cedreni Historiarum compendium / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1839. 2 vol.

Georgii Monachi chronocon / Ed. C. de Boor. Editio stereotype correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart, 1978.

Georgius Monachus interpolatus // Theophanes Conti — nuatus / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838. P. 761-924.

Ignatii Diaconi Vita Nicephori // Nicephori opuscula historica / Ed. C. de Boor. Upsiae, 1880. P. 139-217.

Ignatii Diaconi Vita Tarasii / ed. I. A. Heikel // Acta Societatis Scientiarum Fennicae, 17. Helsingfors, 1889. P. 395-423.

Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XIII-XVIII / Ed. Th. Bittner-Wobst. Bonnae, 1897.

Iosephi Genesii Regum libri Quattuor / Ed. A. Lesmuller-Wemer et J. Thum. B., 1978.

Leonis Grammatici Chronographia / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1842.

Mansi J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. XV-XVI. Venetiis, 1771.

Mercati G. La lettera di Pasquale I a Leone V sul culto delle sacre imagine // Note di letteratura biblica e cristiana anna (Studi e testi, 5). Roma, 1901. P. 227-235.

Methodii Vita Euthymii / Gouillard J. La vie d'Euthyme de Sardes (+831) // TM. T. 10. 1987. P. 1-101.

Мефодий. Слово о св. иконах // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1893, ноябрь-декабрь, отд III. С. 1-23.

Methodii Vita Theophanis / Ed. V. V. Latyshev // Memoires de l'Academie des Sciences de Russie. XVIII serie. Classe Hist. — Phil., XIII, pt. 4 (1918).

Michaelis et Theophili Imperatorum Constantinopolitanorum epistula ad Hludowicum Imperatorem directa // Monumenta Germaniae Historica. Leges III, concilia II, concilia aevi Karolongi III. P. 475-480.

Narratio historica in festum resitutionis imaginum / Ed. F. Combeffs // Bibliothecae Patrum Graeco-Latinae Auctarium Novum. P., 1648. Vol. II. Col. 715—743.

Narratio de sanctis patriarchis Tarasio et Nicephoro // PG. T. 99. Col. 1849-1954.

Nicephori Adversus Iconomachos // Pitra J. B. Spicilegium Solesmense. Vol. IV. P., 1858. P. 233-291.

Nicephori Apologeticus pro sacris imaginibus (Apologeticus Maior) // PG. T. 100. Col. 534-832.

Nicephori Apologeticus Minor // PG. T. 100. Col. 833-850.

Nicephori Breviarium Historicum // Nicephori opuscula historica / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880.

Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, translation and commentary by C. Mango. Washington, 1990.

Nicetae Paflagonis. Vita Ignatii // PG. T. 105. Col. 486–573.

Nicolai Papae epistulae // PL. T. 119. Col. 773–1179.
Photii Epistulae et Amphilochia / ed. B. Laourdas et L. G.

Westernil. Lipsiae, 1983—1988. Vol. 6.

Photii Homiliae / Ed. B. Laourdas. Thessalonica, 1959.

Pitra J. B. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta. Roma, 1868. Vol. 2.

Ρόλλης Γ., Ποτλή Μ. Σύνταγμα των θείων καί ιερών κανόνων. Αθηναι, 1852–1854. 6. m.

Sabae Vita Ioannicii / Ed. J. van den Gheyn // Acta Sanctorum, Novembris. Vol. I. P. 332–384.

Scriptor bicertus de Leone Armenio // Leonis Grammatici Chronographia / Ed. L Bekker. Bonnae, 1842. P. 335–362.

Scriptores Originorum Constantinopolitanorum / Ed. Th. Preger. Leipzig, 1907. 2 Bd.

Sozomen. Kirchengeschichte / Hrsg. von J. Bidez und F. Ch. Hansen. B., 1960.

Stephani Diaconi Vita Stephani Junioris // PG. T. 100. Col. 1069–1185.

Suidae Lexicon / Ed. A. Adier. 5 vols. Upsiae, 1928–1938.
Symeonis Magistri Annales // Theophanes Continuatus... P. 601–760.

Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae / Ed. H. Delehaye. Propylaeum ad Acta sanctorum Novembris. Bruxelles, 1902.

Synodicon Vetus / Ed. J. Duffy and J. Parker. Washington, 1979.

Theodoret. Kirchengeschichte / Hrsg. von L. Pannentier. Leipzig, 1911.

Theodori Studitae Epistulae / Ed. G. Fatouros. Berlin; N. Y., 1992.

Theodoras Studites. Jamben auf verschiedene Gegenstände / hrsg. von P. Speck. B., 1968.

Theophanes Continuatus / Ed. I. Bekker. Bonnae, 1838.

Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. De Theophili imperatoris absolute // Analecta Byzantino-Rossica / Ed. W. Regel. СПб., 1891.

Vorst C. van de. La translation de S. Theodore Studite et de S. Joseph de Thessalonique // AB. Vol. 32 1913 P. 50-61.

Vita Antonii Junioris: Житие преп. Антония Нового / А. Пападопулос-Керамевс. Сборник Палестинской и Сирийской агиологии // Православный Палестинский сборник. Т. 57. 1907. С. 186-243.

Vita Methodii Patriarchae // PG. T. 100. Col. 1244-1261.

Vita papae Adriani // PL. T. 128. Col. 1380-1395.

The Life of Michael the Synkellos // Text, translation and commentary by M. Cunningham. Belfast, 1991.

Vita Nicephori Medicii // Ed. F. Halkin // AB. Vol. 78. 1960. P. 396-430.

Vita Nicetae Patricii / Papachryssanthou D. Un Confesseur du second iconoclasme: La Vie du patrice Nicetas // TM. T. 3. 1968. P. 309-351.

Vita Nicolai Studitae // PG. T. 105. Col. 864-925.

Vita Theodori Grapti a Symeone Metaphrasto // PG. T. 116. Col. 653-684.

Vita Theodori Studitae per Michaellem (Vita B) // PG. T. 99. Col. 233-328.

Научная литература

Андреев А. И. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские. Сергиев Посад, 1907.

Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784-

847). М., 1997. **Васильев А. А.** История Византийской империи. Т. I.

Эпоха до крестовых походов (313–1096). СПб., 1998. **Вернадский Г. В.** Византийские учения о власти царя и патриарха // Recueil N, Kondakov P. Prague, 1926. P. 143–154.

Заозерский Н. А. О церковной власти. Сергиев Посад, 1894.

Доброклонский А. П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. Т. 2.

Иванцов-Платонов А. М. К исследованиям о Фотии, патриархе Константинопольском. М., 1892.

Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. Т. 15. 1959. С. 125–143.

Курганов Ф. А. К исследованию о патриархе Фотии // ХЧ. 1895. Ч. I. С. 174–220.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991.

Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной Церкви в IX, X и XI вв. СПб., 1998.

Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI вв. СПб., 1999.

Лортц И. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. М., 1999. Т. I.

Мелиоранский Б. М. Из семейной истории Аморийской династии // ВВ. Т. 8. 1901. С. 1–37.

Никитин П. О некоторых греческих текстах Житий святых // Memoires de l'Academie imperiale de St. Petersbourg, VIII serie. Classe Hist. — Phil., I, pt. I. 1895.

Острогорский Г. Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества // Seminarium Kondakovianum. I. 1927. С. 47–52.

Платонов И. В. Патриарх Фотий. М., 1891.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Введение, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. СПб., 1992.

Успенский К. Н. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII–IX вв. Феофан и его «Хронография» // ВВ. Т. 3. 1950. С. С. 393–438; Т. 4. 1951. С. 211–262.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. II. Эпоха Македонской династии (842–1056). М., 1997.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — начало IX вв.) // Древнейшие государства на территории СССР, 1981. М., 1983. С. 5–146.

Alexander P. The Byzantine Apocalyptic Tradition / Ed. D. de F. — Abrahamse. Berkeley. Los Angeles; L., 1985.

Alexander P. Religious Persecution and Resistance in the Byzantine Empire of the eighth and ninth centuries: methods and justifications // Speculum. Vol. 52. 1977. P. 238–264.

Alexander P. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958.

Awcepy M. — F. La place des moines a Nicee II (787) // Byzantion. T. 58. 1988. P. 5–21.

Beck H. — G. Geschichte der orthodoxen Kirchen im byzantinischen Reich. Miinchen, 1980.

Beck H-G. Zur byzantinischen «Monchschronik» // Speculum Historiae. Freiburg; Munchen, 1965. S. 188–197.

Brehier L. La querelle des images. P., 1904.

Brooks E. W. The Marriage of the Emperor Theophilos // BZ. Bd. 10. 1901. P. 540–545.

Browning R. Notes on the Scriptor hicertus de Leone Armenio // Byzantion. T. 35. 1965. P. 389-411.

Bury J. B. A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802-867). L., 1912.

Canart P. Le Patriarche Methode de Constantinople Copiste a Rome // Palaeographica, Diplomatica et Archivistica. Studi in onore di Giulio Batelli. Roma, 1979. P. 343-353.

Dagron G. Empereur et pretre. Etude sur le «cesaropapisme» byzantin. P., 1996.

Dagron G. L'Iconoclasme et l'établissement de l'Orthodoxie // Histoire de Christianisme des origines a nos jours. Vol. 4. P., 1993. P. 93-165.

Darrouzes J. Le patriarche Methode contre les iconoclastes et les Stoudites // REB. T. 45. 1987. P. 15-57.

Dobschatz E. van. Methodius und die Studiten // BZ. Bd. 18. 1909. S. 41-105.

Devreesse R. Une lettre de s. Theodore Studite relative au synode moechien (808) // AB. Vol. 68. 1950. P. 44-57.

Doens /., Hannick Chr. Das Periorismosdekret des Patriarchen Methodios I gegen die Studiten Naukratios und Athanasios // JOB. Bd. 22. 1973. S. 93-102.

Dumeige G. Nizea II. Mainz, 1985.

Dvornik F. The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958.

Dvornik F. Les Legendes de Constantin et Methode vues de Byzance. Prague, 1933.

Dvornik F. The Patriarch Photius and Iconoclasm // DOP. Vol. 7. 1953. P. 67-98.

Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. Cambridge, 1948.

Gelzer H. Das Verhaltnis von Staat und Kirche in Byzanz // Ausgewahlte kleine Schriften. Leipzig, 1907.

Gero S. John the Grammarian, the Last Iconoclastic Patriarch of Constantinople: The Man and the Legend //

Byzantina. Nordisk tidskrift för byzantinologi, 3-4, 1974-1975 (printed 1977). P. 25-35.

Gouillard J. Deux figures mal connues du second iconoclasm // Byzantion. T. 22. 1961. P. 371-401.

Gouillard J. Le Synodikon de l'Orthodoxie, texte et commentaire // TM. T. 2. 1967. P. 1-316.

Grabar A. L'Iconoclisme byzantin. Dossier archéologique. Paris, 1984.

Grumel V. Chronologic des patriarches iconoclastes du IX siècle // EO. 34. 1935. P. 162-166.

Grumel V. Les «Douze chapitres contre les iconomaques» de Saint Nicéphore de Constantinople // REB. 17. 1959. P. 127-135.

Grumel V. La politique religieuse du patriarche saint Méthode // EO. T. 34. 1935. P. 385-401.

Grumel V. Les Regestes des actes du Patriarchat de Constantinople. Chalcedon, 1936.

Grumel V. Les relations politico-religieuses entre Byzance et Rome sous le règne de Léon V Arménien // REB. T. 18. 1960. P. 19-43.

Henry P. The Monothelite Controversy and the Constantinopolitan Synod of January (AD 809) // Journal of Theological Studies. Vol. 20. 1969. P. 495-522.

Henry P. What was Iconoclastic Controversy about? **11** Church History. Vol. 45. 1976. P. 16-31.

Hirsch F. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876.

Hussey J. M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986.

Janin R. Constantinople byzantine. P., 1964.

Karlin-Hayter P. Byzantine Political Monk: St. Theodore Studite // JOB. Bd. 44. 1994. P. 217-232. **Karlin-Hayter P.** Les deux histoires du règne de Michel III // Byzantion. T. 41. 1971. P. 452-496.

Karlin Hayter P. Gregory of Syracuse, Ignatios and Photios // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring

Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977. P. 141-145.

Karlin-Hayter P. La mort de Theodora // JOB. Bd. 40. 1990. P. 205-208.

Laurent V. Methode // Dictionnaire de la theologie catholique, X, s. v.

Lemerle P. L'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure // TM. T. 5. 1973. P. 1-144.

Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1972.

Mango C. The Liquidation of Iconoclasm and the Patriarch Photius // Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977. P. 133-140.

Mango C. Observations on the Correspondence of Ignatius, Metropolitan of Nicaea (First Half of the Ninth Century) // Oberlieferungsgeschichtliche Untersuchungen. Texte und Untersuchungen, 125. B., 1981. S. 403-410.

Mango C. The Tradition of the Byzantine Chronography // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 12-13. 1988-1989. P. 360-371.

Mango C. When was Michael III born? // DOP. Vol. 21. 1967. P. 253-258.

Martin E. J. A History of the Iconoclast Controversy. L., 1930.

Niavis P. E. The Reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I. Athens, 1987.

O'Connel P. The Ecclesiology of St. Nicephorus I // Orientalia Christiana Analecta. Vol. 194. Rome, 1972.

O'Connel P. The Synodos Eudemousa opposed to Patriarch Nicephorus // Orientalia Chrictica Periodica. Vol. 29. 1963. P. 441-445.

Ostrogorsky G. History of Byzantine State. Oxford, 1968.

Ostrogorsky G. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau, 1929.

Pargoire J. Saint Methode de Constantinople avant 821 // EO. Vol. 6. 1903. P. 126-131.

Pargoire J. Saint Methode et la persecution // EO. T. 6. 1903. P. 183-191.

Pargoire J. Saint Theophane le chronographe et ses rapports avec saint Theodore Studite // BB. T. 9. 1902. P. 31-102.

Patlagean E. Les Stoudites, l'Empereur et Rome: figure byzantine d'un monachisme reformateur // Bizancio, Roma e l'Italia nell'alto Medioevo (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo, 34). Spoleto, 1988. P. 429-460.

Post R. Patriarch und Synode in Konstantinopel. Wien, 1971.

Ringrose K. M. Monks and Society in Iconoclastic Byzantium // Byzantine Studies. Vol. 6. 1979. P. 130-151.

Rosser J. Toward a Reinterpretation of the Second Iconoclastic Period // First annual Byzantine Studies Conference. Cleveland, 1975. P. 34.

Sanslem J. — M. Les moins grecs et orientaux a Rome aux epoques byzantine et carolingienne (milieu du VI fin du IX s.). Bruxelles, 1983.

Schreiner P. Der Byzantinischer Bilderstreit: kritische Analyse der zeitgenossischen Meinungen und das Urteil der Nachwelt bis heute // Bizancio, Roma e l'Italia nell'alto Medioevo (Settimane di studio del Centro Italiano di studi sull'alto Medioevo, 34). Spoleto, 1988. P. 319-407.

Seucenk o I. Hagiology of the Iconoclast Period I j Iconoclasm. Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies. Birmingham, 1977. P. 113-131.

Signes Codoner J. El periodo del segundo Iconoclasmo en Theophanes Continuatus. Amsterdam, 1995.

Speck P. Iconoclasmus und die Anfänge der Makedonischen Renaissance // Varia I (Poikila Byzantina 4). Bonn, 1984. S. 175-241.

Speck P. Kaiser Konstantin VI. Legitimation einer fremden und Versuch einer eigenen Herrschaft. Miinchen, 1978.

Stiernon D. Methode // Dictionnaire de Spiritualite et Mystique X, s. v.

Tinnefeld F. H. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Nicetas Chonlates. Miinchen, 1971.

Treadgold W. T. The Chronological Accuracy of the Chronicle of Symeon the Logothete for the years 813-845 // DOP. Vol. 33. 1979. P. 159-197.

Treadgold W. T. The Byzantine Revival 780-842. Stanford, 1988.

Treadgold W. T. The Problem of the Marriage of the Emperor Theophilus // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 16. 1975. P. 325-341.

Turner D. The Origins and Accession of Leo V (813—820) // JOB. Bd. 40. 1990. P. 171-203.

Visser A. J. Nikephoros und der Bilderstreit. Haag, 1952.

Van Dieten J. L. Geschichte der Patriarchen von Sergios I bis Johannes VI (610-715). Amsterdam, 1972.

Werner E. Die Krise im Verhaltnic von Staat und Kirche in Byzanz: Theodor von Studion // Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR. Bd. I (Berliner byzantinische Arbeiten, 5). B., 1957. S. 113-133.

Yannopoulos P. Le couronnement de l'empereur a Byzance: rituel et fond institutionned // Byzantion. T. 61. 1991. P. 71-92.

Примечания

См.: *Вернадский Г. В.* Византийские учения о власти царя и патриарха // *Recueil N. P. Kondacov*. Prague, 1926. С. 46-69.

Лебедев А. 77. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви в IX, X и XI вв. СПб., 1998; *Beck H. — G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 526.

Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1972.

Ссылались прежде всего на 3-е и 5-е правило Сардикийского собора. Но уже в V в. Карфагенским собором эти притязания были отвергнуты. См. обоснование верховенства папы в письме Николая I к императору Михаилу III (PL. T. 119. Col. 949-950).

Здесь следует упомянуть борьбу с папой Николаем I Иоанна, архиепископа Равенны, Гинкмара, архиепископа Реймского, и долгое противостояние папскому авторитету со стороны немецкого епископата, поддержанного Лотарем II. См.: Лортц Й. История Церкви. М., 1999. Т. 1. С. 262.

О принципах церковного управления см.: *Заозерский* Н. А. О церковной власти. Сергиев Посад, 1984; *Beck* H. — G. Geschichte der orthodoxen Kirchen im byzantinischen Reich. München, 1980.

PL. T. 119, Col. 789. — Ответы папы Николая I патриарху Фотию. Ibid. Col. 949-950. — Ответ папы Николая I имп. Михаилу III.

Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI вв. СПб., 1999. С. 34.

Курганов Ф. А. К исследованию о патриархе Фотии // Христианское Чтение. Ч. 2. 1895. С. 174. См. также: *Иванцов-Платонов А. М.* К исследованиям о Фотии, патриархе Константинопольском. М., 1892. С. 5.

Более подробный анализ источников по истории патриарха Фотия см.: *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. соч. С. 3–25 и примеч.

Это сделать необходимо, поскольку многие исследователи отмечали и отмечают, что подавляющее большинство источников дает искаженную информацию о деятельности этого патриарха. См.: *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. соч. С. 4; *Dvornik F.* The Photian Schism: History and Legend. Cambridge, 1948. P. 5–38.

См.: *Лебедев А. П.* История Константинопольских соборов IX в. М., 1888. С. 45–47; *Герасим (Яред), иером.* Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском его современников — в связи с историей политических партий в Византийской империи. СПб., 1874.

Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915. С. 86–88.

Harduin. Acta conciliorum. T. V. P. 1079-1081.

Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч. С. 115.

Harduin, T. V. P. 749-947.

Ibid. P. 1025-1107; 1139-1147.

Vita papae Hadriani // PL. T. 128. Col. 1391-1394.

Курганов Ф. А. Указ. соч. С. 179.

Harduin. T. VI. P. 213–342; *Mansi J. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. XVII. Venetiis, 1771. P. 374–553.

Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч. С. 10, примеч. 8.

Mansi. T. XVI. P. 234–236.

Курганов Ф. А. Указ. соч. С. 180.

Harduin. T. V. P. 1113–1342; Mansi. T. XVI.

Иванцов-Платонов А. М. Указ. соч. С. 11-12; там же см. основные точки зрения на проблему авторства «Жития»; Герасим (Яред), иером. Указ. соч. С. 67-69.

Harduin. T. V; Mansi. T. XVI.

PG. T. 105, Col. 386-409.

Ibid. Col. 329-578.

Некоторые исследователи считают автором этого произведения Никиту Пафлагонского. См.: *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. соч. С. 19.

Harduin. T. VI; *Mansi.* T. XVI; PG. T. 105. Col. 864–925.

Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur.
München, 1892. S. 128.

Об их изданиях см. список источников в конце книги. См. также: Культура Византии. Т. II. Вторая половина VII–XII вв. // Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984.

PG. T. 109. Издан вместе с Симеоном Магистром.

См. о нем: *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. соч. С. 17–18.

Harduin. Acta conciliorum. T. V; Mansi. T. XV и XVI.

Письма Николая I. PL. Т. 119; Письма Адриана II. PL. Т. 120; Письма Иоанна VIII. PL. Т. 126.

К примеру, о письме императора Михаила III папе Николаю I мы узнаем только из ответа этого папы. *Mansi*. Т. XVI. Р. 162–167; *Россейкин Ф. М.* Указ. соч. С. 111.

Лебедев А. П. Римские папы и их отношение с Востоком. М., 1875. *Иванцов-Платонов А. М.* Указ. Соч. С. 88–95.

Лортц Й. Указ. Соч. С. 260–265; Giseter H. Kirghengeschichte. Bd. III. P. IV.

Photii, Patriarcha Constantinopolitanae Epistoulae et Amphilohia // Rec. B. Laurdas et L. G. Westernik. Vol. I-III. Leipzig, 1983-1987. Далее в тексте — ссылки на это издание. См. там же о рукописной традиции и основных изданиях писем.

Об эпохе Вселенских соборов и о религиозных и богословских спорах в тот период существует обширная литература. Наиболее серьезные исследования: *Болотов В.* Лекции по истории древней Церкви. TIV. История Церкви в период Вселенских соборов. М., 1994; *Карташев А. В.* Вселенские соборы. М., 1994.

Спасский А. А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени): Тринитарный вопрос (История учения о Св. Троице). М., 1998.

Муравьев А. Правда Вселенской Церкви о римской и прочих патриарших кафедрах. СПб., 1841. С. 257.

Период правления этих патриархов изложен в монографии *Афиногенова Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. Там же указана историография вопроса.

См. об этой эпохе: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М., 1998; История Византии. М., 1967. Т. II. См. также обстоятельное исследование о борьбе патриарха Фотия с Римом: *Лебедев А. П.* История разделения Церквей в IX, X и XI вв. СПб., 1999.

Собор проходил в городе Никея в 787 г.

Об избрании св. Тарасия патриархом Константинопольским и о роли императрицы Крины при его избрании: *Андреев И. А.* Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские. Сергиев Посад, 1907; *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 18-25.

Имеются в виду первые пять правил Никейского собора, в которых определяется система избрания епископа.

Герасим (Яред), иером. Указ. соч. С. 66.

Имеются в виду Савва, игумен Студийского монастыря, и Феоктист, игумен монастыря Авлит. См.: *Андреев И. А.* Герман и Тарасий... С. 126–128.

Феодор Студит. Творения. СПб, 1867–1869. Ч. I. С. 246–247. Письмо к Арсению.

Там же. С. 311. Письмо к Стефану чтецу.

Theophanis Chronographia. PG. T. 108. Col. 944–945.
Эта хронография написана в IX веке; *Hergenrother*.
Photius, Patriarch von Constantinopel: Sein Leben, seine
Schriften und das griechische Schisma. Regensburg, 1867.
Bd. I. S. 255–256.

Феодор Студит. Творения. I. С. 171–177. Письмо к Симеону монаху.

Правила Василия, очевидно, касались начальника монастыря, а не предстоятеля Церкви.

Видимо, в данном случае студиты воспринимали патриарха как игумена монастыря. Именно такая трактовка власти константинопольского архипастыря содержится у св. Феодора Студита. См.: *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат... С. 34–35.

Феодор Студит. Творения. I. С. 119–122. Письмо к Стефану секретарю.

Михаил монах. Жизнь Феодора Студита (написана в IX в. учеником Феодора Студита). В начале русского издания «Творений Феодора». С. 27.

Есть мнение, что он являлся родственником патриарха Тарасия.

О Никифоре Исповеднике см.: *Alexander P.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958 и *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 39–52.

61

К примеру, он был асикритом.

Theophanis Chronographia. Col. 967.

Никифор I Геник (802–811).

Theophanis Chronographia, Col. 973; *Феодор Студит.*
Творения. I. С. 210–211. Письмо к братьям.

Феодор Студит. Творения. I. С. 311. Письмо к Стефану чтецу.

Феодор Студит. I. С. 292, 295. Письмо к Навкратию.

Там же. Творения. I. С. 293.

Там же. С. 187. Письмо к Никифору патриарху.

Сам Иосиф был поставлен митрополитом Фессалоники в 807 г. патриархом Никифором. См.: *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 43; *Доброклонский А. П.* Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Одесса, 1913. Т. I. С. 605.

На его место назначен был новый архиепископ.

Феодор Студит. Творения. I. С. 198. Письмо к Василию монаху.

Феодор Студит. Творения. I. С. 304–305. Письмо к Навкратию.

Там же. С. 217. Письмо к Николаю хартулярию.

Там же. С. 171. Письмо Симеону монаху.

Там же. С. 239. Письмо к Евпрениану.

Там же. С. 190. Письмо к Никифору патриарху.

Феодор Студит. Творения. I. С. 201. Письмо к Василию монаху и проч.

Там же. С. 221-222. Письмо к папе Льву.

Феодор Студит. С. 224–225. Письмо к папе Льву.

Там же. С. 221. Письмо к папе Льву.

Там же. С. 219. Письмо к Арсению.

Там же. С. 226–228. Письмо к папе Льву. Письмо к Евпрениану. С. 235.

Феодор Студит. Творения. I. С. 240. Письмо к Евпрениану.

Там же. С. 285. Письмо к Афанасию сыну.

Там же. I. С. 295. Письмо к Навкратию.

Там же. І. С. 220. Письмо папе Льву.

Феодор Студит. I. С. 220. Письмо ко Льву. С. 238–239.
Письмо к Евпрениану; С. 315. Письмо к Стефану чтецу.

Феодор Студит. Творения. I. С. 258–261. Письмо к Навкратию, С. 295–297. Письмо к нему же.

Феодор Студит. Творения. I. С. 263–265. Письмо к Силуану.

Из кого состояла эта партия и как велика была она, это с достаточной ясностью открывается из письма Феодора Студита к Афанасию. Творения. I. С. 275 и далее.

В современной историографии нет склонности преувеличивать агрессивную позицию партии студитов в отношении патриарха Никифора I и собора 809 г. См.: *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 42–54; *Доброклонский А. П.* Указ. соч. С. 605–607.

Михаил монах. Указ. соч. С. 37–39.

Недавно стал известен документ, который позволяет несколько скорректировать взгляд на патриаршество Никифора и считать, что патриарх в русле политики Тарасия стремился к укреплению Церкви после иконоборчества. *Darrouzes J. Documents inedits d'ecclesiologie byzantine. Paris, 1966.*

*Феодор Студит. Творения. I. С. 320. Письмо к
Антонию; Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 239.*

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 270.

В современной науке период патриаршества Мефодия относится к 843–847 гг.

Nicetas Paphlago. Vita sancti Ignatii archiepiscopi Constantinopolitani. PG. T. 105. Col. 500. Никита этот был приверженец Игнатия и писал или в конце IX, или в начале X века.

О новом взгляде на проблему «церковной чистки»
при Мефодии см.: *Афиногенов Д. Е.* Указ. соч. С. 87–100.

Nicetas Paphlago. Col. 500, 502; Герасим (Яред),
иером. Указ. соч. С. 109.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 352-323.

Во главе студийской оппозиции патриарху Мефодию были два ученика преп. Феодора Студита, монахи Навкратий и Афанасий. См.: *Daibschütz E. von. Methodius und die Studiten* // BZ. 1909. Bd. 18. S. 42.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 253–254.

Современное воззрение на политику и деятельность патриарха Мефодия в отношении иконоборцев и в борьбе с оппозицией студийцев см.: *Darrouzes J.* Le patriarche Methode contre les iconoclastes et les Stoudites // REB. 1987. Т. 45. Р. 15-57.

Михаил Рангаве вместе с женой и сыновьями удалился в храм Богородицы τοῦ Φάρου. См. о нем: *Janin R.* La geographie ecclesiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1953. T. 3. P. 241.

Продолжатель Феофана и Генесий утверждают, что
оскоплен был другой сын Михаила — Евстратий.

Речь идет о монастыре Св. Михаила, прозванном Сатира, на азиатском берегу Босфора. Вообще Игнатий основал три монастыря на Принцевых островах.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 489-496.

Это произошло в 847 г. распоряжением императрицы Феодоры.

Известный греческий писатель Икономос сделал отзыв об Игнатии: Optimus monachus, non optimus patriarcha.

«Лучший монах — не есть лучший патриарх» *(лат.)*.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 489-496.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 365.

Существует мнение, что Григорий Асвеста был изгнан Игнатием за то, что был поставлен на кафедру Мефодием неканоническим образом. См.: *Россеіікин Ф. М.* Указ. соч. С. 36.

Что Григорий не оставался низложенным епископом во времена патриарха Игнатия в Византии, это видно из того, что он посвящал Фотия в патриархи; а что его в те же времена не считали лишенным сана и в Риме, это тоже подтверждается точными данными (*Hefele. Conciliengeschichte. Bd. IV. S. 221*).

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 512.

Ibid.

Ibid.

О. Герасим (Яред) проверил все известия греческих историков и писателей о преступлении Варды и пришел к такому выводу: «Итак, все передают это дело как молву, родившуюся по подозрению, и никто не выдает его за положительный факт». Указ. соч. С. 124. Примеч.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 513.

Это произошло в 857 г. уже после устранения имп. Феодоры от власти.

Anastasii Bibliotecari Praefatio in Cone. VIII general;
Mansi. Concilia... T. XVI. Col. 3. Анастасий был
современником событий, но жил в Риме.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 513.

123

В монастырь Гастрин в сентябре 857 г.

Nicetas Paphlago. Col. 504–505.

Кроме неодобрения политики Мефодия в отношении студитов, по-видимому, Игнатий отрицательно относился к кадровой политике патриарха, что показывает случай с Григорием Асвестой. *Beck H. — G. Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Gottingen, 1979. S. 96.*

Противники Игнатия были убеждены: quod patriarcha Ignatius derogator esset Methodii et idcirco quasi parricida habendus. *Anastasioi*. Op. cit. Col. 3.

Гергенрётер приписывает Игнатию честь примирения студитов с Церковью. *Hergenrother*. Op. cit. Bd. I. S. 354.

Anastasii. Op. cit. Col. 3.

См.: *Россейкин Ф. М.* Указ. соч. С. 28.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 357–358.

Theognosti. Libellus ad Nicolaum papam. PG. T. 105. Col. 856, 861. Эта записка написана была игуменом Феогностом, жарким приверженцем Игнатия, тотчас после собора 861 года.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. **533.**

Theognosti. Op. cit. Col. 856.

Современник, Митрофан Смирнский, говорил: «Игнатий дал соизволение избрать (вместо него самого) патриарха для Церкви». См.: *Metrophanis metropolitae epist. ad Manuelem* // *Mansi*. Т. XVI. Р. 416. Это — свидетельство ревностного приверженца Игнатия.

Об этом было замечено выше.

Mansi. T. XVI. P. 416.

Фотий вступил на патриарший престол не менее 30 лет от роду, как это требуют церковные каноны от кандидатов на епископскую кафедру. 2-е правило Неокесарийского собора и 14-е правило VI Вселенского собора требуют от рукоположенного в пресвитеры 30-летнего возраста. По законодательству Юстиниана, кандидат в епископы должен иметь 35 лет (Нов. № 123. Гл. 13) или 30 лет от роду (Нов. № 137. Гл. 2.) В Номоканоне Фотия приведены обе эти новеллы. Но по толкованию Феодора Вальсамона (XII в.), новелла № 137 уничтожает новеллу № 123. Таким образом, для получения епископского сана достаточно 30 лет.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 513.

Mansi. T. XVI. P. 416.

Приверженцы Игнатия во главе с Митрофаном, еп. Смирнским, собрались в церкви Св. Ирины. В ответ на это Фотий созвал собор в храме Свв. Апостолов и предал анафеме Игнатия.

Герасим (Яред), иером. Указ. соч. С. 131. Примеч.

Разумеет письма Фотия к Варде (***Photius.*** Epistola. № 6. PG. T. 102. Col. 634–625).

Письма Фотия к Николаю именно таковы. PG. Т. 102.
Ер. 1-2.

Anastasii Bibl. Op. cit.; **Mansi.** XVI. 3.

Nicetas Paphlago. Ορ. cit. Col. 512: μέγας άνθρωπος του Θεού.

Anastasii Bibl. Op. cit. Col. 6: quid patriarcha Ignatius ageret, si suo, tempore quaelibet haeresis per syllogismos philosophorum exorta patesceret, qui sellicet viros exterioris sapientiae repulisset (...что патриарх Игнатий действовал, если в то время открывалась какая-либо из ересей, исходя из философских силлогизмов, которые, конечно же, открывались мужами внешнего знания).

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 509.

Symeon Magister. Annales. Bonn. P. 671–673. Симеон жил в середине X в.

Автор «Правды Вселенской Церкви» так рассуждает по этому вопросу: «Как это часто случается, пастырская простота Игнатия, воспитанного в заточении, чуждалась всякой внешней учености, и потому люди, приверженные к нему, ненавидели Фотия, главу и представителя всех ученых своего века, как весьма губительного для Церкви по причине глубоких познаний. Только кесарь Варда начал опять подымать науки из долгого их забвения, которое могло внушать людям, весьма, впрочем, благочестивым, совершенное к ним охлаждение и даже недоверие к сословию ученых, а наоборот, людям, посвятившим себя наукам, взаимное недоброжелательство к пренебрегающим оными». С. 256-257.

Например, Феогност не побоялся написать апелляционную записку к папе по делу Игнатия после его низвержения.

Под руководством Фотия составлены правила собора 861 года, имевшие целью, между прочим, исправление монашеской жизни его времени. См.: ***Герасим (Яред), иером.*** Указ. соч. С. 136–137.

Фотий занимал придворные должности протасикрита (протασηκρήσις = πρότος των σεκρέτων) и протоспафария (протоσπαφάριος), являясь также первенствующим в синклите.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 393–396.

Почему этот собор называется Перво-вторым, или Двукратным? Нужно думать, что это наименование составлено по образу названия одного из прежних соборов, который известен как «Пято-шестой». Древние, однако, не ясно понимали, по какой именно причине собор 861 года получил вышеуказанное название. Так, толкователь церковных правил Зонара говорит: «Читающих это надписание (двукратный) приводит в недоумение, почему настоящий собор, будучи одним, называется двукратным? Рассказывают, что когда собор собрался в храме Свв. Апостолов и православные вступили в рассуждения с инославными (!), то первые оказались более сильными и хотели предать письмени то, о чем было рассуждаемо; но еретики не допустили написать решения, дабы не показаться побежденными и отринутыми от общения с верными, почему произвели такой беспорядок и возмущение, что даже обнажили мечи и совершили убийство. Так и кончилось это первое собрание, не получив видимого завершения. Затем, через несколько времени опять состоялось второе собрание в том же храме, и снова начались рассуждения о тех же предметах; тогда-то и написано было то, что говорено было относительно догматов. Вот почему, говорят, настоящий собор и поименован двукратным». То же мнение повторяет Вальсамон (Правила Поместных соборов с толкованиями, М., 1878. С. 1688–1689. Общ. люб. дух. просвещ.). Но ничего такого из истории собора 861 года неизвестно, поэтому рассуждения Зонары и Вальсамона нужно признать неосновательными. Очевидно, эти писатели смешали обстоятельства деятельности собора 861 года с обстоятельствами, при

каких происходил седьмой Вселенский собор (что Зонара говорит о соборе Двукратном, то было, действительно, с сейчас названным собором). Ученый канонист Гефеле думает, что собор назван так потому, что он делился на два отдела: один был посвящен рассуждениям об Игнатии, а другой об иконоборцах, почему деяния этого собора, посланные в Рим, заключены были в двух разных томах (**Hefele**. Op. cit. IV. S. 230, 233–234). Но объяснение это трудно принять потому, что отделы деятельности собора не могут составлять собою отдельных соборов, что выражается наименованием «Перво-второй». Вероятнее объяснение Гергенрёттера, который полагает, что так как прежде 861 года был другой собор в Константинополе в 858 году, тоже в храме Свв. Апостолов, для рассуждения о действиях Игнатия, который, лишившись кафедры, стал противодействовать новому патриарху — Фотию, то дальнейший собор (861 г.) и стали рассматривать как вторичный собор по одному и тому же делу, а отсюда возникло и самое название его: Перво-второй, или Двукратный (**Hergenrother**. Op. cit. Bd. I. S. 438).

Некоторые фрагменты актов собора в храме Свв. Апостолов сохранились, см: **Dvornik F.** The Photian Schism. History and Legend. Cambridge, 1948. P. 39ff.; **Beck H. — G.** Op. cit. S. 98ff.

Эти акты были сожжены на Константинопольском соборе в 869 году, где с церковной стороны руководителями были игнатиане.

Эти легаты были посланы Николаем I в Константинополь еще в 860 г., в ответ на посольство в Рим, организованное Фотием для того, чтобы папа признал его законным патриархом. См.: **Россеікин Ф. М.** Указ. соч.; **Beck H. — G.** Op. cit. S. 99.

Папа Николай впоследствии утверждал, что будто его послы потому склонились на сторону Фотия и действовали против Игнатия, что были устранены и притеснены властями в Византии (Nicolai epist. ad Photium // **Mansi.** Т. XV. Р. 177). А Феогност, сторонник Игнатия, утверждает, что легаты были задарены Фотием и изменили правому делу, т. е. действовали в пользу Фотия (Theognosti Libellus Ignatii ad Nicolaum papam. Т. 105. Col. 860). Но, очевидно, это клевета неудовлетворенных людей. Папа, благодаря смутам в Византии, надеялся получить расширение своей патриаршей юрисдикции (**Hefele.** Op. cit. Bd. IV. S. 230),** и когда обманулся в этом, начал рассказывать, что будто легаты его действовали не так, как должно, вследствие тирании в Византии. А что касается Феогноста, то его недовольство легатами понятно и без объяснения. Игнатиане надеялись, что легаты будут на стороне Игнатия, но ошиблись в расчетах.

Вопрос о юрисдикции Константинополя или Рима над иллирийскими провинциями возник еще до собора 861 г. См.: Лебедев А. П. История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1999. С. 40–41.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 517. **к** Препозит — в IX–XI вв. — почетный титул евнуха, ведавшего церемониями царских приемов. Развился из придворной должности в ранней Византии «начальника священной спальни» (*praepositus sacricubiculi*).

Препозит — в IX–XI вв. — почетный титул евнуха, ведавшего церемониями царских приемов. Развился из придворной должности в ранней Византии «начальника священной спальни» (*praepositus sacricubiculi*).

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 517.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 517; ***Theognosti.*** Op. cit. Col. 857.

Ibid. Поступок, впрочем, сообразный с характером Михаила.

Ibid. Странно выходит, что фотиане, по смыслу описателей собора, все молчат, как будто бы они и рта не могут открыть в свою защиту. Очевидно, описатели старались стушевать деятельность фотианской партии на соборе.

Есть мнение, что легаты играли второстепенную роль на соборе 861 г., т. к. они не допускались до производства следствия по поводу Игнатия и содержались **ДО** собора под строгим надзором. См.: **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. М., 1997. Т. II. С. 61.

Theognosti. Op. cit. Col. 857, 860.

Theognosti. Op. cit. Col. 860.

В декабре 858 г. Фотий за 4 дня до избрания был пострижен в монахи и возведен в сан. См.: **Beck H. — G.** Op. cit. S. 98.

Theognosti. Op. cit. Col. 860-861.

По изысканиям Гергенрётера, как на Востоке, так и на Западе иногда практиковался обычай, по которому на суде против епископа считалось необходимым иметь до 72 свидетелей. ***Hergenrother***. Op. cit. Bd. I. S. 426.

Что в самом деле против Игнатия выставлено было 72 свидетеля из мирского звания, в этом едва ли можно сомневаться, так как некоторые из этих свидетелей позднее, на соборе 869 г., должны были принести публичное покаяние в содеянном ими поступке.

Нужно сказать, что, действительно, даже приверженцы Игнатия, говоря о поставлении его в патриархи, с особенным ударением указывают на волю императрицы Феодоры и совет инок Иоанникия (См.: ***Nicetas Paphlago***. Op. cit. Col. 501).

Сомнительно, чтоб собор воспользовался этим правилом против Игнатия; правило мало относилось к делу. Вообще, видно, что обвинение предъявлено было против Игнатия светскою властью, и свидетели тоже, очевидно, выставлены правительством. Вероятно, само же правительство для водворения мира в государстве потребовало от собора осуждения Игнатия, что и сделано собором ввиду настойчивых требований светской власти, — исключительно во имя общественного блага.

Ανάξιος (греч.) «недостойн».

Обычай расстрижения существовал в Византии; но на этот раз происходил ли он так торжественно, очень сомнительно.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 517, 520. — Мы извлекли из сказаний Феогноста и Никиты черты, рисующие деятельность собора, но отнюдь нельзя ручаться, что это действительные черты собора. Дело происходило, может быть, так, но не совсем так. Акты собора 861 года отправлены были правительством к папе Николаю (**He-fele.** Op. cit. Bd. IV. S. 234), но они были бы обвинительным актом против Фотия и Византийской Церкви, если бы в них заключалось то же, что у Феогноста и Никиты.

Теперь принята другая дата восстановления иконопочитания — 11 марта 843 г. См.: **Васильев А. А.** История Византии. СПб., 1998. Т. I. С. 383–384.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 516; ***Hergenrother.***
Op. cit. Bd. I. S. 428.

Никита Пафлагонянин рассказывает: когда Фотий в первый раз лишен был патриаршества, то император Василий приказал отобрать у него книги, которыми и было наполнено семь мешков. В числе рукописей, между прочим, находились акты против Игнатия (861 г.) со следующими иллюстрациями, которые будто бы были сделаны Григорием Асвестою. На первой картине (карикатуре) Игнатий изображен был влачимым и ударяемым, а над ним надпись: «диавол». На второй он же представлен заплевываемым в лицо, а надпись гласила: «начало греха». На третьей он является низверженным с престола, а в надписи значилось: «сын погибели». Четвертая изображала его в узах и изгоняемым, а в надписи олова: «корыстолюбие Симона Волхва». Пятая изображала его с железным ошейником, а надпись гласила: «превознесшийся над Богом». На шестой представлено его осуждение, а надпись была такая: «мерзость запустения». Седьмая, изображавшая обезглавленного Игнатия, имела надпись: «антихрист» (Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 540-541). Возникает вопрос: действительно ли Никита говорит правду или же услаждает себя и своих читателей вымыслами своей фантазии? Допустить мысль, что подобные карикатуры нарисованы были Асвестою, этим «Божиим человеком», как его называл Фотий, невозможно. Но, кажется, возможно допустить другое, именно, что какой-нибудь любитель живописи поусердствовал написать карикатуры на Игнатия и преподнес свое изделие Фотию, желая сделать ему приятное. И Фотий мог принять подарок не в меру усердного, но, быть может, искреннего своего почитателя. Должно помнить, что византийская миниатюра с церковным характером

получила свое начало во времена иконоборчества и нередко, имея в виду осмеять иконоборцев, избирала их сюжетом для своих карикатурных изображений. Для той же цели могла послужить миниатюра и в руках какого-нибудь ревностного живописца фотианской партии.

Правила эти изданы в греческом и славянском тексте Обществом любителей духовного просвещения («Правила с толкованиями»); в славянском тексте Иоанном, еп. Смоленским («Курс законоведения»); в одном русском переводе Казанской академии («Деяния девяти помести, соборов»).

Герасим (Яред), иером. Указ. соч. С. 137.

Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 396.

Photii epist. ad Nicol. papam. PG. T. 102. Col. 617.

Photii epist. ad Nicol. papam. PG. T. 102. Col. 612.

Как выразется по поводу этого правила Фотий в выше цитированном письме к Николаю. Ibid. Col. 609.

Nicolai papae epist. ad clerum Constantinop. / ***Mansi.*** T.
XV. P. 245.

Правила с толкованиями... С. 1689.

Василий имел также армянские корни, хотя написанная его панегиристами генеалогия, производящая его от армянских царей из династии Аршакидов, — выдумка (**Adontz N.** L'age et l'origine de l'Empereur Basile I // Byzantion. 1934. Vol. 9).

Василий был принят на службу в 856 г. в должности царского стратора, в обязанности которого входило сопровождать императора во время конных выездов и ухаживать за лошадьми царских конюшен.

Имеется в виду Евдокия Ингерина. См.: ***Kislinger E.*** Eudokia Ingerina, Basileios I und Michael III // JB. 1983. Bd. 23.

Между 21 апреля и 26 мая 866 г. Василий был усыновлен Михаилом III и провозглашен соимператором.

Zonaras. Annales. XVI, 8; **Leo Grammaticus.**
Chronographia. Bonn. P. 254.

Hefele. Op. cit. Bd. IV. S. 344; **Hergenrother.** Op. cit. Bd. II. S. 14. Cf.: Photii epistolis Basilio imperatori (PG. 192. Col. 765).

О перипетиях, связанных со смещением патриарха Фотия в 867 г., см.: **Beck H. — G.** Op. cit. S. 109; **Dvornik R.** Op. cit. P. 132ff.

Кто такой Феофил, «патриарх Михаила», это будет достаточно разъяснено ниже.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 528.

Vita Hadriani (papae): Ignatium patriarcham, populo adnitente, patriarchio restituit. PL. T. 128/ Col. 1386.
Биография эта печатается между трудами Анастасия Библиотекаря, но не принадлежит ему.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 18.

о. **Герасим (Яред), иером.** Указ. соч. С. 178, 204, 248.

Фотий был удален в монастырь Стения на берегу Босфора.

Mansi. T. XVI. P. 46. Epistola Basilii ad Nicolaum.

Mansi. T. XVI. P. 47-49; 325-328.

Спафарий — военный чиновник вроде офицера; другое название, происходящее от того же слова: протоспафарий (этот чин сейчас встретится в нашей речи) означает генерала.

Vita Hadriani (papae). Col. 1388–1390. Возможно, что латинский автор разукрасил картину при помощи фантазии.

Быть может, не лишнее дело дать вообще понятие об актах соборных. Актом соборным называется описание одного дня соборной деятельности. В каждом акте точно обозначалось: где происходило заседание, когда, кто присутствовал на нем; затем вписывались документы, которые прочитывались, беседы, речи или суд, которые имели здесь место; все это скреплялось подписью всех заседавших на соборе, как духовных лиц, так императора и сановников. Записи делали официальные писцы. Подлинные акты хранились или в церковном архиве, или в царской библиотеке.

Вопросы о том, можно ли считать труд Анастасия действительным переводом с подлинника, не вернее ли передают дело греческие извлечения из актов, от чего зависят разности в показаниях между латинским и греческим текстами, насколько существенны эти разницы, — эти вопросы в науке решаются далеко не одинаково. Римско-католический ученый, историк Гергенрётер держится следующего воззрения по поводу сейчас указанных вопросов: «Между обоими текстами нельзя находить существенных различий; порядок соборных рассуждений там и здесь совершенно одинаков, нельзя находить между двумя текстами явных противоречий. Текст Анастасия нужно признавать вполне достоверным и считать подлинным экземпляром соборных деяний. Греческие извлечения могут служить только к пополнению и пояснению латинского текста». Этот ученый допускает, что первоначальный греческий текст актов собора был в некоторых отношениях короче Анастасиева латинского текста. Главную разницу он полагает в числе канонов собора; в латинском тексте их 27, а в греческом 14 (**Hergenrother**. Op. cit. Bd. II. S. 64, 65, 68, 75). Другой католический ученый, канонист Гефеле вполне соглашается с заявлене дает оснований изменять прежде высказанное мнение. Вот оно: «Та и другая редакции вышли из партии игнатиан. Для историка обе редакции имеют равный интерес. Степень правдивости одной в сравнении с другою определить трудно. Во всяком случае, латинская редакция соответствует обстоятельствам дела» (Очерки истории Византийско-восточной Церкви... М., 1878. С. 16).

Что это за часть храма и почему она называлась таким необычным именем, это требует краткого разъяснения. У греков во время богослужения мужчины и женщины становились в церквах отдельно. Женщины помещались в верхних галереях. Эти галереи не должно представлять себе в виде маленьких и легких хор; они устраивались прочно на столбах и на сводах и были обширны. Так было и в храме Св. Софии. Эти галереи здесь были так просторны, что собор 869 года удобно помещался на одной правой их стороне (Mansi. Т. XVI. Р. 309). Они носили название катехумений не потому, что здесь происходили катехизические (огласительные) поучения, а потому, что женщины участвовали в богослужении не столько зрением, сколько слухом. Очень оригинальное объяснение названия катехумений дает профессор Е. Е. Голубинский. Он говорит: «Вероятнее всего видеть в этом названии уничижительное и пренебрежительное (ироническое) имя, данное женским галереям простонародьем в смысле места оглашенного, несобственной церкви». В доказательство своего толкования автор ссылается на одну новеллу Льва Мудрого (Ист. Рус. Церкви. Т. 1, Ч. 2. С. 207).

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 17-18; Gr. text. P. 309.

Это название укоренилось за собором 869–870 гг. в Западной (Римской) Церкви.

Патриарх Фотий не считал этих лиц действительными уполномоченными. Так, в одном письме он пишет: «Никогда не бывало, чтобы посланники нечестивых измаильтян преобразовались в мужей священноначальственных, чтобы им предоставлялись патриархии права и объявлялись они представителями собора, как это, однако, было на соборе 869 года» (***Photius***. Epistola ad. Theodosiu. Col. 892). Замечательно, что сам Гергенрётер, который так защищает этот собор, не может не сознаться, что представители восточных патриархов на этом соборе едва ли были подлинны. Сказав о том, что со времени сарацинского владычества за патриарших представителей стали принимать всякого, кто приходил с какими-либо поручениями от патриархов в Константинополь, этот ученый замечает, что нет ничего странного в том, если бы то же было и на соборе 869 года. ***Hergenrother***. Op. cit. Bd. II. S. 63.

212

Мф. 16, 18.

Латинский текст этой формулы подробнее и резче, чем греческий текст. Но нет оснований сомневаться в точности латинской редакции. Формула эта не новая; такая же была предложена от папы Гормизда Церкви Константинопольской еще во времена императора Юстиниана: изменены лишь имена анафематствуемых еретиков и схизматиков. ***Hergenrother.*** Op. cit. Bd. II. S. 80.

Можно, кажется, с полною справедливостью предполагать, что только потому император и потребовал от местоблюстителей этой записки, что в письме иерусалимского патриарха ни слова не было сказано против Фотия.

Нам необходимо было бы опровергнуть заявление Илии о непризнании Фотия патриархом прочими восточными патриархами, но от этого труда избавляет нас Гергенрётер, этот враг Фотия, который замечает, что заявление местоблюстителей патриарших, будто Игнатий **всегда** (а Фотий, очевидно, никогда) признавался действительным патриархом в восточных патриархатах, не согласуется со строгою истиною. **Hergenrother.** Op. cit. Bd. II. S. 63. Сверх того ср. **Герасим (Яред), иером.** Указ. соч. С. 175.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 16-37; Gr. text. P. 310-319
(первое заседание собора).

Этот Павел был посвящен в архиепископы Фотием, а Игнатием лишен должности, но потом, ввиду его способностей, ему дано было почетное место хартофилакса. ***Mansi.*** Т. XVI. Lat. text. P. 38 (Заметка Анастасия).

В греческом тексте актов сказано только, что всем им возвращен их сан (***Mansi.*** Т. XVI. Р. 321), а в латинском (Ibid. Р. 42) замечено, что не только на диаконов, но и на пресвитеров патриарх возложил орари (огагіа). Не ошибка ли это латинского писателя — Анастасия? Нет, латинский писатель здесь называет священническое отличие — эпитрахиль его настоящим именем; ибо эпитрахиль есть не что иное, как орарь, обернутый около шеи и спущенный концами наперед. Это ясно видно в Лицевом (иллюстрированном) менологии Василия Македонянина (X века).

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 37-43. Gr. text. P. 320-321.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 548.

Mansi.T. XVI. Lat text. P. 44-53. Gr. text. P. 324-328.

Более подробно о переписке Василия I и патриарха Игнатия с папой см: **Лебедев А. П.** История разделения Церквей в IX, X и XI вв. СПб., 1999. С. 81–90.

О церковном судопроизводстве и его развитии в Византии см: **Прокопьев П. А.** Церковное судопроизводство в период Вселенских соборов. Казань, 1900.

Такое отношение Вааниса и Митрофана Смирнского к проблемам фотиан и Фотия следует выводить не только из государственной политики, но и из разности в понимании ситуации папскими легатами и восточными епископами. См. об этом: **Курчаков Ф.** К исследованию о патриархе Фотии // Христ. чтение. 1895. Ч. I. С. 174–220.

Из этого факта Гергенретер выводит заключение, что фотиане пользовались свободой, а не были под арестом. Но этот ученый забывает, что фотиан было такое множество, что мысль об их аресте была бы нелепостью (*Hergenrother*. Op. cit. Bd. II. S. 88), а потому правительство и не отваживалось на это.

Нет оснований не верить Феофилу и Захарии, что они служили обедню с папой. Это было, по их словам, до собора Константинопольского 861 года, а в то время папа Николай еще миролюбиво относился к Фотию, как показывает образ действий папских легатов Захарии и Ро доальда.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 53–74. Gr. text. P. 328–340.

Разумеется, Фотий, указывая на сходство своего положения с положением Христа, вовсе не имеет в виду выставить себя страстотерпцем, каким был Искупитель человечества, и дает заметить собору лишь одно: как Спаситель, так и он, Фотий, были судимы незаконным судом. А в этом едва ли можно находить что-либо предосудительное.

Имеются в виду соборы 861 и 867 гг.

Поставление Фотия, например, произошло в полной сообразности с канонами. На этом же самом соборе Илия Иерусалимский, сам не замечая того, проговаривается и делается защитником Фотия. Он говорит: «Игнатий после своего низложения дал подписку, что он **отрекается** от патриаршества» (*Mansi*. Т. XVI. Р. 35). Следовательно, кафедра была действительно вакантна, и преемник Игнатия не есть узурпатор.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 74-81. Gr. text. P. 340-344.

Гергенрётер (Op. cit. Bd. II. S. 97) при описании пятого деяния собора, деяния, прямо направленного против Фотия, считает нужным выписать заключительные многолетия с полной подробностью, чего при описании других заседаний собора он не делает. Здесь у него читаем: императорам Василию и Константину, «мстителям неправды, врагам лжи». Читатель может подумать, что такого рода многолетствования имели место лишь на этом заседании, а между тем они провозглашались на всех заседаниях. Здесь же их выписал Гергенрётер лишь из ненависти к Фотию, которая доселе руководит пером католических ученых.

Выше мы имели случай заметить, что Илия на первом заседании этого собора признавал факт отречения Игнатия от патриаршества во всей его силе. А теперь тот же Илия ставит под сомнение этот факт. Видно, что оратор совсем запутался в своих объяснениях. Могло ли быть благоприятным впечатление таких неустойчивых объяснений на фотиан? Тем более что в настоящей речи Илия, кажется, приспособляется к воззрениям императора, как покажем сейчас, не склонного признавать факт отречения Игнатия.

В этом месте между латинским и греческим текстом актов существенное разногласие. По греческому тексту, многие фотиане, на самом деле, во время речи Илии перешли от Фотия на сторону собора, а по латинской редакции, Илия только упоминает о том, что еще прежде многие фотиане оставили Фотия и воссоединились с Игнатием. Но греческий текст, очевидно, неправилен, потому что такой важный факт акты описали бы в более подробных чертах, а не ограничились бы одной строчкой. Что касается латинского текста, то и здесь возникают затруднения: на какой именно факт указывает Илия? Ни на одном из предшествующих заседаний фотиане — да еще в большом числе — на сторону Игнатия не переходили. Быть может, разумеется второе заседание...

Неясно: что такое за подписи и клятва? Впрочем, об этом скажем ниже.

Вот подробности речи Захарии. В доказательство того, что папы выносили решения, не сообразные с истиною, оратор указывал на два примера: папа Юлий (IV в.) на соборе оправдал Маркелла Анкирского, и, однако же, он был и остался еретиком; далее, римские папы (в V в.) оправдали Аниария, пресвитера из Африки, но Карфагенский собор признал его, Аниария, лишенным сана. Что касается папы Николая, то оратор говорил: основания, по которым он не признал законности Фотия, недостаточны. Николай, во-первых, не признавал Фотия потому, что он сделан патриархом прямо из мирян, но также из мирского состояния возведены были и Амвросий Медиоланский, и Евсевий Самосатский (IV в.), и патриархи Тарасий, Никифор; во-вторых, Николай утверждает, что Фотий посвящен епископами, отлученными от Церкви (Григорий Асвеста и др.), но они отделялись от общения с Церковью (Игнатием), а не были преступниками: как скоро они вошли в общение с Церковью, они сделались такими же епископами, как и прочие епископы и т. д.

Епископ Анкирский Маркелл отрицал Никейское богословие и борьбу с арианами построил на авторитете Св. Писания. О богословии Маркелла и его осуждении см: Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. IV. С. 122–131; Спасский А. А. История догматических движений... С. 293–298.

Анирий, пресвитер Африканской Церкви, осужден на Карфагенском соборе как сторонник пелагианства.

Τούτο δδε ό διάβολος έτολμήσεν είπεΐν. К кому обращены эти слова? Неужели к самому императору?

Он стремился обвинить Фотия в потворстве кощунственным в отношении Церкви оргиям Михаила III. См.: Иванцов-Платонов А. М. К исследованиям о Фотии, патриархе Константинопольском. М., 1892. С. 13–15.

Вот подробности речи Митрофана. Фотиане говорят, что в Восточной Церкви не один Фотий прямо из мирян сделан епископом, но что то же бывало и с другими очень известными лицами архиерейского сана. Но, говорит оратор, — между случаем с Фотием и другими указываемыми случаями есть разница: те лица возведены были не путем вмешательства гражданского правительства в дела Церкви и возведены на кафедры, бывшие праздными, по причине смерти или отречения их предшественников, а Фотий посажен на кафедру гражданским правительством, вопреки церковным правилам — и притом при жизни своего предшественника. Далее — нельзя усматривать крупных ошибок со стороны пап, рассуждает оратор, в их отношениях к Маркеллу и Аниарию: Маркелл был принят в общение не одним Юлием, а и Афанасием Великим, и притом после того, как Маркелл отрекся от своей ереси. Когда же Маркелл снова возвратился к лжеучению, то он был осужден папою Либерием. Что же касается Аниария, то собор в Карфагене скорее соглашался с решением папы по вопросу об этом лице, чем противодействовал этому решению. В заключение речи Митрофан рассматривает вопрос: Григорий Асвеста и другие епископы, посвящавшие Фотия, были ли лицами, отлученными от Церкви? — и утверждает, что они действительно были таковыми, ибо они были преступниками закона. Замечательно, говорит оратор, что Фотий пожелал посвящения от руки отлученных «по своей прихоти, без всякой необходимости». Подумаешь, что Фотий умышленно хотел нарушать правила Церкви.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 105.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 81-96. Gr. text. P. 344-357.

Собор 869 г., на котором был осужден Фотий, происходил в храме Св. Петра.

Замечательно: Игнатий во все время соборных заседаний молчит. Видно, что он был не мастер вести словопрения. Как же после этого неправы византийские описатели собора 861 года, представляющие, что на нем говорил все Игнатий, а, напротив, Фотий молчал!

Отцеубийцею он назван потому, что занял кафедру Игнатия, презрев его как своего духовного отца, по воззрению врагов Фотия.

Греческий эпитоматор актов этого собора называет эти вирши: ἀκαλλεῖς, т. е. никуда не годными, и совершенно справедливо.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 96–134. Gr. text. P. 357–381.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 545.

Таковы сведения об этих рукописаниях, находящиеся в актах собора; но нельзя не видеть, что сведения эти недостаточны и не совсем ясны. Что это за подписи? Видно, что они, по взгляду собора, представляли дело необыкновенное. Можно, конечно, думать, что Фотий, для того чтобы наиболее упрочить себя на патриаршем кафедре, брал подписи и клятвы в верности ему со стороны пасомых и клириков. Но мы не понимаем: каким образом такие подписи могли пособить ему? Да и налицо тот факт, что Фотий был низвержен. Притом, на что могли понадобиться ему подписи даже от безвлиятельных ремесленников? Не проще ли под именем непонятных этих подписей разуместь вот что: когда Фотий вступит на кафедру, а Игнатий между тем агитировал против него, а потом, когда Фотий совсем был низвержен, не появлялось ли в обществе, начиная от лиц высших и до низших, желания защитить и удержать Фотия на кафедре? И не выражали ли они свое это желание в каких-либо петициях на высочайшее имя и адреса на имя Фотия с собственноручными подписями? Вещь, полагаем, не невозможная. Вот и появились рукописания.

Считаем нужным сообщить некоторые сведения об этом Константинопольском соборе, так как раньше не было случая сказать о нем. Этот собор происходил в Константинополе Великим постом 867 года; на нем присутствовали император Михаил III и бывший в это время кесарем Василий Македонянин, патриарх Фотий, уполномоченные от восточных патриархов, большое число митрополитов и епископов Византийского государства, значительное число императорских сановников. Собор созван был для противодействия притязательности папы Николая, позволившего себе на Римском соборе 863 года предать Фотия анафеме и провозгласить его низверженным с патриаршей кафедры. На этом соборе, в свою очередь, Николай был анафематствован частью за его непомерные папские притязания, выразившиеся в непозволительном вмешательстве в дела Константинопольской Церкви, частью за те отступления в учении веры и обрядах, какие допустила себе Римская Церковь (эти отступления известны). К сожалению, мы не имеем точных сведений о деятельности этого собора; акты его сожжены были на соборе Константинопольском 869 года. Нет никаких сведений о нем и у древних писателей, расположенных к Фотию; об этом соборе говорят лишь враги этого патриарха. Столько лжи наговорили эти последние писатели о соборе 867 года, сколько, кажется, не наговорено ни об одном из древних соборов некоторыми их врагами. Начать с того, что враги Фотия, хотя и признают факт присутствия на соборе императора Михаила и кесаря Василия (Митрофан), но утверждают, что они будто бы не подписались под актами этого собора (биограф папы

Адриана), именно, что будто бы Фотий лишь обманным образом в полночь заставил пьяного Михаила подписать эти акты, а подпись-де Василия совсем поддельная. Но только необузданная фантазия может создать образ Фотия, ночью, как тать, проникающего во дворец царя и заставляющего императора сделать подпись, смысла которой он не мог разуместь вследствие опьянения; а что касается известия о фальшивости подписи Василия, то этому известию не верит и католик Гергенретер, допуская, что подпись Василия была действительная, а не фальшивая. Далее враги Фотия уверяют, что будто бы уполномоченные от восточных патриархов на соборе 867 года были не подлинные, а подставные (Анастасии, Никита Пафлагонянин); но до нас сохранилось подлинное окружное письмо Фотия, которым он просит патриархов прислать своих уполномоченных на собор 867 года (*Photii Epistolae Encyclici... Col. 740*): а если он просил, то, можно полагать, и получил просимое. Далее враги Фотия рассказывают, что будто сначала под актами собора подписался только 21 митрополит и епископ, а так как де выходило, что собор совсем не пользуется признанием со стороны большинства иерархов, то Фотий сам подделал подписи: он приготовил разные толстые и тонкие писчие трости, первыми он подделывал подписи престарелых иерархов, а вторыми — более молодых; притом же подписи старцев были выведены дрожащею рукою, а подписи молодых архиереев твердою рукою (точно кто в окно подглядывал, как подделывал Фотий подписи!), и таких фальшивых подписей он наделал целую «тысячу» (Анастасий и биограф Адриана). Но сплетатели басен не сообразили того, зачем было Фотию понапрасну трудиться делать 1000 поддельных подписей, когда ему, как ученому человеку, хорошо было известно, что даже ни на одном Вселенском соборе никогда не присутствовало 1000 епископов?

Враги Фотия лгали, но меры не знали и тем повредили не Фотию, а себе самим. О деятельности собора враги Фотия сообщают мало известий; но, во всяком случае, они единодушно утверждают, что на соборе папа был отлучен и анафематствован, что, конечно, совершенно справедливо. Anastasii. Praefatio in concilio VIII (Mansi. T. XVI); Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 537; Vita Hadriani. Col. 1387–1388; Metrophanes epistolae ad Manuel (Mansi. T. XVI, P. 417). Hergenrother. Op. cit. Bd. I. S. 648–653; Hefele. Op. cit. Bd. IV. S. 342–343.

Более подробно о Константинопольском соборе 867 г. см: Лебедев А. П. История разделения Церквей... С. 80, а также: Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия... С. 405-433.

Положим, сожжение различных документов, относящихся к временам патриаршества Фотия, доставило большое удовольствие собору, но зачем же было коптить великолепный купол Софийского храма?

254

Не сказано, какой сосуд. Вероятно, заржавленная жаровня из ризницы Софийского храма.

Столь же торжественно было произведено сожжение актов собора 867 года и в Риме. Вот рассказ биографа папы Адриана о сожжении другого экземпляра тех же актов. Посланные от императора Василия и Игнатия доставили акты этого собора папе Адриану в запечатанном виде. Посланный от Игнатия бросил их на землю возле папы и сказал: «В Константинополе они уже прокляты, то же следует сделать и в Риме»; а посланный от императора стал попирать их ногами и разить мечом и сказал: «Я уверен, что здесь сидит диавол». Затем, когда открылся собор в Риме, в храме Св. Петра, против Фотия (в 869 г.), папа приказал принести акты на собор; все присутствующие топтали их ногами, после чего выбросили вон. На площади был приготовлен костер, куда они наконец и были брошены. По рассказу описателя, акты сгорели очень скоро, несмотря на моросивший дождь (*Vita Hadriani... Col. 1387-1388*).

Враги Фотия, давая описание деятельности собора 867 года, уверяют, что на нем были приняты от некоторых лиц заведомо ложные жалобы на папу Николая (**Anastasioi**. Praefatio in concilio VIII; **Mansi**. T. XVI. P. 5).

Вопросом о том, истинные или фальшивые были местоблюстители на Фотиевом соборе, рассматриваемый собор занимается еще на 9-м заседании. Скажем, кстати, в чем состояли дальнейшие занятия собора по вопросу. На собор вызваны были, кроме известного нам Леонтия, какой-то еще Георгий (или Григорий) и какой-то Сергей. Куда девались прежние лица (Петр и Василий) — неизвестно. Откуда взялись эти Георгий и Сергей — опять неизвестно. Видно, что этого добра в Константинополе было немало. Но вот что остается совершенно непонятным. Прежде понадобились для допроса на соборе лица с именами — Петр, Василий и Леонтий, конечно, потому, что такими именами были названы местоблюстители в актах Фотиева собора. Но поймет ли кто, почему на дальнейшем заседании в качестве соучастников Фотиева собора выступают вместо Петра и Василия какие-то Георгий и Сергей? Ясно одно, что на соборе 869 г. тянется какая-то канитель. Станный собор, странные его деяния! Правда, можно предположить, что мнимых местоблюстителей на соборе было не три, а больше; но для такого предположения не имеется оснований. На девятом заседании снят был допрос с Леонтия, Георгия и Сергия; все они заявили, что ничего не знают о соборе 867 года, и согласились анафематствовать тех, кого собор (869 г.) анафематствует. Как «нищих» и «бродяг», собор с миром отпустил допрошенных **{Mansi. Т. XVI. Р. 155-156}**. Что это, как не «комедия», по выражению о. Герасима (Указ. соч. С. 185).

Герасим (Яред), иером. Указ. соч. С. 182. Возникает вопрос: что сожжено было на соборе этом — оригинал актов собора 867 года или список с них? Наши документы прямо об этом не говорят, но, принимая во внимание, что митрополитам на соборе 869 года предлагался вопрос: ваши ли **эти** подписи (*Vestrae hae subscriptiones*)? — должно склоняться к мысли, что сожжен оригинал.

Замечательно, ни на одном соборе не было так много говорено о важности пяти патриархов (пентархии), как на этом. Это делалось с целью противодействовать фотианам, которые говорили, что они свое спасение полагают не в согласии с патриархами, а в согласии с церковными правилами. Нельзя не сказать, что в приведенных словах Вааниса теория о важности пяти патриархов получает искусственную форму.

В древности амвон устраивался не так, как теперь: он был высок и поместителен, имел вид открытой беседки на высокой подставке; на него всходили по лестнице.

Mansi. T. XVI. Lat. text. P. 134–143. Gr. Text. P. 381—389
(восьмое заседание).

В греческом тексте (*Mansi.* Т. XVI. Р. 389, 392) указано, что лиц сановных на заседании было гораздо больше, а епископов «свыше ста»; но это случайная или же тенденциозная ошибка: писатель отнес к девятому деянию то, что принадлежало лишь десятому деянию.

1 Не знаем, что это за историк Александр; но во всяком случае нижеследующий рассказ патриарха совершенно согласен с «Церковной историей» Евсевия (V, 12; VI, 10–11).

Или иначе «Перво-второй» собор; он был описан выше.

Поставление Игнатия могло быть названо неправильным в том отношении, что он сначала назначен был патриархом единоличной властью императрицы Феодоры, а потом уже назначение его было подтверждено собором епископов (если такой собор действительно был созываем), тогда как следовало поступить наоборот: избрать (посредством открытого голосования) патриарха должен был собор епископов, а уже утвердить императрица. С этой точки зрения, показания свидетелей против Игнатия не могут считаться фальшивыми. Все дело лишь в том, что при спокойном положении Церкви такая неправильность осталась бы без последствий. Но не то было в эпоху Игнатия и Фотия.

Opera ejus pejora sunt omni haeresi, quia diaboli operarius est! Возглас впору лишь нашим раскольникам и недостойн просвещенных представителей Византийского собора.

Так объясняет ловкий Ваанис, почему из 72 свидетелей, являвшихся для показаний против Игнатия в 861 году, на теперешний собор явилось всего-навсего лишь 13 человек. Перемереть очень многие из них не могли: прошло ведь только 8 лет со времени собора 861 года; больных и отсутствующих тоже нельзя считать десятками. Ясно, что большинство бывших свидетелей не пожелало идти на собор, и, весьма вероятно, потому, что не считали делом справедливым отказываться от прежде данных показаний на соборе 861 года — 13 человек явилось, а почти 60 нет. Может ли это быть случайностью? Обратим внимание на то, что явились с повинной головой все одни чиновники (исключение: отставной диакон, да и тот мог быть на гражданской службе); говорим: чиновники, следовательно, люди вполне зависимые от правительства, живущие его милостями; а могли ли такие лица послушаться императора, если бы он приказал им показать ложь, признать себя виновными без вины, — сделать это на таком соборе, деятельность которого соткана была из одной сплошной лжи.

Вот ясное указание на то, что частое причащение христиан было не в одной глубокой древности, а и в IX веке. Если правило позволяет им причащаться лишь в праздники Господни (число которых и тогда было значительно), то отсюда следует, что прочие верующие, не несущие епитимьи, церковно-правоспособные, имели право и обычай причащаться еще чаще, быть может, каждый воскресный день. Значит, Византия IX века, несмотря на все свои нравственные недостатки (о которых частью дает понятие изучаемый нами собор), несмотря на господство в ней внешнего благочестия, некоторыми сторонами церковной практики тесно сближалась с прекраснейшими обычаями первохристианской древности.

Лебедев А. П. Очерки истории Византийско-восточной Церкви IX–XI веков. М., 1878. См. предисловие. С. 12. [См. новое издание: **Лебедев А. П.** Очерки истории... СПб., 1998. С. 10.].

Может ли в самом деле Фотий быть обвиняем в недостатке пастырской ревности, в попустительстве по отношению к Михаилу, забавлявшемуся кощунственным шутовством? Едва ли. Есть основание полагать, что когда Фотий стал патриархом, кощунственные действия прекратились, Феофил — главное лицо в этих действиях, — оставил дворец; во всяком случае, несомненно, что публичное оказательство кончилось. Если кому может быть сделан упрек в недостатке пастырской ревности в отношении к Михаилу, так это Игнатию, который сам встречался на улицах с шутовской процессией и, однако, оставлял дело без внимания (эта сторона вопроса достаточно разъяснена о. Герасимом (Указ. соч. С. 130, 132)). При этом следует принять во внимание клятвенное уверение одного близкого к Фотию епископа, высказанное на соборе 869 года, — что Фотий, сделавшись патриархом, не видывал шутовства Грилла (*Mansi*. Т. XVI. Р. 88).

Правило 16-е собора по латинской редакции (Р. 169). В этом же правиле положены прещения и угрозы церковными наказаниями как относительно царей и правительственных лиц, позволяющих себе кощунство, так и относительно патриарха и епископов, не обличающих этого кощунства.

Mansi. T. XVI. Lat. text. 143–157. Gr. text. P. 389–397.

Какое громадное отличие от собора 861 года, созванного для борьбы с игнатианами под главенством Фотия! На этом соборе присутствовало 318 епископов.

Среди них был и Анастасий Библиотекарь, составивший отчет о деятельности собора. Союз заключался для совместных действий против арабов в Южной Италии. См.: **Успенский Ф. И.** История Византийской империи. Т. II, 1997, С. 90–93.

Не только число греческих правил меньше, чем латинских, но даже изложение сходных по содержанию правил не всегда одинаково. Отчего зависела разность в числе правил, решить нелегко. Все попытки объяснить вопрос остаются не достигающими цели (см., например, ***Hergenrother***. Op. cit. Bd. II. S. 68–70). Вероятнее всего, скажем мы, разница объяснялась тем, что греческий редактор актов выписал из подлинных актов лишь такие правила, какие ему показались особенно важными.

Mansi. T. XVI. Lat text. P. 157–195. Gr. text. 397–409.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 127–128.

Vita Hadriani. Col. 1393-1394.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 131.

Phothii epistola ad Theodosium monachum. PG. T. 102.
Col. 892-893.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 540.

См. о доктрине симфонии властей в Византии:
Курганов Ф. А. Отношение между церковной и
государственной властью в Византийской империи.
Казань, 1880.

Epistolae regi Basilio. Col. 765; 768–769.

284

Epistolae Baanae praeposito. Col. 953.

Об этих страданиях своих приверженцев говорит сам Фотий, и не один раз, на соборе 879 года (самые слова Фотия будут приведены ниже).

Известный, враждебный Фотию, писатель Никита Пафлагонянин рассказывает, что Фотий снискал милость императора тем, что составил вымышленное родословие, производя род императора Василия от Тиридата, первого христианского царя в Армении. Но этой выдумке теперь не верят и католические историки, не расположенные к Фотию (**Hefele**. Op. cit. Bd. IV. S. 427).

Hefele. Op. cit. Bd. IV. S. 420.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 207–208, S. 225–227.

О спорах римского папы с константинопольским патриархом по поводу юрисдикции Болгарской Церкви см: **Лебедев А. П.** История разделения Церквей... С. 152–161; **Успенский Ф. И.** Указ. соч. Т. II. С. 70–89; **Россейкин Ф. М.** Указ. соч.

Это случилось в 864–865 гг. благодаря деятельности болгарского князя Бориса.

291

Война 862–864 гг.

Непосредственным поводом обращения Бориса к Риму явились нестроения в новоустроенной Болгарской Церкви, по поводу чего князь пишет папе Николаю I письмо.

См. подробнее: **Голубинский Е. Е.** Очерк истории Православных Церквей — Болгарской и пр. М., 1871. С. 22-31.

О развитии идей папской власти и верховной юрисдикции в период понтификата Николая I см.: **Лортц И.** История Церкви в связи с историей идей. М., 1999. Т. 1. С. 262–270.

Vita Hadriani... Col. 1392-1393.

О переписке императора Василия I с папой Иоанном VIII по этому вопросу см.: **Лебедев А. П.** История разделения Церквей... С. 167–173.

Nicetas Paphlago. Op. cit. Col. 557.

Положение папы в политическом отношении описано в: ***Hergenrother***. Op. cit. Bd. II. S. 379–380.

Mansi. T. XVIII. P. 153 (Epistolae Ioannis ad Constantinopolitanos).

Секретариумом назывался дьяконник, где хранились церковные сосуды и приготавлились хлеб и вино для евхаристии. Дьяконник иногда был очень обширен. В иных дьяконниках и в прежнее время происходили соборы, например в Карфагене. Устройство софийского дьяконника неизвестно.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 462.

Mansi. Т. XVII. Р. 373–393. Кроме лучшего католического издания актов собора 879 года у Манси существует еще греческое издание их в сборнике Досифея, патриарха Иерусалимского, носящем заглавие: «Τόμος χαρας», но этого издания нет в нашем распоряжении. Гергенрётер указывает иногда варианты Досифеева издания, но, судя по этим указаниям, это издание не имеет важности.

Mansi. T. XVII. P. 393-412.

Поскольку тут речь идет об очень сложном моменте — установлении церковной юрисдикции над Болгарской Церковью, то этот вопрос требует некоторого прояснения. Собор 869–870 гг., на который прибыли представители Болгарской Церкви, утвердил возвращение этой Церкви в лоно Константинопольского патриархата, но с представлением ей автономии. Важным было то обстоятельство, что заседание, на котором был поставлен вопрос о Болгарской Церкви, было проведено по императорскому распоряжению, и потому постановления относительно Болгарии считались санкционированными императором. Кроме того, возможно, в данном случае проявилось воззрение византийцев, что император как покровитель христианских народов (ойкуменизм) может утверждать и каноническую структуру церковного устройства новообращенных государств. См.: **Успенский Ф. И.** Указ. соч. Т. II. С. 88–89, 150; **Оболенский Д. Д.** Византийское содружество наций. М., 1998. С. 102–104.

Паллиум, или омофор, на Западе давал папа митрополитам в знак их подчинения себе и в знак их особой власти в той стране, где находились эти митрополиты. Ничего такого не делали патриархи Востока. На Востоке омофор с древних времен был обычной принадлежностью каждого епископа. Если Фотий говорит о посылке паллиумов в западном смысле, то, вероятно, он лишь просто применяется к терминологии легатов, разумея в этом случае постановление митрополитов для данной страны.

Некоторые из этих примеров взяты легатом из письма папы Иоанна к императору Василию.

Mansi. T. XVII, P. 412-428.

Патриарх слишком строго судит об Иосифе. Правильнее было бы признать его лишь превысившим свои полномочия на соборе 869 года. См. историю этого собора, заседание девятое.

Теперь же было прочитано послание к Фотию митрополита Амидского и Самосатского, но оно не имеет интереса.

Mansi. T. XVIII. P. 428-449.

311

Гергенрёттер знает только один такой пример.

Mansi. T. XVII. P. 449-460.

Замечательно, что легаты в число лживых патриарших уполномоченных не помещают Иосифа из Александрии: быть может, они не считали его за самозванца.

Чтение десятой главы инструкции представляется ясно поврежденным. Ибо папа Иоанн ни в каком случае не мог выразиться так резко о соборе 869 года: *rejecta, irrita et sine robore*.

Mansi. T. XVII. P. 460-473.

Mansi. T. XVII. P. 485.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 492, причем этот автор указывает основания, на которых утверждается догадка, что Григорий умер в промежуток между 3-м и 4-м заседаниями собора.

Necetas Paphlago. Op. cit. Col. 573.

Патриарх сказал слишком много. Правильно было бы сказать, что Церковь Антиохийская признавала Фотия законным архипастырем и в первое его патриаршество.

Mansi. XVIII. P. 476-485.

Таковыми подписями нужно считать не подписи патрикиев под актами собора 869 года, так как под актами этого собора подписались, кроме епископов, лишь император и его сыновья; вероятно, в свое время от лиц, занимающих высокое государственное положение, была вытребована подписка, что они соглашаются с актами 869 года; об этих-то подписях и идет теперь речь.

Слова Иннокентия приводятся в письме папы Иоанна VIII к восточным епископам.

Представляется не совсем понятным, почему собор отверг предложение легатов, тогда как собор 861 года (прав. 17) уже принял подобное же определение; но, кажется, это последнее определение было принято не столько ради потребности церковной, сколько ради примирения с папой Николаем. См. выше: «Перво-второй собор».

Два последних требования, заключающиеся в главах, представленных легатами папы Иоанна VIII, являли собой цель унифицировать избрание архиереев других кафедр по образцу Римской, что, видимо, явилось дополнительной причиной против их принятия восточными Церквями.

В подлиннике предложение изложено в более строгих выражениях, но едва ли легаты без особенной нужды позволили бы себе говорить таким языком.

Mansi. T. XVII. P. 485-492.

Легат здесь говорит так, как будто бы Римская Церковь до этого времени не признавала собора 787 года Вселенским, но это несправедливо, ибо Анастасий, переводчик актов собора 869 г., имел уже представление о семи Вселенских соборах. Не следует ли под словами «Римская Церковь» в речи легата разуместь вообще Западную Церковь, которая в это время еще не вся приняла авторитет собора 787 года?

Курганов Ф. А., также занимавшийся периодом патриаршества Фотия, на основе высказываний Митрофана, митрополита Смирнского, пришел к выводу, что этого иерарха не следует зачислять в сторонники папской политики. См.: **Курганов Ф. А.** Указ. соч. С. 198.

Hefele. Op. cit. Bd. IV. S. 462; **Барсов Т. В.** Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878. С. 114–115.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 505. Cp. Epistola Photii... PG. T. 102. Col. 616-617.

Схоластики говорили, что **епископство есть *status perfectionis acquisitae*** (состояние достигнутого совершенства), а монашество есть *status perfectionis acquirendae* (состояние искомого совершенства).

«Вселенским» собор называет себя потому, что на нем присутствовали уполномоченные от всех патриархов, подобно тому, как этим именем назвался и собор Перво-второй (861 г.).

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 509.

Папа Иоанн VIII не одобрил этого собора и его деяний, поскольку его требования не были исполнены. В 881 г. Иоанн VIII вновь анафематствовал Фотия. См.: **Лебедев А. П.** История разделения Церквей... С. 220–222.

Mansi. T. XVII. P. 492-512.

Действительно, так и было. Гергенрётер утверждает, что папа Иоанн VIII, подобно папе Льву III, не допускал в Римской Церкви чтения символа с прибавкой *filioque*. ***Hergenrother***. Op. cit. Bd. II. S. 536.

Синкелл — в Константинопольской Церкви церковная должность, в обязанности которой входило осуществлять связь со светской властью. Синкелл был членом императорского синклита.

Mansi. T. XVII. P. 512-520.

Mansi. T. XVII. P. 520-524.

Hergenrother. Op. cit. Bd. II. S. 524.

Папы, конечно, не признают значения за собором 879–880 гг., и, кажется, сам Иоанн VIII не принял актов этого собора; но это не имеет важности, как скоро собор остается знаменательным фактом для самой Восточной Церкви.

См. подробнее об этом: **Лебедев А. П.** Очерки истории Византийско-восточной Церкви. С. 31–32.

Раскрыто у о. Герасима в сочинении: Отзывы о патриархе Фотии... С. 251-255.

См. об этом: Лебедев А. П. Очерки истории...; Его же. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви в XI-XV вв. СПб., 1998.

При Николае возник раскол в Византийской Церкви. Он не хотел признать четвертого брака императора Льва; но чего не хотел сделать Николай, то, по низвержении его, сделал преемник его Евфимий. Образовались две партии — приверженцев Николая и приверженцев Евфимия. Следы раскола видны в Церкви в течение почти ста лет.

При нем возник так называемый арсенианский раскол. Арсений отлучил по одному поводу императора Михаила Палеолога и не желал снять отлучения. Патриарх был низвержен, и его многочисленные приверженцы целое полу столетие оставались вне общения с Церковью.